

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

На правах рукописи

Ковалев Борис Вадимович

**СТИЛЕМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВАРИАТИВНОСТИ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО АВТОРСКОГО СТИЛЯ В РОМАНАХ
МАРИО ВАРГАСА ЛЬОСЫ**

Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Марусенко Михаил Александрович

Санкт-Петербург

2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. МАРИО ВАРГАС ЛЬОСА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОМАННОГО ТВОРЧЕСТВА	13
1.1. Марио Варгас Льюса: творческая биография.....	13
1.2. Лингвостилистические особенности романов Марио Варгаса Льюсы	19
1.3. Подходы к классификации романов Марио Варгаса Льюсы	27
Выводы к главе 1	47
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТИЛЕМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	50
2.1. Стилеметрия как явление	50
2.2. Стилеметрия на раннем этапе	56
2.3. Стилеметрия в России и СССР	62
2.4. Метод Delta Берроуза	72
2.5. Мера Zeta.....	82
Выводы к главе 2	85
ГЛАВА 3. СТИЛЕМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОРПУСА РОМАНОВ МАРИО ВАРГАСА ЛЬОСЫ.....	88
3.1. Подготовка и проведение стилеметрического анализа романов Марио Варгаса Льюсы методом Delta	88
3.2. Уточнение результатов применения метода Delta к трем романам Марио Варгаса Льюсы	101
3.3. Лексико-грамматические различия классов романов Марио Варгаса Льюсы	122
Выводы к главе 3	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	140
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	145
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	146
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И БИБЛИОГРАФИЙ.....	174
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	176

ВВЕДЕНИЕ

Осенью 2023 г. был опубликован последний роман Марио Варгаса Льосы (1936–2025), классика латиноамериканской литературы, одного из крупнейших романистов второй половины XX в., лауреата многочисленных литературных премий, обладателя Нобелевской премии по литературе (2010). В послесловии писатель объявил, что *Le dedico mi silencio* («Посвящаю Вам свое молчание») стал его последним романом, в 2024 г. Варгас Льоса завершил писательскую карьеру, а в 2025 г. скончался. В этой связи актуализируется необходимость комплексного анализа полного, окончательно сформировавшегося перечня романов перуанского автора.

Литературная карьера Варгаса Льосы длилась шестьдесят лет, за это время писатель опубликовал девятнадцать романов. Имеются основания считать, что на протяжении такого значительного периода стиль автора не может оставаться неизменным. В случае с творчеством Варгаса Льосы изучение стилистического своеобразия его текстов особенно релевантно. Неоднократно подчеркивалось, что отличительной чертой Варгаса Льосы среди остальных латиноамериканских авторов второй половины XX в. является именно «неподражаемая писательская техника» [Корконосенко 2004: 7], внимание к стилю, к языку повествования [Harss 1966; Oviedo 1970; Martín 1979; Fuentes 1969: 46; Fuentes 2011; Kristal, King 2012]. Для прояснения вопроса о возможной вариативности индивидуального авторского стиля Марио Варгаса Льосы требуется предпринять комплексный лингвостилистический анализ корпуса его романов.

Осуществить надежное исследование значительного объема текстов привычными, традиционными средствами лингвостилистического анализа представляется затруднительным и подчас невозможным. Однако достижения современной стилистики, аппарата количественного анализа позволяют провести продуктивное исследование лингвостилистических особенностей крупного корпуса текстов. На нынешнем этапе развития стилистические методы, с одной

стороны, отвечают требованию комплексности [Виноградов 1959; Holmes 1998], а, с другой стороны, являются достаточно надежными для применения как в области описания своеобразия, вариативности и динамики индивидуального авторского стиля [Андреев 2012], так и в сфере характеристики субъекта идиолектной деятельности в целом [Литвинова 2021].

Настоящее исследование посвящено стилеметрическому анализу вариативности индивидуального авторского стиля Марио Варгаса Льосы с использованием компьютерных инструментов и выявлению стилистических особенностей этой вариативности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования стилеметрических инструментов и исследования потенциала их применения для анализа вариативности индивидуального авторского стиля, а также необходимостью комплексного изучения стиля и поэтики классика латиноамериканской литературы Марио Варгаса Льосы с использованием методов статистико-вероятностного анализа.

Степень научной разработанности темы. Существует богатая традиция изучения индивидуального авторского стиля при помощи стилеметрических инструментов на материале различных языков, в том числе испанского. Первые методики количественного анализа предлагались еще на рубеже XIX-XX вв., главным образом, для решения задачи датировки диалогов Платона [Dittenberger 1881; Lutoslawski 1897d; Lina 1889] Выделяется шекспироведческая ветвь [Mendenhall 1887; Mendenhall 1891], а также возникшие несколько позже на основе этих направлений стилеметрические труды, в которых квантитативный подход к анализу текста использовался для анализа немецкоязычных [Ritter 1903] и русскоязычных текстов [Морозов 1915].

Новый импульс эта ветвь исследований получила во второй половине XX в. Задачи атрибуции анонимных и псевдоанонимных текстов решаются в трудах М. А. Марусенко [Марусенко 1990], Ф. Мостеллера, Д. Уоллеса [Mosteller, Wallace 1963], Дж. Берроуза [Burrows 2002; Burrows 2007], Я. Рубицкого [Rybicki 2012; Rybicki 2016], М. Эдера [Rybicki, Eder 2011; Eder 2016; Eder 2018], Д. Гувера

[Hoover 2005; Hoover 2019], методика комплексного стилиметрического анализа текста формулируется в трудах В. В. Виноградова [Виноградов 1961], Г. Я. Мартыненко [Мартыненко 1988], Д. Холмса [Holmes 1998]. Так, например, Х. Кальво Тельо осуществляет периодизацию романов Р. М. дель Валье-Инклана при помощи метода Delta [Calvo Tello 2019], В. С. Андреев изучает динамику стиля американских поэтов с учетом влияния хронологического фактора на изменчивость стиля, выделяя интегральные и дифференцирующие признаки [Андреев 2012], в трудах Б. В. Орехова анализируется стилистическая вариативность гетеронимов португальского поэта Фернандо Пессоа [Skorinkin, Orekhov 2023ab], в рамках маркемологической школы производится изучение наиболее характерной лексики в текстах того или иного автора [Кретов 2010; Фаустов, Кретов 2017; Кашкина 2013], Ф. Н. Двинятин анализирует художественные тексты с позиции количественной грамматики [Двинятин 2017; Двинятин 2019]. М. Ю. Михеев и Л. И. Эрлих предлагают определять авторство текста и своеобразие стиля посредством анализа частотностей служебных слов [Михеев, Эрлих 2018], А. В. Зенков изучает первые значащие цифры в числительных [Зенков 2017].

Необходимо заметить, что для современной стилиметрии характерна разрозненность методик, однако за все время существования этой филологической дисциплины был достигнут своего рода консенсус. Корректное стилиметрическое исследование должно отвечать требованию комплексности, необходимо сопоставлять результаты, полученные при помощи квантитативных методов, с данными традиционного литературоведческого и текстологического анализа.

В качестве **материала исследования** были взяты девятнадцать романов Марио Варгаса Льосы, написанные между 1963 и 2023 гг., в качестве сопоставительного материала привлекались по два романа Карлоса Фуэнтеса и Габриэля Гарсиа Маркеса. Всего в исследовательский корпус вошло 23 художественных текста. Общий объем текстов, подвергавшихся анализу, составил 2 828 256 словоупотреблений.

Объектом исследования служит индивидуальный авторский стиль Марио Варгаса Льосы, проявляющийся в корпусе его романов.

Предмет исследования составляют стилистические особенности романов Марио Варгаса Льосы, выраженные на уровне наиболее частотной лексики и характерных лексико-грамматических признаков.

Гипотеза исследования заключается в том, что привлечение количественных методов может доказать справедливость устоявшегося в латиноамериканистике мнения [Castany Prado 2007; Castany Prado 2015; Kristal, King 2012; Novoa 2020], что три первых романа Марио Варгаса Льосы «Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе» стилистически отличаются от более поздних текстов.

Статистическая гипотеза формулируется в следующем виде:

- Нулевая гипотеза H_0 . Романы Варгаса Льосы делятся на два класса: три ранних романа и шестнадцать более поздних текстов;
- Первый вариант альтернативной гипотезы H_a^1 . Романы Варгаса Льосы делятся более чем на два класса, при этом три ранних романа «Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе» принадлежат одному классу;
- Второй вариант альтернативной гипотезы H_a^2 . Романы Варгаса Льосы делятся на несколько классов, при этом три ранних текста относятся к разным классам.

Целью исследования является стилеметрический анализ вариативности индивидуального авторского стиля Марио Варгаса Льосы и классификация романов в соответствии с эволюцией его индивидуального авторского стиля.

Реализация цели подразумевает решение следующих **задач**:

- обобщение исследовательского опыта классификаций романов Варгаса Льосы;
- разработка методики анализа индивидуального авторского стиля, учитывающей, с одной стороны, исторические особенности развития стилеметрии и квантитативной лингвистики и, с другой стороны, современное состояние средств стилеметрического анализа;
- исследование вариативности индивидуального авторского стиля Варгаса Льосы посредством ряда стилеметрических опытов на основе разработанной методики;

- стилеметрическая классификация романов Варгаса Льосы;
- лексико-грамматическая характеристика выделенных классов романов Варгаса Льосы.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды В.В. Виноградова, определившего комплексный подход к стилеметрическим исследованиям, Дж. Берроуза, М. Эдера, Я. Рубицкого, Х. Крейга, Р. Мишеа, Ф. Мостеллера, Д. Уоллеса, Н. А. Морозова, Р. Г. Пиотровского, Г. Я. Мартыненко, М. А. Марусенко, разрабатывавших количественные подходы к анализу стилей. В исследовании используется ряд **статистических методов** (метод наивных байесовских классификаторов, метод опорных векторов, меры Delta Берроуза и Zeta), а также традиционные инструменты **стилистического и морфологического анализа**.

В исследовании реализован **междисциплинарный** подход. Как не раз утверждалось и в рамках отечественной стилеметрической традиции, и в рамках западной, «изучение стиля должно быть комплексным и системным <...> необходимо вскрыть функции всех языковых средств в структуре произведения» [Виноградов 1961: 198], в гипотезе необходимо учитывать элементы трех типов: «биографические, идеологические и стилистические» [Берков 1958: 188], «стилеметрические доказательства должны быть взвешены на весах наряду с данными более традиционных исследований, проведенных учеными-литературоведами» [Holmes 1998: 116]. Только сочетание точности лингвостатистического анализа, подкрепленного производительной мощностью современных компьютерных технологий, с традиционным лингвостилистическим и историко-литературным инструментарием может обеспечить достоверность исследования. Таким образом, диссертационная работа опирается на общие методологические принципы системности, объективности и междисциплинарности.

Положения, выносимые на защиту:

1) Стилистическая обособленность первых трех романов Варгаса Льосы «Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе» может быть объективно доказана стилеметрическими методами;

2) Частотный анализ методом Delta позволяет разделить корпус романов Марио Варгаса Льосы на 4 класса (Ω): тотальные романы, пессимистические романы, документальные романы и легкие романы со значительной долей любовного, эротического элемента;

3) Стилеметрический анализ позволяет установить особую роль романа «Тетушка Хулия и писака» в творчестве Варгаса Льосы: в нем задаются два стилистических тренда, проявляющихся на более позднем этапе творчества. Главы, написанные на автобиографическом материале, служат стилистическим прототипом легких, эротических романов; пародийные главы, в которых имитируются манера радиопьес и мыльных опер, – основа будущих документальных текстов;

4) Средствами стилеметрического анализа при помощи меры Zeta можно выявить характерные модели употребления глаголов, особенности использования местоимений, наречий и служебных частей речи, которые характеризуют развитие и вариативность индивидуального авторского стиля Варгаса Льосы и являются маркерами конкретных классов;

5) Контрастивный анализ на основе меры Zeta устанавливает именные и глагольные лексико-семантические особенности для каждого класса романов, которые служат признаками, различающими эти классы, и характеризуют вариативность индивидуального авторского стиля Варгаса Льосы.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественной и мировой латиноамериканистике девятнадцать романов Варгаса Льосы подвергаются комплексному стилеметрическому анализу, направленному на выявление трендов эволюции индивидуального авторского стиля в процессе творчества. В исследовании разработана комбинированная методика стилеметрического анализа индивидуального авторского стиля, которая представляет собой синтез частотного и распределительного подходов и

реализуется в два этапа: (1) определения классов текстов на основе изучения наиболее частотной лексики посредством метода Delta и (2) выявления дифференцирующих лексико-грамматических признаков классов при помощи контрастивного анализа на основе меры Zeta.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты способствуют развитию теории и практики стилеметрического анализа для выявления динамики и вариативности индивидуального авторского стиля, вносят вклад в развитие доказательной аналитической стилеметрии. Разработанная методика способствует обогащению исследований в области стилеметрии, лингвостилистики, цифровой филологии, формируя процедуру анализа индивидуального авторского стиля на основе частотно-распределительного подхода, а также изучения стилеметрического среза литературного языка конкретного периода.

Практическая значимость состоит в том, что основные положения и выводы вносят вклад в исследование творчества Нобелевского лауреата Марио Варгаса Льосы, а также могут быть использованы в специальных курсах по отдельным аспектам стилеметрии, истории количественных методов в языкознании, могут привлекаться в рамках курсов по цифровой филологии, компьютерной лингвистике, стилистике и лексикологии испанского языка, национальным вариантам испанского языка и истории литератур Латинской Америки.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования обеспечивается применением наиболее надежных и апробированных в современной стилеметрии инструментов, синтезом частотного и распределительного подходов, а также проведением многоаспектного анализа, отвечающего требованию комплексности для осуществления корректного стилеметрического исследования: наряду с данными, полученными при помощи компьютерных инструментов, учитываются и результаты традиционных литературоведческих и лингвостилистических исследований.

Структура работы включает введение, три главы, заключение, список использованной литературы, список словарей и библиографий. Рабочие материалы исследования расположены на следующем ресурсе: <https://disk.yandex.ru/d/RG0mZqGSvmtSlg>.

Во *введении* определяется материал, цели и конкретные задачи исследования, уточняются объект и предмет, формулируется гипотеза, обосновываются актуальность, методологическая база, научная новизна, практическая и теоретическая значимость.

В *первой главе* «Марио Варгас Льюса: лингвистические проблемы романного творчества» дается анализ латиноамериканского бума как процесса, одним из ключевых участников которого был Марио Варгас Льюса, описывается структура корпуса его романов, определяются основные лингвостилистические особенности его текстов, а также анализируются различные подходы к классификации его романов.

Вторая глава «Теоретические основы стилеметрического анализа» посвящена хронологии возникновения стилеметрии как филологической дисциплины и как термина; в ней приводится обзор наиболее значительных и продуктивных стилеметрических методик и обосновывается выбор метода, который используется в рамках настоящего исследования.

В *третьей главе* «Стилеметрический анализ корпуса романов Марио Варгаса Льюсы» описываются процедуры стилеметрического анализа (стилеметрические опыты) на основе методов Delta и Zeta, проведенные для реализации основной цели исследования. Результаты опытов сопоставляются с подходами к классификации, предпринятыми филологами в предыдущие годы. Выделяется четыре класса романов и устанавливается лексико-грамматическое своеобразие каждого класса.

Каждая глава диссертации завершается выводами.

В *заключении* обобщаются результаты проведенного анализа корпуса романов Варгаса Льюсы при помощи количественных методов, намечаются перспективы для дальнейших исследований испаноязычной прозы второй половины XX в.

Список литературы насчитывает 274 работы на русском, испанском, английском, французском, немецком и польском языках.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в виде доклада на следующих международных конференциях:

1) «Кластеризация романов Марио Варгаса Льосы методом Delta: уточненные данные», Международная научная конференция Современные пути изучения литературы (СПИЛ) (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва – Смоленский государственный университет, Смоленск, 16–18 мая 2024 г.).

2) «Два стиля одного автора: стилеметрический анализ романа М. Варгаса Льосы “Тетушка Хулия и писака”», III Международная научная конференция «Литература, язык и компьютерные технологии (LiLaC)», (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 7–9 ноября 2024 г.).

3) «Контрастивный анализ лексики в перспективе выявления особенностей идиостиля (на материале романов М. Варгаса Льосы)», II Международная научная конференция «Ибероамерика: Человек. Общество. Язык» (Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, 9–10 апреля 2025 г.).

4) «О ранних квантитативных подходах в языкознании: зарождение стилеметрии», LIII Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 25–31 марта 2025 г.).

5) «Моделирование стилистической вариативности романов Марио Варгаса Льосы», семинар «Марио Варгас Льоса сквозь призму времени: 89 лет со дня рождения выдающегося перуанского писателя» (Посольство Республики Перу в РФ – Библиотека иностранной литературы им. М. А. Рудомино, 11 марта 2025 г.).

Исследование было поддержано из средств гранта СПбГУ М1_2020 – 5: «Литературные тексты и их язык vs количественные, корпусные и компьютерные методы: взаимное тестирование (Набоков и сопоставительный материал)»: 2024 г., этап 5, номер проекта: 95434615.

Всего по теме диссертации опубликовано 9 работ, общим объемом 8,73 п. л. Из них в изданиях, рекомендованных ВАК, – 4 по специальности 5.9.8 (3,64 п.л.) и 4 (4,75 п.л.) по смежным специальностям.

ГЛАВА 1. МАРИО ВАРГАС ЛЬОСА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОМАННОГО ТВОРЧЕСТВА

Марио Варгас Льюса (1936–2015) – перуанский писатель, автор десятков романов, повестей, рассказов, эссе и филологических работ; лауреат огромного количества премий, наиболее значительные из которых – премия Библиотеки Брве (1963), премия Ромуло Гальегоса (1965), премия Сервантеса (1994) и Нобелевская премия по литературе (2010). В 2017 году писатель был также удостоен российской литературной премии «Ясная поляна». Марио Варгас Льюса – один из общепризнанных классиков литературы XX в., один из ярчайших романистов латиноамериканской литературы периода ее расцвета – эпохи так называемого «латиноамериканского бума».

Чтобы задать определенную систему координат и охарактеризовать корпус его романов, коротко обозначим основные вехи его творческой биографии.

1.1. Марио Варгас Льюса: творческая биография

Марио Варгас Льюса родился 28 марта 1936 г. в г. Арекипа на юге Перу. Вскоре после рождения мальчика перевезли в Боливию – в город Кочабамба, где его дед был назначен консулом. В 1945 г. семья переехала в небольшой городок Пьюра на севере Перу, где будет разворачиваться значительная часть действия романа «Зеленый дом» и более поздних текстов. Родители Варгаса Льюсы спустя несколько лет после расставания воссоединились – и семья отправилась в Лиму.

Там он пишет первые тексты, а пьеса «Бегство Инки» (1952) будет удостоена постановки. В 1950-м году Варгас Льюса по решению отца поступает в военное училище Леонсио Прадо.

Два года спустя Варгас Льюса начинает работать журналистом в лимской газете *La Crónica*, после возвращения в Пьюру – в *La Industria*; еще через год он поступает в Национальный Университет Сан-Маркос, где изучает филологию и право.

В 1957 г. молодой автор выигрывает конкурс французского журнала *Revue Française* с рассказом «Поединок»: наградой становится двухнедельная поездка в Париж; год спустя он защищает в Мадриде диссертацию на тему «Основы интерпретации творчества Рубена Дарио», а в 1959 г. публикует в Барселоне сборник рассказов «Вожаки», который получает премию имени Леопольдо Аласа. Вскоре Варгас Льоса переезжает в Париж, где занимается журналистикой и пишет свой первый роман «Город и псы». Дебют удачен – Варгас Льоса становится обладателем премии Библиотеки Бреве, а в 1963 г. получает Премию критики. Согласно популярному мифу, описание казармы было сочтено военным начальством столь оскорбительным, что несколько сотен экземпляров книги сжигают на плацу училища. В действительности же подобная акция не проводилась, что удалось доказать историку Карлосу Агирре в недавней книге [Aguirre 2015: 230–247]. После невероятно успешного дебюта молодой писатель публикует повесть «Щенки» (1967), романы «Зеленый дом» (1966), «Разговор в Соборе» (1969).

Именно 1960-е гг. – пик «латиноамериканского бума»¹ [Sánchez 2009]. В этот период написаны наиболее значительные тексты Г. Гарсиа Маркеса, К. Фуэнтеса, Х. Кортасара, Х. Доносо, А. Карпентьера, Х.Л. Борхеса и др. Своеобразие латиноамериканского бума определяют три фактора.

1) Издательский: ключевые издательства Sudamericana и Seix Barral² в начале 1960-х гг. увеличили объем продаж и разнообразный литературный поток стал достоянием не только критиков и филологов, и ранее осведомленных о своеобразии латиноамериканской литературы, но и широкой общественности³.

2) Общественный: писатели разных стран Латинской Америки почувствовали консолидацию на фоне блокады Кубы со стороны США; большинство авторов континента разделяют социалистические убеждения. Значительную роль играет

¹ Неоднократно отмечалось, что своего рода «ядром» латиноамериканского бума является 1967 год: Нобелевская премия М. А. Астуриаса, публикация «Ста лет одиночества» [Sánchez 2009; Pernet 2013], задумка проекта «Отцы отечества», в рамках которого коллектив авторов должен был написать серию очерков о латиноамериканских диктаторах [Morin Flores, Canizales 2021].

² Подробнее о специфике издательского процесса в Барселоне тех лет: [Dravasa 2005].

³ С издательской природой бума соглашается и А.Ю. Миролюбова [Миролюбова 2023: 535].

организация Дом Америк, созданная на Кубе в 1959 г. для поддержки развития и интегрирования культурных и социальных связей на латиноамериканском континенте; на деньги организации, осуществляются разнообразные мероприятия (конгрессы, семинары), вручаются премии.

3) Языковой: основная предпосылка бума – необходимость создания нового языка для описания сложной реальности пространства Латинской Америки. Такие авторы, как Варгас Льоса, Карпентьер, Гарсиа Маркес и Кортасар переосмысливают категории историчности и языка (исп. *historicidad y lenguaje*). Новый латиноамериканский роман – это новый язык, противопоставленный устаревшим способам выражения, характерным для минувших эпох. Латиноамериканская литература этого периода отрицает установленный порядок и традиционную лексику, противопоставляя ему язык обновления, юмор, символическую и интерпретационную неоднозначность [Fuentes 1969: 31].

Одним из важнейших авторов бума является Марио Варгас Льоса, который в 1960-е гг. романы: «Город и псы» (1963), «Зеленый дом» (1966), «Разговор в Соборе» (1969), и вступает в литературную жизнь, в кратчайшие сроки завоевывая репутацию одного из самых крупных и влиятельных писателей своего поколения. Более того, в 2012 г. прошел конгресс, организованный Институтом Сервантеса, где Варгас Льоса еще раз был признан центральной фигурой бума [Pernett 2013; Миролюбова 2023], что вновь подчеркивает значение Варгаса Льосы в этом литературном процессе и актуализирует необходимость внимательного изучения корпуса его текстов.

«Зеленый дом», один из двух (наряду со «Ста годами одиночества» Г. Гарсиа Маркеса) центральных романов бума, по выражению Харсса, является и одним из трех-четырех самых «законченных» романов в латиноамериканской литературе [Harss 1966: 446]. Это строжайше выверенный текст с идеальной кристаллической структурой, вдохновленный экспедицией Варгаса Льосы в 1957 г. в район Мараньона.

«Разговор в Соборе» — третий и последний роман Варгаса Льосы 1960-х гг. По существу, это диалог между двумя героями, в рамках которого разворачиваются

другие диалоги, через которые рассказываются описываемые события. Сам Варгас Льюса признает этот роман своим лучшим произведением⁴.

На рубеже 1960-1970-х гг. Варгас Льюса осмысляет своей художественный метод, анализирует тексты других авторов, размышляет о современном состоянии латиноамериканской прозы в книгах «Тайная история романа» (1971), «Гарсиа Маркес: история богоубийства» (1971), «Вечная оргия: Флобер и мадам Бовари» (1975). В 1968 г. Варгас Льюса посещает СССР [Буйнова 2021], а в начале 1970-х гг. переживает «кризис реалистических убеждений» [Castany Prado 2007: 19], что находит отражение в романах «Капитан Панталеон и Рота добрых услуг» (1973) и «Тетушка Хулия и Писака» (1977).

В 1981 г. писатель обращается не к сугубо перуанскому, а к зарубежному, бразильскому материалу – результатом становится роман «Война конца света» о Войне в Канудосе 1896-97 гг. Соположение реальности и фикции продолжается в романе «История Майты» – хронике не существовавшего революционного деятеля, и повести «Кто убил Паломино Молеро?». Роман «Говорун» (1987) типологически схож с «Войной конца света». Оба текста спаяны «тотальным видением мира в его метафизической и исторической ипостасях» [Надъярных 2005: 654]. Тогда же появляются сборники эссе «Между Сартром и Камю» (1981), а также двухтомник «Вопреки ветру и буре» (1983–1986).

В конце десятилетия Варгас Льюса активно занимается политикой, баллотируются в президенты Перу, но на выборах 1990 г. проигрывает будущему диктатору Фухимори. На этом фоне Варгас Льюса уезжает из страны и пишет скорбный роман «Литума в Андах» (1993). Вскоре он принимает гражданство Испании и окончательно переезжает в Европу. Одновременно с этим Варгас Льюса пишет эротическую дилогию «Похвальное слово мачехе» (1988) и «Тетради донна Ригоберто» (1997). В 1993-м он публикует автобиографию «Рыба в воде», в 1994-м – становится лауреатом премии Сервантеса. В 2000 г. выходит роман «Праздник Козла».

⁴ См. предисловие к изданию [Vargas Llosa 1999a], а также интервью В.В. Познеру: «Познер» [Электронный ресурс]. 23.10.2017. URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-mario-vargas-llosa-pozner-vypusk-ot-23-10-2017> (дата обращения 30.10.2024). Режим доступа: свободный.

Помимо романов в этот период публикуются разнообразные эссе: «Писательская реальность» (1991) — сборник эссеизированных лекций, главным образом, посвященных собственным текстам автора, «Письма молодому романисту» (1997), «Язык страсти» (2001), «Полвека с Борхесом» (2004), «Любовный словарь Латинской Америки» (2005), а также большая книга «Путешествие к вымыслу» (2008) о творчестве Х. К. Онетти.

В 2003 г. публикуется роман «Рай на другом углу» об активистке Флоре Тристан и ее внуке Поле Гогене. В «Похождениях скверной девчонки» (2006) Варгас Льюса оказывается ближе к бескомпромиссному реализму обожаемых им русских реалистов, прежде всего, Толстого, чем к флюберовскому исследованию самообмана [Kristal, King 2012: 137]. Более традиционная (по сравнению с его ранней модернистской прозой) реалистическая манера будет преобладать и в «Сне кельта» (2010) — романе, посвященном борцу за независимость Ирландии Роджеру Кейсменту. Накануне публикации романа Варгас Льюса становится лауреатом Нобелевской премии по литературе (2010), а в 2011 г. король Испании жалует ему титул маркиза.

В 2013 г. выходит в свет роман «Скромный герой». За него Варгас Льюса будет удостоен премии «Ясная поляна» (2017) в номинации «Иностранная литература». Затем публикуется роман «Пять углов» (2016), посвященный обществу Перу середины 1990-х гг., и «Суровые времена» (2019), где описываются события в Гватемале 1950-х гг. В 2021 г. Варгас Льюса был избран во Французскую академию. Наконец осенью 2023 г. увидел свет последний, как было заявлено самим автором⁵, роман *Le dedico mi silencio*: действие вновь разворачивается в Перу, особое внимание уделено креольской музыке, в тексте присутствует серьезная эссеистическая доля.

⁵ См. Mario Vargas Llosa anuncia su retiro de la literatura con su última novela “Le dedico mi silencio”// El Comercio [Электронный ресурс]. 18.10.2023. URL: <https://elcomercio.pe/luces/libros/mario-vargas-llosa-anuncia-su-retiro-de-la-literatura-con-su-ultima-novela-le-dedico-mi-silencio-mario-vargas-llosa-le-dedico-mi-silencio-jean-paul-sartre-libros-luces-ultimas-noticia/> (дата обращения: 30.08.2024). Режим доступа: свободный.

На протяжении всей карьеры Варгас Льюса не оставлял журналистскую работу, в частности, сотрудничал с газетой *El País*⁶. В конце 2023 г. он объявил о том, что заканчивает карьеру журналиста, а в 2024 г. опубликован двухтомник его публицистических текстов: «Огонь воображения» и «Тысячеликая страна». Написав эссе о Сартре, в 2024 г. Варгас Льюсы объявил об окончании литературной карьеры. 13 апреля 2025 г. Марио Варгас Льюса умер в Лиме.

Итак, в настоящий момент корпус романов Марио Варгаса Льюсы приобрел законченный вид, что открывает широкие перспективы для первой попытки обобщения стилистических черт романов и попытки их классификации.

Перед выходом последнего романа в испаноязычной прессе⁷ утверждалось, что *Le dedico mi silencio* – двадцатый роман Варгаса Льюсы. Этот подсчет верен, если учитывать в качестве романа «Кто убил Паломино Молеро?». В отечественной традиции латиноамериканистики этот текст принято обозначать как повесть: как в силу объема, так и по причине относительной простоты повествования. Насчитывается одна сюжетная линия, сопряженная с убийством героя по имени Паломино Молеро; в отличие от случая таких романов, как «Город и псы», «Зеленый дом», «Тетушка Хулия и писака», «Праздник Козла», здесь отсутствуют параллельные линии, осложняющие и обогащающие нарратив. В рамках нашего исследования мы считаем необходимым придерживаться последнего подхода.

Итак, в перечне романов Варгаса Льюсы находятся следующие тексты (табл. 1.1):

⁶ Публицистика Варгаса Льюсы стала предметом исследования для диссертации: [Сковоринский 2013].

⁷ Blanes P. Vargas Llosa publica su último libro de ficción 'Le dedico mi silencio', una utopía donde la música une el Perú // CadenaSER [Электронный ресурс]. 26.10.2023. URL: <https://cadenaser.com/nacional/2023/10/26/vargas-llosa-publica-su-ultimo-libro-de-ficcion-le-dedico-mi-silencio-cadena-ser/> (дата обращения: 30.08.2024). Режим доступа: свободный; а также Gándara D., Ferrer Solá J., Fernández L. Los libros de la semana: de la última novela de Mario Vargas Llosa a «Maniac» de Benjamin Labatut // La Razón [Электронный ресурс]. 28.10.2023. URL: https://www.larazon.es/cultura/literatura/libros/libros-semana-ultima-novela-mario-vargas-llosa-maniac-benjamin-labatut_20231014653bda4932dc750001495480.html (дата обращения: 30.08.2024). Режим доступа: свободный.

Романы М. Варгаса Льосы

№	Название	Русский перевод	Год
1	<i>La ciudad y los perros</i>	«Город и псы»	1963
2	<i>La casa verde</i>	«Зеленый дом»	1966
3	<i>Conversación en La Catedral</i>	«Разговор в Соборе»	1969
4	<i>Pantaleón y las visitadoras</i>	«Капитан Панталеон и Рота добрых услуг»	1973
5	<i>La tía Julia y el escribidor</i>	«Тетушка Хулия и писака»	1977
6	<i>La guerra del fin del mundo</i>	«Война конца света»	1981
7	<i>Historia de Mayta</i>	«История Майты»	1984
8	<i>El hablador</i>	«Говорун»	1987
9	<i>Elogio de la madrastra</i>	«Похвальное слово мачехе»	1988
10	<i>Lituma en los Andes</i>	«Литума в Андах»	1993
11	<i>Los cuadernos de don Rigoberto</i>	«Тетради дона Ригоберто»	1997
12	<i>La fiesta del Chivo</i>	«Праздник Козла»	2000
13	<i>El paraíso en la otra esquina</i>	«Рай на другом углу»	2003
14	<i>Travesuras de la niña mala</i>	«Похождения скверной девчонки»	2006
15	<i>El sueño del celta</i>	«Сон кельта»	2010
16	<i>El héroe discreto</i>	«Скромный герой»	2013
17	<i>Cinco esquinas</i>	«Пять углов»	2016
18	<i>Tiempos recios</i>	«Суровые времена»	2019
19	<i>Le dedico mi silencio</i>	«Посвящаю Вам свое молчание»	2023

1.2. Лингвостилистические особенности романов Марио Варгаса Льосы

Специфика творчества Варгаса Льосы заключается в использовании языка как ключевого инструмента для создания художественного мира, «тотальная оптика» Варгаса Льосы зиждется на лингвостилистическом многообразии. Именно

поэтому К. С. Корконосенко, исследователь и – что особенно значимо, – переводчик прозы Варгаса Льосы констатирует: «Главное в творчестве Варгаса Льосы – его неподражаемая писательская техника, которая и делает его стиль узнаваемым. Новая манера письма – это как раз то, что труднее всего передать на другом языке. Сказанное отнюдь не умаляет заслуг переводчиков писателя на русский язык – это лишь попытка объяснить, почему имя Марио Варгаса Льосы в испаноговорящем мире всегда будет значить больше, чем за его пределами» [Корконосенко 2004: 7]. В этой связи актуализируется необходимость осуществить стилеметрический анализ корпуса его романов.

Значительное влияние на манеру и стиль Варгаса Льосы оказал Лев Толстой⁸. «Война и мир» стала образцом того, как можно соединять различные планы повествования и точки зрения, воспроизводить картину разных социальных слоев и передавать их манеру речи при помощи соответствующих лингвистических средств.

Несомненно и влияние Гюстава Флобера — особенно во фрагментах, характеризующихся отстраненным третьеличным описанием тех или иных явлений. Б. Салазар указывает на «флоберовское» стремление Варгаса Льосы обновить образ рассказчика путем вынесения эстетических суждений о реальности с некоторой дистанции от описываемого мира в таких романах, как «Город и псы», «Зеленый дом» [Salazar 2005].

Одним из ключевых текстов для перуанского писателя стал «Тирант Белый» (1490), рыцарский роман Жуанота Мартуреля, написанный на каталанском языке. Этот роман поражает молодого автора своей двойственностью: в нем реальные факты сочетаются с вымыслом, исторические события подвергаются вольной интерпретации, а фантастические эпизоды описываются в реалистически беспристрастном ключе.

Особую роль в процессе формирования стиля Варгаса Льосы сыграл Борхес, что признает и сам перуанский писатель⁹: «Испанский язык – многословный,

⁸ См., например, недавнюю компаративную статью [Fonseca Gálvez 2019], рассуждения Варгаса Льосы [Harss 1966], а также [Kristal, King 2012].

⁹ Подробнее о литературно-эстетическом влиянии Борхеса на Варгаса Льосу: [Salinas 2021; Rossoni 2022].

красочный, яркий, с огромным эмоциональным диапазоном. И по этой же причине – концептуально неточный <...> Проза Борхеса на этом фоне становится аномалией, поскольку, оставаясь строго бережливым к словам, Борхес избегает естественной тяги испаноязычных авторов к излишествам» [Vargas Llosa 1991: 10]. Точность выражения мысли, отсутствие пространных риторических эпизодов, экономия лингвистических средств, обеспечивающая почти поэтическую языковую плотность, станут важной чертой стиля Варгаса Льосы.

Отдельные стилистические особенности романов Варгаса Льосы вызывают непреходящий интерес у лингвистов¹¹. Так, например, активно используемые автором индихенизмы, заимствования из языка кечуа (на котором говорило автохтонное население Перу доколумбовой эпохи), не раз становились предметом изучения лексикологов [Arrizabalaga 2014; Caja 1995]. Изучались особенности перуанского национального варианта на материале романов Варгаса Льосы и, среди прочего, лексические особенности этих текстов, «перуанизмы» [Lovón Cueva 2012; Jiménez Barrilado 2015; Martos 2019; Williams, Carrasquilla 2012; Zavala Cisneros 1996].

В этом плане наиболее характерной оказывается работа Ловона Куэвы [Lovón Cueva 2012]. В его статье собраны перуанизмы, использованные Марио Варгасом Льосой в разных произведениях, преимущественно ранних («Город и псы», «Щенки», «Вожаки» и др.). Были выделены ключевые существительные, прилагательные и глаголы. Подсчеты показывают, что чаще всего употребляются имена существительные, – однако дальнейшей интерпретации этих статистических данных не приводится. Мартос [Martos 2019] акцентирует внимание на выражениях, свойственных не просто перуанскому варианту испанского языка, но речи жителей конкретного города – Пьюры. Именно там разворачивается действия ряда романов (от «Зеленого дома» до позднего «Скромного героя»). Наиболее характерным примером является употребление восклицания “che gua” ‘вот это да /

¹¹ При этом следует оговориться, что львиная доля появляющихся ныне на западе крупных исследований по Варгасу Льосе носят либо теоретико-литературный, либо социально-политический характер: [Castro 2011; Castro 2014; Castro, Birns 2010; Establier Pérez 1997; Fernández Carmona 2003; Kristal 1998; Williams 2014].

ничего себе' [Martos 2019: 219], при этом подчеркивается, что жители города Пьюра чаще используют только слово “gua”, в то время как в текстах Варгаса Льосы представлен только двусоставный вариант, что, как полагает М. Мартос, является значительным упрощением.

Кроме того, необходимо отметить, что об идиоматическом пласте лексики перуанского варианта испанского языка на основе анализа некоторых романов Варгаса Льосы была защищена магистерская диссертация в СПбГУ [Берт 2020].

Пожалуй, первой масштабной работой, посвященной Варгасу Льосе, является книга Овьедо [Oviedo 1970]. Это попытка комплексного анализа поэтики еще молодого автора, собственно стилистические особенности текста становятся в ней скорее частным случаем. Внимание исследователя концентрируется скорее на общих особенностях повествования в их сопряженности с эстетическими, жанровыми, теоретико-литературными концепциями. Уже в 1974 году появляется монография, целиком посвященная осмыслению повествовательных особенностей прозы Варгаса Льосы посредством стилистического анализа¹² [Martín 1979] (первое изд. – 1974).

Публиковались статьи, посвященные стилистическим решениям в конкретных текстах Варгаса Льосы: «Щенки» [Frank 1982], «Тетради дона Ригоберто» [Jiménez Barrilado 2015]. Предпринимались попытки осмысления и собственно взглядов на стиль Варгаса Льосы. Впервые – еще в 1960–70-е [Harss 1966]¹³, [Oviedo 1970], такого рода попытки продолжают вплоть до нашего времени [Fernández Cozman 2017].

Действительно, испанский язык Варгаса Льосы донельзя своеобразен, что особенно отчетливо видно при соположении контрастных эпизодов. В романе «Зеленый дом» и далее соседствуют реплики малообразованных персонажей (диалоги с участием мангачей – братьев Леон, разговоры полицейских в сельве):

¹² Рецензия на первое издание монографии начинается так: «Ни для кого не секрет, что существует огромный перечень работ, посвященных повествовательной прозе Варгаса Льосы» [Pereira 1974: 352], – спустя 11 лет после публикации первого романа. А упомянутая работа Овьедо называется рецензентом «классической» – менее чем через 5 лет после выхода труда в свет.

¹³ Труд Харсса замечателен тем, что в нем появляется прямая речь и самого Варгаса Льосы.

например, “Buenmosisísimo” [Vargas Llosa 1983: 45], а не “bonísimo” или “buenísimo” ‘прекраснейший’ и обороты, поднимающиеся на уровень «поэзии в прозе»: “Su dejo era distinto, muy musical y un poco lánguido, insólitos los giros y modismos que empleaba, y, cuando discutía, la violencia de su voz hacía pensar en un capitán de montoneras” [Vargas Llosa 1983: 39].

Лингвостилистический полифонизм обращает на себя внимание уже в дебютном романе Варгаса Льосы. С. Кастро-Кларен [Castro-Klarén 2006: 33] указывает, что достоинство «Города и псов» заключается в том, что в романе успешно изображается устная речь персонажей. Х.Л. Мартин подчеркивает, что в тексте происходит лексическая революция: исследователь указывает на сочетание экспрессивности и агглютинативного принципа словообразования; например, в случае ругательства “putesumadre” [Martín 1979: 224]. Х. М. Дельгадо утверждает, что термин «революция» не корректен, поскольку намерение автора состоит только в том, чтобы изобразить на письме манеру речи некоторых жителей Лимы (а писать так, как говорят, с точки зрения исследователя, не является лексическим изобретением и, тем более, “революцией”). С другой стороны, в «Городе и псах» преобладает язык, призванный раскрыть человеческие типы в ситуациях, которые возникают в динамичной вселенной романа [Delgado 2019: 58].

В первую очередь подчеркивается лексическое разнообразие в плане живописания грубого и жестокого мира романа. Дельгадо выделяет три способа выражения жестокого отношения в романе [Delgado 2019: 63]: угрозу, агрессивные фразы в бытовом речевом потоке и овеществление, при котором человека заставляют чувствовать себя бесполезным предметом из-за прозвищ или уничижительного обращения: “Esclavo” ‘Раб’ — прозвище Рикардо Араны.

Язык романа богат стилистическими и лексическими приемами: с одной стороны, тем самым создается особая самостийная выразительность мира романа, а с другой стороны, достигается предельный уровень правдоподобия.

Согласно Р. Гнутцман [Gnutzmann 1992: 180–185], язык романов – в особенности ранних и, в частности, «Города и псов» – изобилует не только перуанизмами, но и словами и выражениями, характерными для жителей Лимы.

Тем самым Варгас Льюис достоверно описывает манеру речи конкретных социальных слоев (кадеты, жители Лимы и окрестных городов). С этой позицией не согласен Дельгадо, настаивая, что обилие междометий, перуанизмов, арготизмов, устойчивых выражений и многочисленных повторов используется автором не для достоверной передачи речевых особенностей героев, а ради создания эффекта тотальности повествования [Delgado 2019: 57].

Варгас Льюис играет с грамматическими категориями для создания общей атмосферы хаоса и вневременности повествования. Как замечает Карлос Фуэнтес, в «Зеленом доме» автор о прошлом рассказывает в настоящем времени, а о настоящем – прошедшем [Fuentes 2011], что позволяет разрушить привычную иерархию (исп. *desjerarquización*) глагольных форм, нивелируя их в общем действии. Так создается эффект тотальности повествования, достигается определенная автономизация реальности мира романа.

«Разговор в Соборе» также характеризуется значительным разнообразием на стилистическом уровне. Продолжается тенденция «Города и псов» и «Зеленого дома» — речь представителей различных социальных страт отчетливо маркирована. Кроме того, значительный интерес представляет очень насыщенное в языковом отношении начало романа [Simunovic Díaz 2013]. Отмечается употребление «свободного косвенного стиля», являющегося промежуточным этапом между прямой и косвенной речью, регулярное опущение традиционных маркеров: “dijo” ‘сказал’, “pensó” ‘подумал’. Подобный метод применялся уже в «Зеленом доме».

Эмпатия, достигаемая такими языковыми средствами, возникла под влиянием флюберовского повествования [Simunovic Díaz 2013: 203]. Симунович Диас описывает лингвистическую модель, которая становится отличительной всех ранних романов Варгаса Льюиса: «Создается последовательность чередующихся высказываний, которую нельзя четко дифференцировать; речь рассказчика и внутренние рассуждения персонажа становятся трудно различимыми, у них зачастую нет формальных маркеров» [Simunovic Díaz 2013: 213]. Это усиливает самоотождествление читателя с психологическим состоянием персонажа. Начало

романа программирует сознание читателя, не только знакомя его с набором тем, которые будут развиваться в дальнейшем, но и с самых первых строк погружая его в особый нарративный механизм, обеспечивающий тотальное описание внутреннего мира героя при абсолютной отстраненности авторской точки зрения.

Авторская стратегия меняется в «Капитане Панталеоне и Роте добрых услуг». Впервые обратившись к написанию романа с серьезной, если не преобладающей долей юмора, Варгас Льюис использует языковые средства не ради изображения живой речи – а для описания и пародирования «мертвой». Одно из главных средств достижения комического – язык романа. Таковы, например, все рапорты капитана Панталеона:

“Que el suscrito se permitió concluir su alocución conmemorativa felicitando al personal del SVGPPA por su buen comportamiento y regularidad en el trabajo y exhortándolo a redoblar esfuerzos para alcanzar en el futuro metas más altas de rendimiento tanto cuantitativas como cualitativas” [Vargas Llosa 1999b: 158].

«Нижеподписавшийся завершил свою торжественную речь, отметив примерное поведение и упорный труд сотрудников Роты добрых услуг, и призвал их удвоить усилия для достижения более высоких показателей эффективности в будущем, как в количественном, так и качественном измерении»¹⁴.

Это составляет контраст с «Городом и псами» или «Зеленым домом», где, напротив, использовался «живой язык» – как средство приближение к реальности [Castro-Klarén 2006]. Сдвиг поэтики наблюдается и на лингвистическом уровне: используется слово не живое, а мертвое, и не для воспроизведения реальности, а для ее пародирования.

Фундаментальное «двухголосие» романа «Тетушка Хулия и писака» вызвало серьезный интерес среди филологов. Исследовались стиливые различия глав романа [Fuente González 2005; Mudrovcic 1996; Oviedo 1983; Sandoval 2019], предпринимались попытки выделения специфических черт «авторских голосов» [Alonso 1991; Prieto 1983], отдельно изучались лингвистические особенности глав, написанных от лица Педро Камачо [Andreu 1986]. Схожий по своей «двухголосной»

¹⁴ Здесь и далее перевод примеров – наш.

структуре «Говорун» неоднократно становился объектом подобного рода анализа: см., например, [Aponte 1993; Piñeyro 2008].

Также анализировался лексический уровень «Тетрадей дона Ригоберто» [Jiménez Barrilado 2015], диалог в «Празднике Козла» [Defort 2008], с позиции риторики изучался роман «Война конца света» [Kölmann 2014]; анализировались особенности реализации индихенизмов в романе «Литума в Андах» [Лавринова 2022].

О поздних романах Варгаса Льосы написан ряд работ, однако большая их часть выдержана в историко-литературном ключе с элементами анализа стиля в той степени, в которой наблюдения над ним позволяют филологу охарактеризовать особенности повествовательной техники. Таковы, например, работы Кристала [Kristal, King 2012] и Уильямса [Williams 2014].

Среди наиболее примечательных сугубо лингвистических трудов о специфике последних романов Варгаса Льосы отметим еще несколько работ, посвященных анализу особенностей перуанского варианта испанского языка на материале романа «Скромный герой» [Hernández 2014], «Пять углов» [Журавлева 2016]. В работах такого типа нередко рассматривается лингвистическое своеобразие текстов (в случае статьи Эрнандеса – «Скромного героя») для решения задач обучения испанскому языку. Изучая роман с педагогической точки зрения, автор приходит к выводу, что в романе широко представлены диалектные особенности, обеспечивающие лексическое и грамматическое богатство текста. Это, в свою очередь, может быть полезно для изучающих испанский язык. Однако в целом можно констатировать, что на данном этапе даже работ педагогической направленности и статей, в которых больший интерес представляет перуанский вариант испанского языка, нежели стиль Варгаса Льосы, на материале текстов 2010-х гг. написано еще немного. Очевидно, позднейшие романы Варгаса Льосы еще будут в должной мере исследованы.

Отдельный пласт представляют работы переводоведческого характера, направленные на изучение особенностей передачи отдельных культурных феноменов или сложной индивидуально-авторской манеры: см., например, [Войку,

Демидова 2015; Ощепкова 2017; Bensoussan 2006; Blanco Mayor 2020; Hou 2017]. Однако в этом случае творчество Варгаса Льосы вновь выступает лишь в качестве материала.

Еще в середине 1970-х гг. [Pereira 1974] было очевидно, что литература, посвященная творчеству Варгаса Льосы, огромна – и за минувшие 50 лет количество работ в этой области кратно возросло. Однако четко прослеживается тенденция к преобладанию литературоведческих исследований как общетеоретического, так и историко-литературного характера.

Лингвистические работы характеризуются атомарностью и исходят скорее из специфических особенностей конкретных текстов, нежели из стремления обобщить фундаментальные черты стиля Варгаса Льосы. Обращает на себя внимание использование романов не столько как непосредственных объектов исследования, сколько как материала для изучения перуанского варианта испанского языка.

1.3. Подходы к классификации романов Марио Варгаса Льосы

В современной латиноамериканистике можно выделить несколько подходов к классификации текстов Варгаса Льосы. Некоторые из них четко сформулированы конкретными исследователями, другие – не артикулируются детально, но разделяются как своего рода общее место.

Ключевой категорией для попытки классификации романов Варгаса Льосы по некоторому сущностному признаку является тотальный роман. Классификация текстов Варгаса Льосы на основе принадлежности к категории тотального романа не дана эксплицитно в работе одного исследователя, однако это разделение рассеяно по работам многих критиков и филологов: как пишущих о конкретных романах, так и предпринимающих попытку осветить несколько текстов, поэтому нам представляется важным суммировать и систематизировать разрозненные наблюдения и на этой основе выделить две группы текстов.

Тотальный роман — наджанр, в котором написаны многие тексты латиноамериканских авторов того времени. Он претендует на всеобъемлющее

многоуровневое изображение мира. Фактически создание тотального романа подразумевает две стадии: миметическую и автономизационную. На первом этапе писатель при помощи многообразных литературных приемов и лингвистических средств делает повествование правдоподобным, преследуется цель в максимально достоверно описать действительность. На втором этапе автор создает самодостаточный мир романа, цельный и непротиворечивый, подчиняющейся своей внутренней логике. То есть на автономизационном этапе роман не отображает реальность, а воспроизводит ее; автор создает «реальность романа», в которую могут включаться нереалистичные элементы (свойственные, например, в случае Гарсиа Маркеса, магическому реализму, однако стоит напомнить, что Варгас Льюса не использовал приемы магического реализма), события, не имевшие места в действительности, но которые при этом не противоречат внутренней логике созданного мира.

Было выделено семь критериев тотального романа Варгаса Льюсы [Войку, Жуков и др. 2021]: радикально реалистическая авторская интенция; структурная цельность; композиционно-семантическое единство; сознание безграничности языка как инструмента воспроизведения реальности; всеохватность романа; нелинейность повествования; диалог как структурообращающий прием.

Первое возможное обоснование для классификации корпуса романов – принадлежность текстов к этому жанру.

Наибольшую популярность получил следующий подход: первые три романа Варгаса Льюсы («Город и псы», «Зеленый дом», «Разговор в Соборе») – в полной мере тотальные [Novoa 2020; Bobes Naves 1996; Castany Prado 2015], далее автор отходит от убеждений 1960-х гг. и обращается к поэтике тотального романа только в редких отдельных текстах: в «Войне конца света» (1981), где «множественность точек зрения до предела обогащает повествование и превращает роман в тотальный» [Del Cañizo 1982: 35], и в «Празднике Козла» (2000), также «претендующем на тотальность» [Valencia Sala 2013: 80]. М. Дефорт подчеркивает

полифоничность и диалогичность¹⁵ этого диктаторского романа [Defort 2008: 160–161]. Несомненно, одна из ключевых черт тотальных романов Варгаса Льосы – их диалогичность. Мало того, особенности использования различных типов диалога могут служить маркерами эволюции поэтики Варгаса Льосы.

Пермены в поэтике Варгаса Льосы, пришедшиеся на 1970-80-е гг., констатирует и С. Шликерс, рассуждая о «Войне конца света»: «Роман показывает, что история не работает по правилам разума. <...> История Канудоса демонстрирует провал идеи, что мир может быть рационально объяснен» [Schlickers 1998: 203].

Ни один из предложенных критериев определения тотального романа не является сугубо лингвистическим. Исследователи, относя более поздние тексты к тотальным романам, как правило, не говорят о стилистическом аспекте, отдавая предпочтение идейно-философскому и композиционному факторам.

На основе критерия «тотальности» романов Варгаса Льосы можно выделить две группы текстов: тотальные романы и не тотальные.

При этом допустимы два вида классификации: строгая и нестрогая. Строгая подразумевает, что к тотальным романам относятся только три безусловно тотальных текста эпохи «бума», 1960-х гг. («Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе»), а остальные относятся к не тотальным. При нестрогой классификации к тотальным относятся еще и такие тексты, как «Война конца света» и «Праздник Козла».

Похожее разделение можно выделить и в работах М. Ф. Надъярных [2005; 2010]. Ее классификация также не сформулирована эксплицитно, однако из ее трудов четко вычлениаются две обособленные группы текстов и одна промежуточная. Надъярных выделяет романы, в которых возможности многомерного тотального видения проявились наиболее полно: «Зеленый дом», «Разговор в Соборе», «Говорун», «Война конца света», «Литума в Андах»

¹⁵ Варгас Льоса отмечал, что при работе над романом «Капитан Панталеон и Рота добрых услуг» на него повлияли труды Бахтина (на которые опирается и Дефорт); в частности, категория карнавала (Цит. по: [Надъярных 2005: 646]). Отметим, что Бахтин изрядно повлиял и на латиноамериканских исследователей творчества Варгаса Льосы: ссылки на его работы встречаются регулярно.

[Надъярных 2010: 74], а также отчетливо дифференцирует эротические романы: «Похвальное слово мачехе», «Тетради донна Ригоберто», «Похождения скверной девчонки», – отмечая многообразие творчества Варгаса Льосы.

Таким образом, на одном конце спектра оказываются романы, где принцип тотального письма воплощен в полной мере, на другом – эротические романы, а между ними располагаются тексты, в которых непременно содержится эротический элемент, но возможности тотального письма, по Надъярных, реализованы не столь полно.

Один из наиболее строгих и обоснованных подходов к разделению творчества Варгаса Льосы принадлежит каталонскому философу Бернату Кастанью Прадо, активно проводящему исследования на литературном материале – главным образом в его фокусе оказывается проза Хорхе Луиса Борхеса и Марио Варгаса Льосы. Иными словами, он формулирует **философский подход** к классификации романов перуанского автора.

Классификация базируется на эволюции взглядов Варгаса Льосы относительно его уверенности в способности как литературы в целом, так и человека в частности постичь истину. Кастань Прадо обращается к гносеологической терминологии, основанием для разделения выступает соответствие позиции Варгаса Льосы тому или иному подходу в гносеологии. Кастань Прадо выделяет первый этап, который именует «догматическим». Под «догматизмом» в данном случае философ понимает не строгое утверждение Варгасом Льосой неких идеологических или религиозных положений. Имеется в виду, что на этом этапе писатель придерживается мнения, что человек *может* каким-то образом познать реальность.

Далее выделяется второй этап, который Кастань Прадо называет «скептическим»: здесь речь не идет об абсолютном разочаровании в первой концепции, однако этот этап характеризуется тем, что Варгас Льоса значительно скромнее оценивает когнитивные способности человека постичь реальность [Castany Prado 2007; Castany Prado 2015].

К романам первого этапа Кастань Прадо строго относит только три первых романа: «Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе». В ту пору Варгас Льюса убежден, что человек способен воссоздать реальность посредством языковых средств и, более того, способен ее познать.

Второй этап: от «Панталеона» до «Сна кельта» (романы 2010-х гг. к моменту формирования концепции еще не были опубликованы). На этом этапе Варгас Льюса более недоверчиво относится к репрезентативным возможностям языка, а читатель оказывается в постоянном размышлении (философском и повествовательном) о непреодолимой двойственности мира и относительном характере всей человеческой реальности.

При этом Кастань Прадо не выступает против жанрового определения «тотального романа», называя им и «скептический» текст «Война конца света», но уточняет: «Хотя поначалу Марио Варгас Льюса задумывал каждый из своих романов как средство для глобального воссоздания человеческого универсума, <...> его “тотальный роман”, — не столько механическое воспроизведение реальности, сколько ее замена реальностью литературной» [Castany Prado 2007: 20]. Однако ранние безусловно тотальные романы отличаются от более традиционных и умеренных, с точки зрения разнообразия использования лингвистических средств, поздних текстов: «На втором этапе стремление к тотальности станет более умеренным; Варгас Льюса будет стремиться подчеркнуть пределы языка» [Castany Prado 2007: 19].

Сравним два высказывания Варгаса Льюсы. Так он говорил о «Зеленом доме» и своем тотальном романе в 1966 году: «Литература – это всегда транспонирование действительности. Выбранный писателем сектор жизни должен быть преобразован, переиначен, собран совершенно особым образом, чтобы он не застыл, переходя в литературу, чтобы он не умер по пути» [Harss 1966: 439]. По Варгасу Льюсе, роман оказывается высшим жанром, поскольку является наиболее удобной, функционально подходящей структурой именно для воссоздания реальности – в ее неразрывной связи с действительностью: «Реальность хаотична. В ней нет порядка. Однако когда дело касается романа, в нем

есть порядок. И чем строже выстроен роман, тем лучше мы можем понять мир, который он вызывает к жизни (evoca)» [Harss 1966: 439]. Обратим внимание, что делается акцент на понимании действительности через создание реальности литературной.

Роман как замена реальности при помощи языковых средств манифестируется Варгасом Льосой в более поздней книге «Реальность писателя» (1991). Автор утверждает, что литература не является простым переносом жизненного опыта в пространство текста: «Роман был изобретен не для того, чтобы транскрибировать реальность, а для того, чтобы трансформировать ее, сделать из действительности иллюзию, отдельную реальность.... Роман — это реальность сама по себе, реальность, созданная из фантазии и слов, что делает литературу чем-то совершенно отличным от реальной жизни, которая, конечно, не создана ни воображением, ни словами» [Vargas Llosa 1991: 79]. Переупорядочивание временных и пространственных структур оказывается приемом, который способствует преобразованию реальности в ее фикциональное видение.

Акценты смещаются, Варгас Льоса «скептического» этапа видит мир романа самоценным без его связи с реальностью, поскольку отходит от убеждения, что эту связь можно в должной мере полноценно воссоздать языковыми средствами. В этом смысле любопытна эволюция творческого метода Варгаса Льосы: если на первом этапе реальность, созданная в романе, претендует на связь с реальной действительностью, служит способом рефлексии над проблемами этого мира и неразрывно с ним связана, то на втором этапе реальность романа оказывается самозамкнутой, оторванной от реальности. И, что самое важное, автором подчеркивается невозможность отобразить посредством языковых средств в мире романа мир реальный (при всей их внешней и поверхностной схожести).

Ключевым текстом, в котором четко наблюдается сдвиг в поэтике Варгаса Льосы, является «Тетушка Хулия и писака». Роман строго делится на две части: в нечетных главах повествователь — журналист по имени Марио Варгас Льоса (Варгитас). Эта часть написана на автобиографическом материале и, согласно первоначальной задумке автора, призвана изложить реальную историю любви

Варгаса Льосы и его первой жены. Четные главы – пересказ радиосериалов, созданных коллегой Варгитаса Педро Камачо, которого и называют «писакой». Поначалу эти главы кажутся такими же реалистическими, как и главы Варгитаса, но к финалу романа сюжеты радиосериалов смешиваются, повествование абсурдизируется, оборачивается фарсом.

В тексте два уровня соположения, на которых подчеркивается невозможность реалистического повествования: 1) автобиографические главы Варгитаса vs главы Камачо; 2) автобиографические главы Варгитаса vs реальная жизнь Варгаса Льосы. Устанавливается своего рода пропорция: пародийные главы Камачо относятся к главам Варгитаса так же, как последние – к биографии Варгаса Льосы, то есть насколько нереалистической (какие бы внешние признаки ни путали читателя) является часть Камачо, настолько же отличающейся от реальной биографии автора оказывается часть Варгитаса.

Невозможность автодокументального письма подчеркивает сам Варгас Льоса, много лет спустя рассказывая, что это был единственный раз, когда он стремился быть полностью правдивым и передавать воспоминания объективно. В результате писатель обнаружил, что художественная литература несовместима с объективным сообщением о живом опыте [Vargas Llosa 1991: 112].

Примечательно, что и в классификации на основе тотальности текста, и в классификации Прадо своего рода хронологическим водоразделом служит конец 1960- начала 1970-х, переход от «Разговора в Соборе» к «Панталеону».

«Панталеон» действительно оказывается рубежным текстом¹⁶. В 1966-м насмешка, сатира, ирония, юмор в целом – табу для Варгаса Льосы, поскольку, как полагает в то время молодой автор, реальность сама по себе противоречит юмору [Harss 1966: 445]. Юмор для Варгаса Льосы на этом этапе – инструмент слишком простой. Кроме того, нельзя не отметить, что в ту пору Варгас Льоса находился под влиянием Сартра, который «был совершенно лишен чувства юмора» [Vargas Llosa 1991: 84]. Более того, юмор обеспечивает дистанцию, а именно ее стремится

¹⁶ О заметном сдвиге в поэтике Варгаса Льосы упомянуто еще в статье: [Franco 1978].

преодолеть молодой романист: и в «Городе и псах» расстояние между читателем и реальностью, как отмечает Харсс, минимально [Harss 1966: 439].

Все меняется в начале 1970-х гг., когда Варгас Льюс не находит лучшего способа описать историю проституток на службе в армии, чем при помощи трагифарса: это был сюжет, который «нельзя рассказывать серьезно», и в этом случае юмор оказался единственным способом сделать историю убедительной.

Классификацию Кастаня Прадо можно представить в виде следующей визуализации (рис. 1.1). В этом случае разделение каталанского исследователя совпадает со «строгой» классификацией романов Варгаса Льюсы по принципу тотальности.

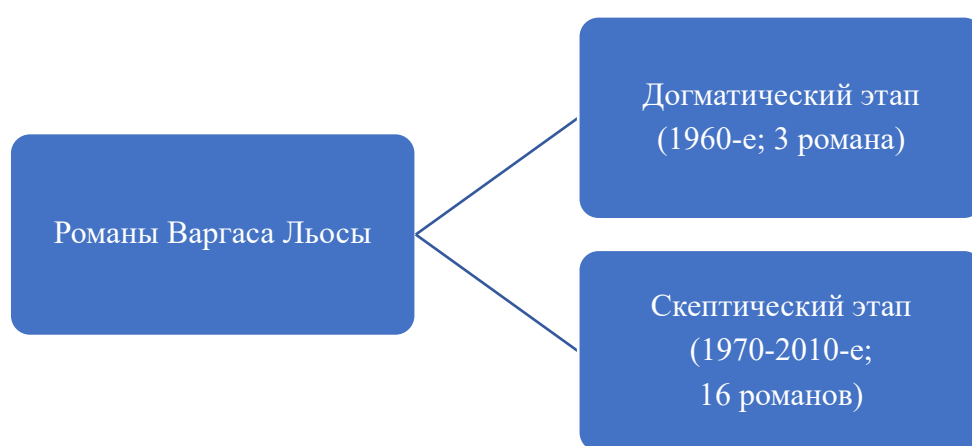

Рисунок 1.1. Классификация романов М. Варгаса Льюсы. Философский подход Б. Кастаня Прадо

Другой строгий подход к периодизации романов Варгаса Льюсы разрабатывался профессором UCLA Эфраином Кристалом [Kristal 1998; Kristal, King 2012]. Он делит творчество Варгаса Льюсы на три периода по **социально-политическому** основанию, мотивировкой становится смена политических взглядов писателя. В наиболее поздней версии (2012) разделение выглядит следующим образом:

Первый этап. 1960 гг. Время интереса Варгаса Льюсы к левым, социалистическим идеям. Романы: «Город и псы», «Зеленый дом», «Разговор в Соборе». Тексты 1970-х гг. «Панталеон Пантоха и Рота добрых услуг» и «Тетушка Хулия и писака» отмечаются как переходные.

Второй этап. 1980 гг. Переход к неолиберальным позициям. Варгас Льюса отказывается от социалистических иллюзий [Kristal 1998: xiv]. На этом этапе писатель полагает, что в литературе могут смешиваться элементы несовершенной реальности с нашими иррациональными побуждениями, чтобы дать нам иллюзию удовлетворения, которого человек никогда не сможет достичь в реальном мире. Романы периода: «Война конца света», «История Майты», «Говорун», «Похвальное слово мачехе».

Третий этап. 1990 гг. и далее. После поражения на президентских выборах в Перу для Варгаса Льюсы характерно менее оптимистическое видение: всякая борьба за победу над неодолимым хаосом и «чувством дискомфорта» (англ. *feelings of discomfort*) обречена на поражение. Особенно четко это прослеживается в первом романе этапа – «Литума в Андах» (1993), но легко отыскиваются и в дальнейших текстах: «Празднике Козла», «Похождениях скверной девчонки», «Раю на другом углу» и, конечно, в «Сне кельта». Своего рода переходными текстами от второго периода к третьему в таком случае выступают эротические романы о доне Ригоберто (рис. 1.2).

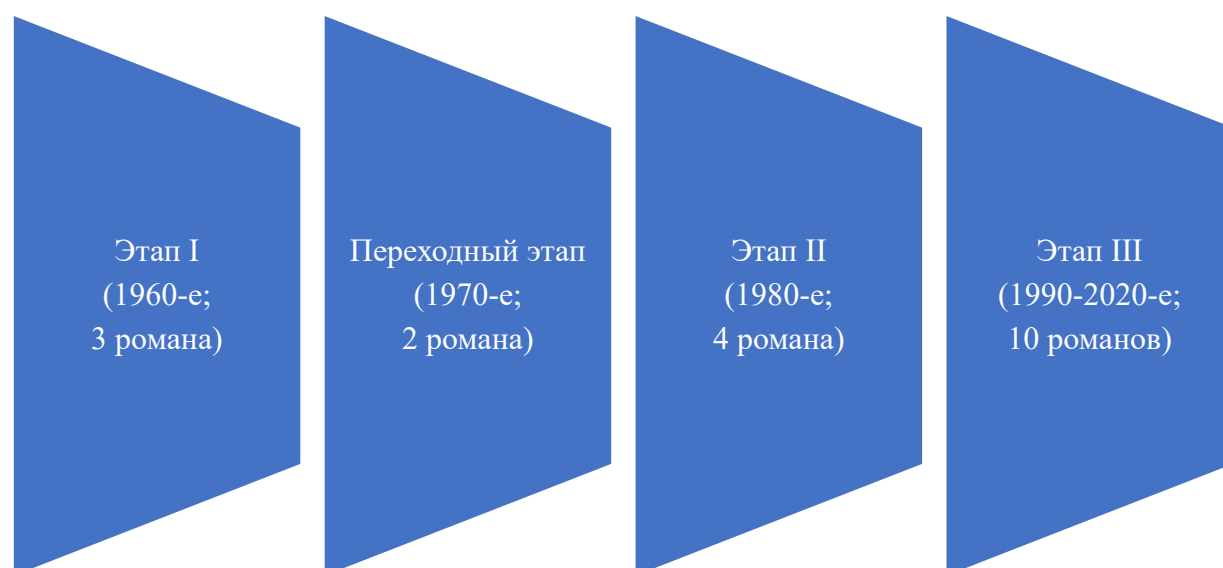

Рисунок 1.2. Классификация романов М. Варгаса Льюсы. Социально-политический подход
Э. Кристала

Подход Кристала наследует наблюдениям Б. Оманьи, сделанным уже в 1987 г.: на основании смены идеологического вектора со стороны Варгаса Льосы исследователь выделяет первый этап (три романа 1960-х гг.), отмеченный «революционным пылом» молодого автора [Омаña 1987: 138], симпатией к левой идее, и второй этап, который Оманья называет «переходным» (тексты 1970-х гг.: от «Панталеона» до «Войны конца света»). Этот период сопряжен с разочарованием Варгаса Льосы в прежних идеалах: теперь писатель придерживается мнения, что попытки объяснить мир посредством идеологических установок и оценок приводят к искажению восприятия реальности; кроме того, Варгас Льоса становится более сдержанным в политических оценках, испытывает симпатию к либерально-демократическим концепциям. Второй этап, по Оманье, характеризуется тем, что Варгас Льоса «атакует то, что противоречит демократии, и защищает то, что для нее существеннее всего», а именно частную собственность и свободный рынок [Омаña 1987: 149].

Основной недостаток подходов Оманьи и Кристала заключается в том, что это скорее социально-политическая, нежели сугубо филологическая периодизация. Особенно отчетливо это заметно при рассмотрении категории «переходных романов». Выше уже указывалась существенная разница между романами 1960-х гг., в частности, «Разговором в Соборе» и текстами 1970-х гг. – «Панталеоном» и «Тетушкой Хулией».

Кристал, вероятно, осознавая существенную поэтическую (повествовательную, интонационную, структурную, лингвистическую) разницу между этими текстами не рискует определить их строго в первую «социалистическую» группу. Для этого он говорит о переходных романах: при этом вскользь, уже обращаясь к «Войне конца света» [Kristal, King 2012], которая, несомненно, вписывается в его концепцию как стартовый текст «неолиберального» периода Варгаса Льосы.

Аналогично и с переходными текстами между вторым и третьим этапом: если «Похвальное слово мачехе» (1988) относится ко второму периоду, то «Тетради донна Ригоберто» (1997) – к третьему. Между ними хронологически располагается текст

«Литума в Андах» (1993), с которого Кристал начинает отсчет третьего, пессимистического этапа. «Тетради дона Ригоберто» несомненно более пессимистический текст, нежели «Похвальное слово мачехе», но разбиение двух непосредственно связанных эротических текстов по двум разным этапам вызывает некоторые сомнения. Кроме того, Кристал не учитывает лингвостилистические перемены в текстах Варгаса Льосы.

Другим подходом, который зиждется на исключительно экстралингвистической и даже не литературоведческой основе, является **географический**. Он был предложен А. Больер: в ее фокус главным образом попадают романы Варгаса Льосы, написанные уже в XXI в [Boller 2020]. Она предлагает делить эти тексты на романы, действие которых разворачивается в Перу, и романы, чей сюжет реализуется за пределами Перу. Этот географический принцип можно экстраполировать и на более ранний период. Если взять в качестве критерия локус романа, получим следующую бинарную классификацию:

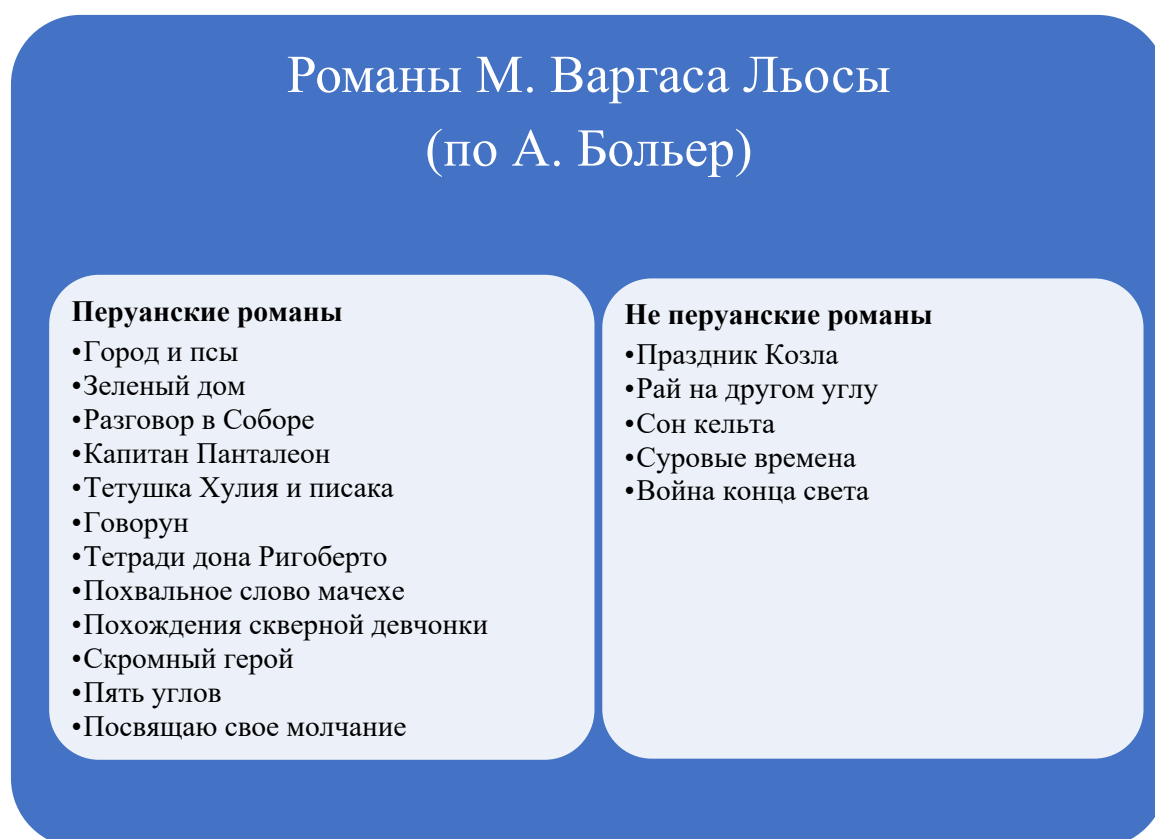

Рисунок 1.3. Классификация романов М. Варгаса Льосы. Географический подход
А. Больер

Классификация А. Больер оказывается относительно свободной от хронологического распределения романов Варгаса Льосы: события лишь трети текстов происходят не в Перу, причем эти «иноземные» тексты написаны либо уже зрелым писателем, на «втором этапе», по Кристалу («Война конца света»), либо на позднем этапе (третьем): от «Праздника Козла» до «Суровых времен». Можно говорить о тенденции, что в XXI в. Варгаса Льосу привлекает пространство вне Перу: в этом столетии он опубликовал семь романов (потенциальный восьмой текст «Праздник Козла» увидел свет еще в 2000 г.), четыре из них относятся к перуанским текстам, а три – к не перуанским.

При всех достоинствах упомянутых попыток разделения мы вынуждены констатировать, что все приведенные подходы к классификации романов Варгаса Льосы были предприняты еще до выхода «Посвящаю Вам свое молчание», который был официально заявлен автором как последний, что обеспечивает их очевидную неполноту; и практически все они оторваны от фактора эволюции языка Варгаса Льосы.

Одним из лингвистических параметров, на основе анализа которого прослеживается эволюция и вариативность стиля Варгаса Льосы является специфика организации диалогов в его романах. Соответственно, этот подход можно обозначить как **диалогический**.

К проблеме диалога существуют разные подходы: от классических лингвистических [Якубинский 1986], семиотических [Лотман 1992], литературно-эстетических [Бахтин 1979] до современных, находящихся в русле теории дискурса и коммуникативного подхода [Карасик 2004; Бабаян 2011; Бабаян, Круглова 2016].

В этом исследовании диалог понимается не только как разговор между двумя и более персонажами, но и как «форма речи, состоящая из регулярного обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых взаимно влияет непосредственное восприятие речевой деятельности говорящих» [Винокур, Братченко 2016]. Функциональным решением для анализа диалогов в этом случае представляется адаптация терминологии В. В. Виноградова, выявившего

тенденции к «монологизации» диалога и «диалогизации» монолога в художественной прозе [Виноградов 1980: 79]. Позиция Виноградова стала опорой для анализа текстов Варгаса Льосы [Ковалев 2023а].

Наиболее полно все типы диалога представлены в трех ранних романах Варгаса Льосы, особенно – в «Зеленом доме».

I. Традиционный диалог равномерно используется в каждом романе Варгаса Льосы. Он строится по базовой модели, привычной для европейского читателя, каждый участник процесса легко идентифицируется, оформление происходит в соответствии с нормами испанского литературного языка.

(1) “– *Es el gobernador, madre –dijo la madre–. ¿Se puede?*

– *Sí, hágalo pasar, madre –dijo la superiora*” [Vargas Llosa 1983: 19].

«– Это губернатор, матушка», — сказала монахиня. – Можно?

– Да, впустите его, матушка», — сказала настоятельница».

II. Монологизованный диалог представляет собой сложно дифференцируемый поток реплик, записанный в строку. Реплики не разделяются ни кавычками, ни тире. Этот тип диалога сформировался в романе «Зеленый дом»:

(2) “*¿Una canoa?, y el Oscuro sí, ¿con aguarunas?, y el Rubio mi sargento sí, y el Chiquito sí, y el Pesado y las madres sí, sí, van y preguntan y vienen sin rumbo y el sargento que el Rubio volviera al barranco y avisara si subían*” [Vargas Llosa 1983: 9].

«Лодка? А Брюнет, да, с агварунами? А Белокурый, да, сержант, и Малыш, да, и Тяжеловес, и монахиня, да, да, они приходят и спрашивают, и приходят просто так, а сержант приказывает, чтобы Блондин вернулся в овраг и сообщил, если те подняться».

Голос рассказчика, внешняя и внутренняя речь актантов сливаются в единый «тотальный» нарратив, обеспечивающий стереоскопию, разделение реплик осуществляется за счет таких маркеров, как у *el Pesado* ‘а Тяжеловес’, у *el Rubio* ‘а Блондин’, у *el sargento* ‘а сержант’.

Связность достигается посредством модели «у + X», где X – имя того, кому принадлежит следующая реплика. Эта конструкция выполняет и разделительную функцию, указывая на последующую реплику актанта X. Текст ритмизируется.

Образуются параллельные ряды, синтаксически соединенные посредством этой конструкции. Аналогичный набор функций (ритмизация и дифференциация) выполняют и лексические повторы, обращения: *mi sargento* ‘мой сержант’, *mi capitán* ‘мой капитан’: “Y el cabo consiente: podía ser, **mi capitán**” [Vargas Llosa 1983: 26].

Монологизованный диалог в «Городе и псах» реализуется при изображении казармы:

(3) “Déjenos siquiera una ñizca, un nervio, **mi cadete**. **Digo** que sufrían con nosotros. **Oiga** Fernández, por qué me sirve tan poco arroz, tan poca carne, tan poca gelatina, **oiga** no escupa en la comida, **oiga** ha visto usted la jeta de maldito que tengo, perro no se juegue conmigo. **Digo** que si mis perros babearan en la sopa” [Vargas Llosa 2012: 44].

«Оставь нам хоть каплю, хоть немного, кадет. Говорю же, они настрадались вместе с нами. Слушай, Фернандес, почему ты кладешь так мало риса, так мало мяса, так мало желатина? Слушай, не плюй мне в еду. Слушай, ты же знаешь, я спуску не дам? Не играй со мной, собака. А что если бы мои псы пускали слюни в суп?»

Дифференциация актантов и ритмизация текста реализуется за счет типологически схожих средств: повторяющихся обращений (*mi cadete*), местоимения *quién* и метадискурсивных слов *oiga* и *digo*.

«Разговор в Соборе», как и «Зеленый дом», начинается с монологизованного диалога. Однако в «Зеленом доме» характер этого типа внешний, а в третьем романе диалог включает в себя интроспекцию:

(4) “El era como el Perú, Zavalita, se había jodido en algún momento. Piensa: ¿en cuál? Frente al Hotel Crillón un perro viene a lamerle los pies: no vayas a estar rabioso, fuera de aquí. El Perú jodido, piensa, Carlitos jodido, todos jodidos. Piensa: no hay solución. Ve una larga cola en el paradero de los colectivos a Miraflores, cruza la Plaza y ahí está Norwin, hola hermano, en una mesa del Bar Zela, siéntate Zavalita, manoseando un chilcano y haciéndose lustrar los zapatos, le invitaba un trago. No parece borracho todavía y Santiago se sienta, indica al lustrabotas que también le lustre los

zapatos a él. Listo jefe, ahoritita jefe, se los dejaría como espejos, jefe” [Vargas Llosa 1999a].

«Савалита был, словно Перу, его тоже когда-то надули. Вопрос: когда именно? Перед отелем “Крильон” к нему подходит собака и начинает лизать ему ноги: угомонись, убирайся отсюда. Перу надули, думает он, Карлитоса надули, всех надули. Пожалуй, нет решения. Перед ним длинная очередь, все хотят сесть на автобус до Мирафлореса, Савалита пересекает площадь, а там Норвин, привет, дружище, за столиком в баре “Села” садись, Савалита, потягивает чилкано, ему чистят ботинки, он угостит его выпивкой. Он, кажется, ещё не пьян, и Сантьяго садится, подзывая чистильщика, чтобы ему тоже начистили ботинки. Уже бегу, шеф, минуточку, шеф, будете отражаться в них как в зеркале, шеф».

Вербализованные реплики (*hola, hermano* ‘привет, брат’) перемежаются с мыслями Савалиты, которые маркированы соответствующим средствами (*Piensa: en cual* ‘Думает: в какой [момент]’, *Piensa: no hay solución* ‘Думает: нет решения’). Возникает последовательность действий: Савалита размышляет о Перу и о своей судьбе, видит собаку, отгоняет ее (*No vayas a estar rabioso, fuera de aquí* ‘Не бешеная ли ты, пошла отсюда’), возвращается к своим мыслям, видит приятеля Норвина в баре и здоровается с ним (*Hola, hermano*), Норвин приглашает его присесть (*Siéntate Zavalita*), затем Савалита обращается к чистильщику сапог (*Se sienta, indica al lustrabotas* ‘Садится, подзывая чистильщика’), а в следующем предложении дается прямая речь уже самого чистильщика, который атрибутируется посредством многократно повторенного обращения *jefe* ‘шеф’ (трижды за одно предложение, состоящее из десяти слов) и маркеров подобострастного отношения: используется двойной диминутивный суффикс – *ahor-itita* ‘минуточку’. Переходы с внешнего уровня на внутренний, перемена говорящих оформлены неявно, создается эффект панорамности.

III. Диалогизованный монолог – комбинация двух диалогов. На внешнем уровне рассказчик повествует о некотором происшествии, в котором когда-то участвовал, а на внутреннем описывается непосредственно это происшествие. По своему внешнему строению этот тип тяготеет к традиционному диалогу, однако

многоплановость и наличие большого количества актантов роднит этот тип со вторым.

(5) “– *¿Y qué llevabas entonces en esa maleta, Fushía?* –dijo Aquilino.

– *Mapas de la Amazonía, señor Reátegui* –dijo don Fabio–. *Enormes, como los que hay en el cuartel. Los clavó en su cuarto y decía es para saber por dónde sacaremos la madera*” [Vargas Llosa 1983: 35].

«– Так что же ты нёс в чемодане, Фусия? — спросил Акилино.

– Карта Амазонии, **сеньор Реатеги**», — ответил дон Фабио.

– Огромные, как те, что висят в казармах. Он прибил их в своей комнате и сказал, что это для того, чтобы знать, откуда мы берем дрова».

Диалоги соединяются посредством вопросно-ответных конструкций, при которых вопрос задается на внешнем, экстрадиегетическом уровне (Акилино обращается к Фусии и спрашивает, что было в чемодане), а ответ – на внутреннем, в рамках событий, о которых рассказывает Фусия при разговоре с Акилино. Опускается авторская ремарка, ожидаемая при традиционном пересказе истории и за счет которой была бы организована косвенная речь: «Фусия ответил Акилино, как ответил на тот же вопрос сеньору Реатеги, что в чемоданчике у него карта Амазонии» и т.д. Однако Варгас Льоса отказывается от такой схемы выстраивания повествования и соединяет две диалога напрямую. Акилино задает Фусии вопрос, аналогичный тому, который задавал Фусии сеньор Реатеги во время предшествующих событий; соответственно, лишняя «прослойка» в виде реплики Фусии опускается – ответом Акилино становится непосредственно та реплика, которая была адресована в прошлом сеньору Реатеги. Маркером становится соответствующее обращение внутри реплики Фусии: *señor Reátegui*. При этом связь между уровнями диалогов передается и при помощи лексических повторов:

(6) “– *No llegarás nunca al Ecuador* –dijo Julio Reátegui.

– *No llegaste, en realidad* –dijo Aquilino.” [Vargas Llosa 1983: 66].

«– Ты никогда **не доберешься** до Эквадора», – сказал Хулио Реатеги.

– Ты и в самом деле **не добрался**, – сказал Акилино».

А также связь передается при помощи уточняющих вопросов, основанных на лексическом повторе:

(7) “– *Una de ésas tiene que ser, sigue probando –dijo Chango–. Qué haces, muchacho, por qué los pateas.*

– *¿Y por qué los pateabas, Fushía? –dijo Aquilino–. No entiendo, en ese momento uno piensa en escapar y en nada más*”. [Vargas Llosa 1983: 22]

«– Одна из них должна подойти, пробуй, – сказал Чанго. – Что ты делаешь, мужик? **Зачем ты их пинаешь?**»

– И **зачем ты их пинал**, Фусия? – спросил Акилино. – Не понимаю. В такой момент думаешь только о побеге».

«Диалогизованный монолог» преобладает в «Разговоре в Соборе», так как позволяет соединить большое количество малых диалогов внутри большого монолога одного из персонажей. При этом под «монологом» здесь мы понимаем реплику одного из участников макродиалога, внутри которой инкорпорируется бесконечное количество микродиалогов.

Если в «Зеленом доме» все типы диалога представлены равномерно, то «Разговор в Соборе» характеризуется рамочной композицией, основу которой составляет диалогизованный монолог. Все остальные диалоги, встречающиеся в романе, являются частями одного рамочного макродиалога.

В дальнейших текстах именно монтажный диалогизованный монолог наряду с традиционным диалогом станет доминирующим типом. Так, в «Капитане Панталеоне» будет осуществляться «бесшовное» соединение различных диалогов, имеющих место в разных локусах. При помощи этой техники в первую главу в форме вставных реплик помещаются доклады лейтенанта Бакакорсо о бесчинствах солдат и офицеров в сельве, проповеди брата Франсиско и другие разговоры, обрисовывающие экспозицию романа:

(8) “– *Nos bombardean a diario con partes y denuncias, – se pellizca la barbilla el general Victoria. – Y hasta vienen comisiones de protesta de los pueblitos más perdidos.*

– *Sus soldados abusan de nuestras mujeres, – estruja su sombrero y pierde la voz el alcalde Paiva Runhuí. – Me perjudicaron a una cuñadita hace pocos meses y la semana pasada casi me perjudican a mi propia esposa.*

– *Mis soldados no, los de la Nación, – hace gestos apaciguadores el general Victoria*” [Vargas Llosa 1999b: 7–8].

«– Они ежедневно бомбардируют нас докладами и заявлениями— генерал Виктория пощипывает подбородок. – А протестующие приезжают даже из самых отдаленных деревень.

– Ваши солдаты издеваются над нашими женщинами», — алькальд Пайва Руньюи теребит шляпу, голос дрожит. – Несколько месяцев назад они напали на мою невестку, а на прошлой неделе чуть не посягнули на мою жену».

– Это не мои солдаты, а солдаты Перу, — генерал Виктория делает умиротворяющие жесты».

«Тетушка Хулия» характеризуется возвращением к традиционному построению диалога. Отклик предыдущих опытов – поздние главы Камачо, где повествовательные линии из различных главок-аудиопьес сливаются в единый нарратив.

В «Войне конца света» вновь заметно обращение к технике монологизованного диалога. Он используется при описании похода Морейры Сезара. Кроме того, в «Войне конца света» встречается и диалогизованный монолог (см. воспоминания барона де Каньябравы о виконте де Оуро-Прето, часть 4, глава 2), впрочем, значительно реже, чем в ранних текстах.

В «Празднике Козла» при помощи техники диалогизованного монолога описывается история заговорщиков, готовящих покушение на диктатора Трухильо. Один из них, Амадито рассказывает товарищам, как во время работы на Службу военной разведки ему пришлось казнить человека. При этом у истории двойная рамка: первая – внешняя – заговорщики сидят в машине поджидая Трухильо, вторая – Амадито рассказывает историю о казни дома у друга Сальвадора, ядерный уровень – собственно диалоги, происходящие вечером казни:

(9) “¿Y si saco el revólver y disparo contra el coronel, el mayor y los dos guardias y dejo que se fugue?’, pensó.

– En vez de uno, habría dos muertos en el farallón –dijo Salvador.

– Menos mal que paró de llover –se quejó el mayor Figueroa Carrión, apeándose.

– ¿Tiene usted ahí su arma? –preguntó el coronel Abbes García”. [Vargas Llosa 2000: 58].

«“Что, если я достану револьвер, застрелю полковника, майора и двух охранников и позволю ему уйти?” — подумал он.

«– Вместо одного на скале лежало бы двое погибших, — сказал Сальвадор.

– Хорошо, что дождь прекратился, — пожаловался майор Фигероа Каррион, выходя из машины.

– Оружие с собой? — спросил полковник Аббес Гарсия».

Ответ на мысленный вопрос Амадито вечером казни дается Сальвадором на другом уровне, а следующая реплика майора возвращает к ядерному уровню.

Связь уровней фиксируется, как и прежде, при помощи вопросно-ответных конструкций, а также при помощи обращений и лексических повторов:

(10) “– *A La Cuarenta, Amadito.*

– ¿A la cárcel, *mi mayor?*

– Si, *a La Cuarenta* –repitió el teniente–. *Allá nos estaba esperando ya sabes quién, Turco.*

– *Johnny Abbes* –murmuró Salvador.

– *El coronel Abbes García* –rectificó, con sorda ironía, Amadito” [Vargas Llosa 2000: 52].

«– В Сороковую, Амадито».

– В тюрьму, майор?

– Да, в Сороковую, – повторил лейтенант. – Ты же знаешь, кто нас там ждал, Турок.

– Джонни Аббес, Сальвадор.

– Полковник Аббес Гарсия, – поправил его Амадито с тихой иронией».

Поздние романы наследуют важную черту «Разговора в Соборе»: обилие вопросов, которые направлены самому себе. Вопросительные конструкции встраиваются в общий поток сознания. См. «Праздник Козла»:

(11) “*¿Has hecho bien en volver? Te arrepentirás, Urania. Desperdiciar una semana de vacaciones, tú que nunca tenías tiempo para conocer tantas ciudades, regiones, países que te hubiera gustado ver <...> ¿Síntoma de decadencia? ¿Sentimentalismo otoñal? Curiosidad, nada más*” [Vargas Llosa 2000: 58].

«Правильно ли ты сделала, что вернулась? Ты пожалеешь об этом, Урания. Потратила неделю отпуска впустую, ведь у тебя не было времени увидеть столько городов, регионов, стран, которые тебе хотелось бы увидеть... Признак старости? Осенняя сентиментальность? Любопытство, и ничего больше».

Ср. аналогичную реализацию диалога в романе «Сон кельта»:

(12) “*¿En qué lugar del gran río estaba aquel campamento? Vagamente le parecía que entre Bolobo y Chumbiri y que la tribu pertenecía a los bateke. Pero no estaba seguro*” [Vargas Llosa 2000: 26].

«Где на великой реке находился этот лагерь? Он смутно подозревал, что между Болобо и Чумбири, и что это племя принадлежало к батеке. Но он не был в этом уверен».

А также см. «Скромный герой»:

(13) “*No las recorrió esta vez preparando la agenda de trabajo del día, como hacía siempre, sino dando vueltas en su cabeza a la carta de la arañita. ¿Debía tomarla en serio? ¿Ir a la policía a denunciarla? Los chantajistas le anunciaban que se pondrían en contacto con él para las “modalidades de pago”. ¿Mejor esperar que lo hicieran antes de dirigirse a la comisaría?*” [Vargas Llosa 2013: 8]

«На этот раз он не стал, как обычно, ходить по дому, составляя график работы, а вместо этого размышлял над злосчастным письмом. Стоит ли отнестись к этому серьезно? Пойти в полицию и написать заявление? Шантажисты пообещали, что свяжутся с ним по поводу “сделки”. Может, лучше не идти в участок и немного подождать?»

Итак, в поздних текстах Варгаса Льосы наблюдаются следующие тенденции: монологизованный диалог переходит с внешнего уровня на внутренний, интроспективный и реализуется в вопросно-ответных конструкциях, который персонаж адресует сам себе; традиционный диалог оказывается доминирующим типом. Соответственно, классификация романов на основе диалогического разнообразия оказывается тернарной: наиболее разнообразными оказываются три первых романа; «Капитан Панталеон», «Война конца света» и «Праздник Козла» занимают промежуточное положение; «Тетушка Хулия и писака» и позднейшие тексты оказываются диалогически более традиционными.

Выводы к главе 1

В целом большинство филологов сходятся на обособленности первых трех романов, тексты 1970-х гг. «Капитан Панталеон» и «Тетушка Хулия и писака» выступают как своего рода рубежные.

Несмотря на то, что со второй половины 1960-х гг. появилось огромное количество работ (измеряемое сотнями), посвященных Варгасу Льосе, они носят в основном литературоведческий, историко-литературный или общетеоретический характер; часто – с социально-политическим оттенком. Исследователи касаются проблем и динамики стиля Варгаса Льосы лишь в тех случаях, когда им необходимо описать нарративные особенности его текстов. Однако и в этих случаях доминирует сугубо литературоведческий, нарратологический, а не лингвистический инструментарий. Помимо этого, четко прослеживается тенденция, когда романы Варгаса Льосы выступают не объектом исследования, а материалом, на котором изучаются особенности перуанского варианта испанского языка; или же анализируется не собственно оригинальные тексты, а специфика их переводов на те или иные языки – родные для филолога.

Мало того, почти все приведенные попытки классификации были предприняты за несколько лет до выхода последнего романа Варгаса Льосы «Посвящаю Вам свое молчание» (2023), чем обусловлена их априорная неполнота.

В латиноамериканистике устоялось мнение, что творчество Варгаса Льосы характеризуется лексическим и синтаксическим разнообразием. Он стремится как воспроизвести особенности разговорной речи (в романах «Город и псы», «Зеленый дом», «Говорун»), так и спародировать синтаксическую запутанность официально-делового стиля («Капитан Панталеон и Рота добрых услуг»), дискурс мыльных опер («Тетушка Хулия и писака»). Кроме того, одной из ключевых особенностей текстов Марио Варгаса Льосы является особая организация диалога. Всего можно выделить три типа: традиционный диалог, монологизованный диалог и диалогизованный монолог.

Наиболее полно и разнообразно все три типа представлены в романе «Зеленый дом». В текстах «Разговор в Соборе» и «Капитан Панталеон» диалогизованный монолог выполняет структурообразующую функцию. В более поздних текстах (начиная с «Тетушки Хулии и писаки») доминирует традиционный диалог: монологизованный диалог переходит с внешнего уровня на внутренний, интроспективный и реализуется в вопросно-ответных конструкциях, который персонаж адресует сам себе. Среди поздних романов выделяется «Праздник Козла»: в нем наряду с традиционным диалогом важную роль играет диалогизованный монолог.

Степень диалогового разнообразия связана с категорией тотального романа: предельно разнообразны общепризнанно тотальные романы («Город и псы», «Зеленый дом», «Разговор в Соборе»). Таким образом, на основе диалогового разнообразия мы также можем осуществить классификацию романов Варгаса Льосы: вновь в отдельную группу выделяются три первых романа; умеренно разнообразными оказываются тексты «Капитан Панталеон», «Война конца света» и «Праздник Козла»; тринадцать поздних текстов характеризуются наименьшей степенью диалогового разнообразия. Однако и этот подход базируется лишь на одном параметре, что нельзя признать достаточным для осуществления полноценной лингвостилистической классификации.

В связи с вышесказанным актуализируется необходимость, с одной стороны, комплексного анализа текстов на полном, законченном корпусе романов, и с другой стороны, применения новейших средств стилиметрического анализа.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТИЛЕМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

2.1. Стилеметрия как явление

Стилеметрия как раздел науки возникает во второй половине XIX века. Г. Я. Мартыненко определяет ее как «филологическую дисциплину, занимающуюся измерением стилевых характеристик с целью систематизации (атрибуции, таксономии, периодизации, классификации, датировки и т.п.) текстов и их частей» [Мартыненко 1988: 54]. Главный ее принцип состоит в том, что текст может быть переведен с собственно текстуального уровня на уровень математической модели, следовательно, в нем могут быть вычислены статистически значимые распределения и закономерности, которые укажут на индивидуальные стилистические особенности того или иного автора.

Существует значительное количество определений и возможных интерпретаций понятия стиля. В соответствии со спецификой парадигмы стилеметрического исследования мы намерены опираться на определение В. В. Виноградова: стиль – это внутренне целостная система функционально согласованных средств словесного выражения [Виноградов 1961], а также на позицию А. И. Ефимова, заключившего, что стиль есть исторически сложившаяся разновидность языка, которая отличается специфическим составом, характером объединения и закономерностями употребления речевых средств [Ефимов 1961]. Соответственно, именно количественный анализ некоторого специфического состава языковых средств, используемого определенным автором и функционирующего как система, находится в фокусе стилеметрического исследования.

Протостилеметрические изыскания появились еще в раннее средневековье. Первые опыты подсчета слов в рукописях были осуществлены между 500 и 1000 гг. н.э. в Палестине: масореты преследовали цель стандартизации и сохранения текста Ветхого Завета. Для этого подсчитывались буквы и слова в каждой Книге, повторения сакральных слов. В этом – истоки описательной стилеметрии.

Попытки атрибуции текста при помощи анализа стиля были предприняты в эпоху Ренессанса: в трактате Лоренцо Валлы «О подложности Константинова дара» (1440) доказывалось, что документ, согласно которому император Константин якобы передал Папе Сильвестру I западную часть Римской империи, является фальшивым. По всей видимости, это один из первых примеров появления атрибутивной стилеметрии – направления, которое в XX в. станет наиболее популярным и будет метонимически ассоциироваться со стилеметрией как таковой, оставив в тени иные ее разновидности.

Однако становление стилеметрии как особой квантитативной дисциплины происходит только во второй половине XIX в. на фоне активного применения базового математического аппарата в гуманитарных и естественных науках. Математика становится междисциплинарной, ее инструментарий проникает в экономику, социологию (см. эконометрика В. Парето, социальная физика А. Кетле), психологию (см. «Элементы психофизики» Г. Т. Фехнера), антропологию (труды А. Бертильона). С 1900 г. основоположник математической статистики К. Пирсон издает журнал «Биометрия», разрабатывает критерий согласия хи-квадрат – в будущем ключевой метод оценки статистической значимости различий относительных показателей и один из наиболее распространенных статистических методов.

Идея математика А. де Моргана, высказанная в одном из писем в 1851 году, что средняя длина слов в текст может служить маркером индивидуального авторского стиля [Lord 1958], нашла отклик у Т. Менденхолла. Поначалу он осуществлял подсчет длины слов в буквенном выражении в текстах Ч. Диккенса и У. Теккерея [Mendenhall 1887], а в 1901 г. обратился к шекспировскому вопросу и заключил, что и в текстах К. Марло и в текстах У. Шекспира более всего слов, состоящих из 4 букв [Mendenhall 1891]. В 1870-е гг. исследования с применением квантитативных методик используются в рамках Нового Шекспировского общества. Появляются первые частотные словари: сначала на материале комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» [Куницкий 1884], а в 1898 г. осуществлен проект частотного словаря немецкого языка [Käding 1898].

Всплеск стилиметрических работ приходится на 1880-е гг., что совпадает с окончательным становлением и доминированием младограмматической (позитивистской и стремящейся к точности) теории в европейском языкознании. Осмысление феномена языковой индивидуальности было начато младограмматиком Г. Паулем в 1880-е гг. [Paul 1891], но далее это направление маргинализировалось в связи с последующим развитием социалингвистики и группового подхода. Именно признание существования в языке индивидуального начала является необходимой посылкой для стилиметрических изысканий. Тексты, написанные на одном языке разными авторами, различаются на сугубо языковом уровне. Симптоматично, что первые попытки атрибуции текста, ставшие своего рода провозвестниками будущей стилиметрии, обнаруживаются, когда на смену средневековой анонимности пришла фигура автора – в эпоху Возрождения. Таков поворот к идее индивидуального автора на общекультурном уровне, нечто подобное происходит в сфере языкознания в эпоху младограмматиков.

Крайне показательны слова Лютославского, одного из пионеров стилиметрии, который полагал, что если мы хотим убедиться в личности друга, мысли и действия которого нам знакомы, то самый простой план состоит в том, чтобы оценить его внешний вид и проверить свое впечатление по тону его голоса. Если бы кто-нибудь из наших лучших друзей прекрасно замаскировал свой голос и черты лица, его было бы трудно узнать по проявлениям мыслей или по нравственному характеру действий¹⁷: «Всякая мысль может быть выражена разными способами на одном и том же языке; можно даже сказать, что понятие любого языка включает в себя столько языков, сколько на нем творило оригинальных авторов» [Lutoslawski 1897d: 64].

Особенно активное развитие стилиметрия получила на материале классической филологии. Квантитативные методы измерения авторского стиля

¹⁷ Ср. с размышлениями текстолога А. Л. Гришунина, не ссылающегося на Лютославского в своих работах, ровно сто лет спустя: «Не только в слоге, стиле, но даже в явлениях более обыденных, например, в походке, в движениях отражается характер, воспитание, образование, жизненный опыт и прочие определяющие человека качества [Гришунин 1998: 261].

разрабатывались главным образом на материале Платоновских диалогов. Филологи (преимущественно восточно-европейские) решали задачу датировки и периодизации. Одни из наиболее ранних работ подобного толка принадлежат Льюису Кэмпбеллу (1867). Принцип датировки, предложенный Кэмпбеллом, основан на выделении некоторых редких слов, которые, по предположению исследователя, могут выступать в качестве маркера того или иного периода. Примечательно, что в 1886 году к аналогичным выводам независимо придет немецкий филолог М. Шанц [Schanz 1886]. В. Диттенбергер в 1881 г. выявил разную относительную частоту сравнительных частиц и синонимичных временных союзов в разных диалогах. В том же русле работал К. Риттер: он подсчитывал конкретные употребленные в тексте слова, но и принимал во внимание возможность употребления на их месте иных синонимов [Lutoslawski 1897d; Ritter 1903]. Идеи Риттера нашли отклик у Й. Тиманна: он подсчитывал вхождения разных форм утвердительных ответов (цит. по: [Lutoslawski 1897d: 129]). В дальнейшем именно работы Шанца, Диттенбергера и Риттера станут наиболее известными и активно обсуждаемыми среди филологов-классиков.

Заслуживают внимания и несколько менее популярные, однако значительные в контексте становления количественного подхода в лингвистике исследования. Г. Зибек, опираясь на труды Диттенбергера, Шанца, Гомперца и ряда других филологов, подсчитывал утвердительные и отрицательные ответы, принимая в качестве сравнительной меры совокупность всех утвердительных ответов [Siebeck 1888: 253–266]. Т. Лина уже в 1889 г. считал предлоги: его диссертация основана на анализе 21 881 вхождения предлогов в различных текстах Платона [Lina 1889]. Т. Гомперц утверждал, что повторяемость тех или иных слов в текстах не может являться основанием для построения выводов о возможной датировке: необходимо также учитывать отсутствие определенных слов в конкретных диалогах – в этом плане его подход оказывается родственен точке зрения Кэмпбелла, который уделял серьезное внимание анализу присутствия / отсутствия тех или иных слов в текстах [Gomperz 1887].

Расцвет платоноведческих работ с применением различных методик подсчета приходится на 1880-1900-е гг.¹⁸. Однако несмотря на хронологическую плотность, эти труды оказываются весьма разрозненными, единая исследовательская школа не сложилась. Подробный анализ десятков работ представлен у В. Лютославского [Lutoslawski 1897d], где он также предлагает собственный метод. При этом своего рода ключевой точкой Лютославский называет 1888 год: именно тогда появляется фундаментальная работа Риттера (который цитировал, среди прочего, Кэмпбелла, Диттенбергера, Шанца и Репера), все больше внимания привлекают работы самих Диттенбергера и Шанца, также публикуется труд Зибекса. Перечень всех многообразных стилеметрических исследований¹⁹ Платоновских диалогов с учетом монографий и статей, написанных в XX в., приводится в фундаментальной книге Брэндвуда [Brandwood 1990].

Методологическое несовершенство большинства этих работ было очевидно уже в то время. Лютославский критикует предшествующие работы, отмечая что авторы делают решительные выводы на основе малого количества наблюдений: “Style statistics, like all statistics, require great numbers” – «Статистика стиля, как и всякая статистика, требует больших чисел» [Lutoslawski 1897d: 142], не принималась во внимание разница в объемах между диалогами, никто за исключением Кэмпбелла и Риттера не вводил степень значимости параметров и т. д. Иными словами, имелся фонд накопленных наблюдений, который было необходимо, с точки зрения Лютославского, правильно обработать.

В платоноведческом русле находятся труды Н. А. Морозова, выдвинувшего теорию лингвистических спектров [Морозов 1915]. Он знаком с трудами

¹⁸ Материал греческих и латинских (в том числе средневековых) текстов будет использоваться и позднее: Дж. Юл в 1938 году апробирует метод измерения длины предложения на материале *De Imitatione Cristī* и придет к выводу, что длина предложения не является надежным показателем [Holmes 1998: 112].

¹⁹ Следует добавить, что филологи-классики, использовавшие количественные методы для анализа античных текстов не ограничивались Платоном. Так, например, квантитативное исследование орфических гимнов предпринимал Н. И. Новосадский [Новосадский 1900] (опубликовано на русском языке в Варшаве). Он измерял, главным образом, особенности метра, морфологии и синтаксиса, анализируя как содержательный, так и формальный аспект гимнов. Например, изучаются особенности гексаметра, отношение стоп по числу находящихся в них спондеев, сочетания согласных, перед которыми осуществляется аттическое сокращение, протяжение кратких гласных перед сочетанием немых с плавными в разных частях слов, протяжение кратких слогов, оканчивающихся на гласные или согласные звуки, в конце слова, особенности зияния, элидируемых звуков, цезуры и т.д.

Лютославского, через поляка он ссылается на Гомперца, Диттенбергера, Гефера, Дросте и употребляет термин «стилеметрия» – именно Морозову мы обязаны таким вариантом перевода и именно из его этюда термин переключается к Виноградову [Виноградов 1959] и последующим авторам.

При всем методологическом несовершенстве «лингвистических спектров» Морозова, впервые показанном академиком А. А. Марковым [Марков 1916], В. Э. Сеземаном [Сеземан 1918] и далее – М. П. Штокмаром и А. Л. Гришуниным [Гришунин 1960; Штокмар 1960], концепция Морозова оказалась чрезвычайно важной в исторической перспективе.

Морозову впервые удалось применить стилеметрические методы в отношении русскоязычных текстов [Морозов 1915]. Мало того, Морозов «сужает круг» подсчетов: он доказывает, что анализ частотностей знаменательной лексики не является релевантным, потому что она тематически маркирована: «В зоологии будут часто встречаться имена животных и частей их тела, в химии имена реагентов и химических реакций, совсем не употребительные в обычном языке» [Морозов 1915]. Необходимо сосредоточиться на изучении служебных частей речи²⁰.

На основе анализа служебных слов базируется исследование Ф. Мостеллера и Д. Уоллеса: применив методику наивных байесовских классификаторов, они определили авторство 12 анонимных статей из «Записок Федералиста» [Mosteller, Wallace 1963; 2007]. Это исследование стало ярчайшим событием западной стилеметрии 1960-х гг., придавшим новую жизнь всему направлению и теперь обретшим статус классического.

Статистические методы постепенно проникают в лингвистику и стилеметрию на протяжении 1920-40-х гг.: среди наиболее значительных нужно отметить морфологические работы А. Бьюзмана [Busemann 1925; Busemann 1948], лексикостатистические труды Дж. Ципфа [Zipf 1932] и Дж. Юла [Yule 1944]. Безусловно, исследования становятся не столь интенсивными; они распределяются

²⁰ См. также статью [Кретов 2017: 14–15], где, среди прочего, посредством анализа употребления одной пары предлогов подчеркивается разница стилей: в результате вычислений на материале Частотного словаря русского языка 1977 г. делается вывод, что если в некотором тексте частотность предлога «и» уступает частотности предлога «в» («во»), то такой текст написан в разговорном, обиходно-бытовом стиле.

по временной шкале менее плотно, нежели в период зарождения стилеметрии. Новая вспышка математизации филологии произойдет в 1950-60-х гг. [Holmes 1998: 112], однако общие принципы, определившие развитие стилеметрии на долгие десятилетия, были заложены именно в 1880-1910-е гг.

2.2. Стилеметрия на раннем этапе

Парадоксальным образом на протяжении многих лет как в отечественной, так и в западной традиции стилеметрии существует своего рода лакуна: игнорируется вопрос, кто ввел в лингвистический обиход сам термин. Если мы отследим историю возникновения этого термина, то сможем яснее и нагляднее представить историю стилеметрии как явления и сформулировать базовые положения для корректного стилеметрического анализа на сегодняшнем этапе.

Г. Я. Мартыненко указывает: «Термин стилеметрия был изобретен немецким филологом В. Диттенбергером, который в конце прошлого столетия решал задачу атрибуции и датировки диалогов Платона» [Мартыненко 1988: 3]. Приводится ссылка на статью Диттенбергера: «*Sprachliche Kriterien für die Chronologie der Platonischen Dialoge*. Hermes 16. Berlin. 1880. S. 321–345».

Однако, во-первых, статья В. Диттенбергера датируется 1881 годом; во-вторых, в ней отсутствует термин «стилеметрия» или его перифраз²¹ Это же утверждение (с ошибкой в датировке) повторяется в статьях Ю. Тулдавы [Tuldava 2005: 371] и Н. Журавлевой [Журавлева 2012].

В немецком языке *Stylometrie* было эквивалентно нем. *Säulenmesskunst* и употреблялось в значении ‘искусство измерения колонн’ [Sommer 1814: 472]. Такое же значение отражено и в более поздней редакции словаря Кальцшмидта [Kaltschmidt 1870: 791]. В том же значении на протяжении XIX в. это слово использовалось в других языках: фр. *stylométrie*, англ. *stylometry*, ит. *stilometria* [Diezmann 1836]. Понятие существовало и до лингвистических изысканий, но использовалось в другом значении. Однако даже германизированный аналог этого

²¹ На ту же статью ссылается Гришунин [Гришунин 1960], у него указан 1881 г.

понятия не употребляется Диттенбергером. Следовательно, необходимо ставить вопрос не о создании термина, а, по меньшей мере, о его пересоздании, адаптации к новой сфере.

Другой кандидат – филолог, химик и философ В. Лютославский (1863–1954), выпускник Дерптского (Тартуского) университета, осуществлявший исследовательную деятельность сначала в Российской империи и затем в Европе²². Анализ библиографий журналов, посвященных греческим исследованиям с 1891 по 1900 гг. [Ruelle 1893; 1894; 1896; 1897; 1898; 1900; 1901], показывает, что впервые термин «стилеметрия» (англ. *stylometry*) фигурирует в заголовке следующего материала: Lutoslawski, W. On Stylometry. (Abstract of a paper read at the Oxford philological Soc.) // Class. Review, 1897, nr. 6, p. 284-286.

Публикация представляет собой тезисы доклада Лютославского в Оксфордском Филологическом Обществе 21 мая 1897 года: «Г-н Лютославский обосновал свой собственный метод измерения стилистического родства (англ. *stylistical affinities*), который он называет стилеметрией. “Стилеметрия – новая наука, исследующая фрагменты текста с точки зрения стиля, подобно тому, как палеография изучает внешние особенности рукописей”» [Lutoslawski 1897c: 284]. Далее рассказывается об отличиях стилеметрии от немецкой *Sprachstatistik* – те же тезисы высказываются и в книге Лютославского [Lutoslawski 1897d], октябрьскую публикацию которой он также анонсирует в июльской заметке [Lutoslawski 1897c: 284]. И более того, Лютославский заявляет, что именно в этом докладе приводится «первое изложение (англ. *explanation*) метода стилеметрии» [Lutoslawski 1897c: 286].

Лютославский вводит понятие *stylistical peculiarity* (которое в последующих франкоязычных статьях трансформируется в *stylème* – ‘стилема’). Это синоним, который может быть заменен другим словом, но использован или даже создан с целью придать более своеобразный оборот выражению мысли. Стилемеы подразделяются на четыре класса: случайные (англ. *accidental*, фр. *accidentels*; самые частотные, встречаются один раз в тексте), повторяемые (англ. *repeated*,

²² См. подробное жизнеописание Лютославского: [Ziemiński 2022].

фр. *répétés*; несколько вхождений), частотные / важные (англ. *frequent*, фр. *important*; более одного вхождения на двенадцать страниц) и очень важные (англ. *very frequent*, фр. *très important*; самые частотные, более одного вхождения на две страницы). Для вычисления стилистического родства (фр. *l'affinité stylistique*) предлагается считать случайную стилему за одну единицу, повторяемую – за две, важную – за три, очень важную – за четыре. На основе подсчетов диалоги сравниваются между собой и устанавливается их хронология. Лютославский предлагает «стилеметрический закон», который формулирует следующим образом: наиболее хронологически близким по дате создания к тексту, принимаемому за ориентир, при стилистическом сопоставлении с ним двух текстов одинаковой длины является тот из них, который характеризуется наиболее выраженным стилистическим родством с эталонным текстом, при условии, что для измерения степени последнего было выявлено и учтено достаточное количество стилем.

Хронология публикаций Лютославского с использованием термина «стилеметрия» такова:

21 мая 1897 г. – выступление с докладом в Оксфордском Филологическом Обществе. Первое публичное изложение стилеметрического метода.

18 июня 1897 г. – выступление с докладом во Французской Академии надписей и изящной словесности.

1 июля 1897 г. – краткая заметка о докладе Лютославского во Французской Академии [Quinzaine 1897: 431].

Июль 1897 г. – публикация статьи “La loi stylométrique” с кратким изложением выступления Лютославского во Французской Академии [Lutoslawski 1897a].

Июль 1897 г. – публикация обзорной заметки о сделанном докладе в журнале *The Classical Review* [Lutoslawski 1897c].

Лето 1897 г. – первая развернутая публикация с изложением основ стилеметрии Лютославского (нем. *Stylometrie*) в немецкоязычной статье, представляющей собой перевод главы из готовящейся англоязычной книги Лютославского, в июньском номере журнала *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* [Meyer 1897; Lutoslawski 1897b]. В эпилоге содержится

авторский комментарий: «Приведенное выше изложение принципов стилеметрии является первой публикацией по этому вопросу (если не считать краткого отчета о моей оксфордской лекции в *Classical Review*, jul. 1897 г., vol XI, pp. 284-286 и отчета о парижской лекции в *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, juine 1897, pp. 284-286.)» [Lutoslawski 1897b: 219].

Октябрь 1897 г. – публикация англоязычной книги «Возникновение и развитие Платоновой логики».

Первый квартал 1898 г. – публикация программной статьи «Principes de stylométrie appliqués à la chronologie des œuvres de Platon» в журнале *Revue des Études Grecques* на основе доклада от 18 июня 1897 г [Lutoslawski 1898a].

1898 г. – второе упоминание термина «стилеметрия» в немецкоязычной статье Лютославского [Lutoslawski 1898b].

После вышеперечисленных публикаций количество статей, где в названии употребляется термин «стилеметрия», возрастает [Ruelle 1900]. См., например: [Covotti 1898; Holzner 1899; Tannery 1899; Heikel 1900].

П. Таннери, математик, антиковед, комментатор Диофанта, анализируя исследования Платона, заключает: «Семнадцать лет назад Диттенбергер предложил для определения хронологии “Диалогов” Платона следовать методу, который заключается в составлении статистики определенных особенностей стиля, не имеющих философского значения, но учитывающих, например, более или менее частое использование эквивалентных выражений или слов» [Tannery 1899: 159]. Таким образом, методологическое, сущностное начало стилеметрии было во многом заложено именно Диттенбергом. Однако Таннери подчеркивает, что новый термин ввел Лютославский: «В недавно вышедшей работе²³ В. Лютославский дал этому методу новое название — стилеметрия; тщательно проанализировав все предыдущие работы о стиле Платона и показав, насколько они могут быть неудовлетворительными или недостаточными» [Tannery 1899: 160].

Причину последующего забвения Лютославского филолог-классик Брэндвуд видит в надменном подходе Лютославского, заключившего, что исследователям

²³ Таннери ссылается на книгу «Возникновение и развитие Платоновой логики».

нового поколения осталось разрешить лишь «мелкие трудности» [Lutoslawski 1897d: 193]. Более того, когда Лютославский собрал и обнародовал стилистические исследования Платоновских текстов, его метод был воспринят многими как то, что используют все исследователи-стилисты: «Едва ли будет преувеличением сказать, что он и сегодня не оправился от подозрений, которые вызвало отождествление исследований стиля со “стилеметрией” Лютославского» [Brandwood 1990: 130]. «Присвоение» стилеметрии Лютославским оказывается не только сущностным, но и формально-терминологическим: как мы показывали выше, термин существовал в европейских языках, но первым применить его в лингвистической сфере, судя по всему, догадался именно Лютославский.

Тем не менее, влияние Лютославского на последующие стилеметрические труды несомненно. Его книга стала опорной для Морозова – и именно через него термин вошел в узус отечественных филологов. В западных не собственно стилеметрических книгах 1960-х гг., посвященных скорее лингвостатистическим методам и квантитативной лингвистике в целом, Лютославский также упоминается [Williams 1970: 3; Herdan 1966: 1], причем Хердан цитирует именно англоязычную книгу о Платоне. Разумеется, для лингвистов и математиков это лишь частный случай, дань истории, их внимание фокусируется на других, как правило, поздних работах, более совершенных методологически: Ципф, Юл и др.

Сегодня термин *stylometry* фигурирует в Оксфордском словаре английского языка [OED 2024], *stylométrie* – во французском словаре Larousse [Larousse 2024].

Долгое время (вплоть до 2024 г.) в OED утверждалось, что впервые этот термин упомянут в книге британского философа Коллингвуда «Идея природы» [Collingwood 1945: 58]. Однако сам Коллингвуд справедливо связывает происхождение этого термина с англоязычной книгой Лютославского о Платоне 1897-го года²⁴. Эта досадная ошибка была исправлена только в 2025 г.

Примечательно, что статус Лютославского маргинализировался и в позднесоветской филологии (текстологии, квантитативной лингвистике), и в

²⁴ О путанице, связанной с появлением термина «стилеметрия» в английской лексикографии, рассказано в статье [Grzybek 2014: 61].

западном языкознании. Например, Г. Я. Мартыненко и в поздних статьях о зарождении стилеметрии настаивает на первенстве Диттенбергера и называет его основателем стилеметрии [Мартыненко 2015]. То же утверждение повторяется в новейшем учебном пособии [Мартыненко, Гребенников 2018].

В. В. Виноградов в книге «О языке художественной литературы» упоминает Лютославского через посредничество Морозова: «Термин “стилеметрия” Н. А. Морозов заимствует у тех филологов-классиков, которые занимались исследованием стилистических примет и стилистических отличий слога Платона и других писателей античного мира. Особенно заинтересовали Н. А. Морозова работы Гомперца, В. Лютославского, Кампбелля (Кэмпбела), Диттенбергера, Гефера, Дросте и других исследователей творчества Платона» [Виноградов 1959: 313]. Штокмар перечисляет Лютославского в ряду других исследователей без указания на авторство термина [Штокмар 1960: 124], а Гришунин фокусируются только на Диттенбергере и Риттере [Гришунин 1960; Гришунин 1998].

Можно осторожно предположить, что причиной этого своеобразного пробела является отсутствие доступа у позднесоветских исследователей к оригинальным статьям и книгам Лютославского. Единственный путь к его трудам пролегает через статью Морозова, в которой тот активно цитирует Лютославского и, к тому же, посредством его книги упоминает различных немецких лингвистов.

В обзорных и историко-научных работах новейшего времени Лютославский нередко или игнорируется вовсе [Гурова 2016], или перечисляется в ряду других стилеметристов без указания на авторство [Синелева 2000], а Д. Холмс в знаковой статье об эволюции стилеметрии [Holmes 1998: 112], говоря о раннем этапе ее развития, указывает только труды Моргана и Менденхолла; исследования Платона он упоминает только в контексте работы Кокса и Брэндвуда 1959 г. Еще одна иллюстрация искаженного восприятия, которое, быть может, вызвано не только ориентированностью на англоамериканские работы подобного толка, но и причинами, которые указал Брэндвуд. Символично, что статья Холмса написана и опубликована ровно через сто лет с момента выхода материалов Лютославского. Тем не менее, попытки восстановить хронологию появления предпринимаются:

[Grzybek 2014; Kovalev 2024]. Стилеметрия стала одной из быстро развивающихся дисциплин, которая, среди прочего, позволяет решать задачи анализа вариативности индивидуального авторского стиля.

2.3. Стилеметрия в России и СССР

Вскоре после своего появления стилеметрия была живо воспринята в Российской империи. Первое упоминание «новой науки» на русском языке – 1898 г. В журнале «Филологическое обозрение» (Т. XIV. Кн. I. 1898. Отд. 2. С.104) в разделе «Обзор журналов. Критика и библиография» фигурирует справка: *W. Lutoslawski, On Stylometrie*²⁵, стр. 284—286. Извлечение из прочитанной автором в Оксфордѣ лекціи о стилеметріи примѣнительно къ вопросу о хронологіи Платоновскихъ діалоговъ [Филологическое обозрение 1898: 194]. Используется соединительный «о», имеет место калькирование, которое возникнет и при вторичном заимствовании этого термина уже в ХХІ в.

«Стилометрическое исчисление слов» на материале Платона и стилеметрия критически упоминаются в «Теоретической философии» (1899) [Соловьев 1988: 820]. Однако уже Морозов в статье о лингвистических спектрах использует формулировку «стилеметрия» [Морозов 1915].

В 1930-е гг. количественное направление в советской гуманитарной науке оказалось в замороженном состоянии. Формальный метод в опале; Ярхо с его методологией точного литературоведения также лишен возможности публиковаться. Однако и в этих обстоятельствах наблюдается косвенное упоминание стилеметрии в печати. Рецензируя в 1937 новое издание диалога Платона «Теэтет», И. Я. Колубовский пишет: «Выводы из чисто формальных наблюдений над стилем древнегреческого автора (так называемая стилеметрия, разработанная Лютославским в его фундаментальной работе «Возникновение и развитие Платоновой логики»), как известно во многих случаях совпадают с философских анализом диалогов по существу» [Колубовский 1937: 140].

²⁵ Доклад был на английском языке, однако в обзоре указано немецкое написание.

Если зарождение стилеметрии приходится на период 1880-1900-х гг., «первую математическую революцию» в гуманитарных науках, то второе рождение этой дисциплины приходится на конец 1950-х и 1960-е гг. Трудami Уильямса [Williams 1970] и Лорда [Lord 1958] в дискурс были возвращены идеи Менденхолла и Моргана; сам Уильямс сумел собрать в одной книге все наиболее значительные и продуктивные концепции, сопряженные с количественным анализом лексики [Williams 1970], в 1963-м появляется исследование Мостеллера и Уоллеса, в 1966-м Херданом модифицируется метод Юла (*Characteristic K*) [Herdan 1966]. Западная стилеметрия и квантитативная лингвистика ориентированы преимущественно на лексикометрический или лексико-морфологический уровень. Необходимость комплексного анализа, включающего изучение параметров на различных языковых уровнях, констатируется уже, скажем, в трудах П. Беннета [Bennet 1957], но развитие это направление получает уже в 1970-80-е гг. В советском языкознании актуальность комплексного анализа текста для его атрибуции лингвостатистическими методами была сформулирована еще В. В. Виноградовым [Виноградов 1961].

Второе рождение стилеметрии в советской науке происходит синхронно с событиями на западе – и в некоторых аспектах даже их опережает.

Узловыми для отечественной стилеметрии являются работы, вышедшие на рубеже 1950-60-х гг. Это статья П. Н. Беркова «Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII века» [Берков 1958], труд В. В. Виноградова «Лингвистические основы научной критики текста» [Виноградов 1958], статьи Гришунина и Штокмара в «Вопросах текстологии» [Гришунин 1960; Штокмар 1960], а также книги В. В. Виноградова «О языке художественной литературы» и «Проблема авторства и теория стилей» [Виноградов 1959; Виноградов 1961]. Все эти работы объединяет внимание к лингвистической составляющей текста в процессе его атрибуции (в первую очередь в рамках дискуссии о работе Корша, посвященной атрибуции финальной части «Русалки» Д. П. Зуева). Виноградов постулирует: «Изучение стиля должно быть комплексным и системным» и «необходимо вскрыть функции всех языковых средств в структуре

произведения» [Виноградов 1961: 198]. В дальнейшем на статьи Штокмара и Гришунина, а также на работы Виноградова будут ссылаться новые поколения лингвистов [Синелева 2000; Марусенко 1990; Марусенко и др. 2001].

Труды В. Диттенбергера и К. Риттера оказали серьезное влияние на Гришунина. Именно на них он основывает собственную методику анализа употребления языковых дублетов: «Заслуживает внимания забытый прием обследования сравнительной частоты употребления различными авторами синонимических, точнее – дублетных средств языка <...> В конце прошлого века его применил немецкий исследователь В. Диттенбергер к атрибуции и датировке диалогов Платона» [Гришунин 1960: 146-147]²⁶. Он также соглашается с классиками и Морозовым, отмечая что интерес для исследования представляет прежде всего наблюдение служебных частей речи, употребление которых не зависит от содержания текста и обусловлено индивидуальными склонностями автора. Гришунин использует метод на материале текстов В. Белинского, а также других авторов, публиковавшихся в тех же печатных органах.

С 1960-70-х гг. советская и позднее российская стилеметрия активно развивается по разным направлениям. Одним из основоположников доказательной лингвистики, наиболее активных и ярких сторонников внедрения количественных методов в языкознание является Р. Г. Пиотровский. Сначала в МГПИИЯ, а затем в Ленинграде (РГПИ им. А.И. Герцена) он развивал «инженерную лингвистику», руководил группой «Статистика речи», а одноименная коллективная монография стала одним из первых фундаментальных трудов по математической лингвистике в СССР [Статистика речи 1968].

Квантитативным анализом лексического уровня занимался Ю. Тулдава, выделивший два основных принципа количественного изучения лексики в тексте: принцип системности и статистико-вероятностный характер ее организации [Тулдава 1987]. Он также выделяет 3 типа интерпретаций лингвистических распределений: структурно-функциональные (графико-геометрические методы,

²⁶ Возможно, отмеченное Гришуниным методологическое первенство Диттенбергера способствовало искаженному видению Мартыненко. Однако сам Гришунин не настаивает на том, что термин «стилеметрия» изобрел Диттенбергер (Гришунин вовсе не использует его).

использование формул), прагматические (связь количественных показателей с некоторыми прагматико-стилистическими, в том числе оценочными характеристиками изучаемых явлений) и генетические (связь формальных показателей с особенностями психики человека).

Морфологический уровень анализировали Т. А. Якубайтис и А. Н. Складчиков: проводилась атрибуция текста определенного жанра по числу повторений конкретной части речи; вероятности принадлежности текста к жанру определялись по формуле k -мерного нормального распределения, где k — количество анализируемых признаков [Якубайтис, Складчиков 1982]. И. П. Севбо разработала метод определения автора путем анализа синтаксиса авторской фразы, на основании которого составляются графы зависимостей, далее они сравниваются и делается вывод о возможной принадлежности той или иной характерной структуры некоторому автору [Севбо 1981].

В 1990-е гг. была осуществлена атрибуция древнерусских текстов [Милов и др. 1994]. В качестве общетеоретической посылки используется идея Б. В. Сухотина о «правильных» и «неправильных» чередованиях слов в предложении [Милов и др. 1994: 14], поэтому анализируются грамматические связи в предложении; процедура анализа фактически сводится к выявлению особенностей языка какого-либо автора, формирующихся на подсознательном уровне и присутствующих в любом тексте конкретного автора.

Стилеметрическое направление активно развивалось в ЛГУ и затем в СПбГУ. Исследования в этой области сопряжены в первую очередь с деятельностью Г. Я. Мартыненко [Мартыненко 1988; Мартыненко, Гребенников 2018]. Значительный вклад в развитие количественной лингвистики и стилистики внес М. А. Марусенко, разработавший методику атрибуции текстов при помощи теории распознавания образов. Под его руководством возникла целая школа: [Марусенко 1990; Синелева 2000; Марусенко, Мельникова и др. 2005; Родионова 2007; Чепига 2008; Петрова 2015 и др.]. Среди прочего, группой под руководством М. А. Марусенко была осуществлена атрибуция «Тихого Дона» [Марусенко, Бессонов и др. 2001].

Стилеметрия тесно связана с активно развивающейся во второй половине XX в. квантитативной лингвистикой. До некоторой степени можно утверждать, что стилеметрия оказалась в авангарде использования количественных методов в применении к разного рода текстам.

В отечественном языкознании активно разрабатывался частотный подход: как в области лексикографии [Хохлова 2023], так и в сфере прикладной текстологии. Среди прочего, стоит отметить исследование частотностей в корпусе русской художественной литературы в рамках так называемой «культурометрии» [Головань, Ишков 2013]. Авторы исходят из предположения, что наиболее частотная лексика в базе данных обладает особой культурной ценностью: соответственно, составив частотный словарь текстов, определив ранг и частотность отдельных слов, можно сделать вывод о том, какая лексика является культурнозначимой. Также исследовательской группой изучалась функциональная связь между рангом и частотностью слов на материале текстов русских писателей, в частности, В. Гаршина [Балабанов, Головань 2010; Головань, Ишков 2012]; для нужд исследователей была разработана программа LangFracDim.

Следует сказать, что исторической альтернативой частотному подходу (под этим мы подразумеваем совокупность разнообразных малых методик анализа, основывающихся на исследовании частотностей, но в первую очередь – статистическую лексикографию [Алексеев 1975]) является подход дистрибутивный, или распределительный. Он развивался в Ленинграде Н. Д. Андреевым [Андреев 1967]. В качестве основной посылки используется идея, что частотный подход не всегда удовлетворителен для анализа стилистического своеобразия крупного корпуса текстов. Так, некоторое слово *n* (например, *боцман* или *кнехт*) может не иметь ни одного вхождения в корпус текстов Л. Н. Толстого или Ф. Н. Достоевского, поскольку тематически не совпадает с лексикой, используемой в произведениях этих авторов. В то же время у К. М. Станюковича, писавшего на морскую тему, такое слово будет весьма частотным. Это положение соотносится с мыслью Н. А. Морозова о тематически маркированной лексике как помехе для стилеметрического анализа. Таким образом, делается вывод о

необходимости исследования не частотности, а распределения конкретных слов по корпусу, а значит, следует составлять не частотные, а распределительные словари. Этот подход в советской и ранней российской лингвистике не обрел популярности и не смог завоевать большое количество сторонников, однако типологически сходным с ним оказывается Zeta Берроуза и Крейга, о чем будет далее сказано в разделе 2.4.

Квантитативное изучение художественных текстов также является отличительной чертой Смоленской школы, основанной В. С. Баевским [Баевский 1974; Баевский 2001] и продолжающей активную деятельность [Андреев 2008; 2012; 2017; 2023; Павлова, Романова 2023; Бабурченкова 2018]. В. С. Андреев разрабатывает методику анализа динамики стиля поэтического текста с учетом влияния хронологического фактора на изменчивость стиля и выделяет два типа признаков: интегральные и дифференцирующие [Андреев 2012].

В Воронеже зародилось и активно развивается направление, получившее название маркемология (см., например, [Кретов 2010; Кашкина 2013; Фаустов, Кретов 2017]): словоформы подсчитываются по двум параметрам (частотность и длина), вес словоформы по длине вычитается из веса словоформы по частотности. Словоформы с самым высоким значением полученного таким образом Индекса Текстуальной Маркированности (ИнТеМа) называются маркемами. На этой основе предпринимался анализ поэзии [Кашкина 2013] и прозы [Фаустов 2010; Кретов 2012].

Многоаспектный анализ текстов М. М. Бахтина, а также написанных под именем П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова, с применением количественных методов и историко-биографического анализа предпринял И. В. Пешков [Пешков 2000; 2020; 2022abcd; 2023].

Отдельное масштабное многолетнее исследование на материале русского и – впоследствии – английского языков было осуществлено группой исследователей под руководством А. Я. Шайкевича. Изучалась русская литература середины и второй половины XIX в. (1850-1870-е гг.) с позиций дистрибутивного анализа [Шайкевич, Андриющенко, Ребецкая 2013; 2016; 2021].

Стилистические особенности и жанровая принадлежность текстов, написанных на русском языке, анализировалась разными исследователями. Так, в уже упоминавшейся статье [Кретов 2017] приводится наблюдение, сделанное на основе анализа Частотного словаря русского языка: если в анализируемом тексте частотность предлога «и» уступает частотности предлога «в» («во»), следовательно, текст написан в обиходно-бытовом стиле. Д. В. Сичинава выделяет как параметр соотношение частот «под» и «над», предлагая использовать его для определения жанровой природы исследуемых текстов [Сичинава 2003]. О. А. Митрофанова и А. Д. Москвина анализируют статистику служебных частей речи на материале НКРЯ и рассматривают несколько пар частотных предлогов «в» / «из»; «под» / «над»; «к» / «от»; «за» / «перед»; и т. д. [Митрофанова, Москвина 2020], вводятся коэффициенты соотношений частот для каждой пары. Исследователи приходят к выводу, что для решения задач стилистической диагностики эти коэффициенты оказываются достаточно информативными (в частности, коэффициент «под» / «над» – для определения стиля, «в» / «из» – для различения письменных и устных текстов).

При помощи количественных средств в настоящее время анализируются не только античные тексты или, напротив, произведения, написанные в относительно близкую для современных исследователей эпоху (XIX–XXI в.). В этой связи нельзя не отметить проект, посвященный текстам Феофана Прокоповича [Патроева, Лебедев 2024]. Осуществляется «риторическая портретизация», подсчет стилистических, художественных, грамматических особенностей произведений Феофана Прокоповича с применением аппарата структурно-семантического и функционально-семантического анализа. Предполагаемым итогом исследователи видят моделирование диахронической риторики русской поэзии Петровской эпохи и создание баз данных, материалом для которых послужат риторические приемы Феофана Прокоповича и синтаксические особенности его текстов.

Комплексный подход к анализу идиолектной деятельности человека сформирован в исследованиях Т. А. Литвиновой [Литвинова 2021]. Особенно значительно, что в рамках этого направления рассматривается не только

литературный или публицистический материал как частный случай проявления особенностей идиолекта, диапазон исследования расширяется при помощи привлечения публикаций в социальных сетях и других источниках. Комбинация стилистического и стилеметрического подходов обогащается достижениями современной криминалистики, когнитивной лингвистики, активно применяются достижения субъектно-деятельностного подхода²⁷; новое научное направление, которое формирует Т. А. Литвинова (субъектно-деятельностная идентификационная идиолектология), тем самым оказывается на средостении психологической и филологической – в широком смысле – наук; причем нередко исследовательский акцент смещается именно в психологическую сторону.

Также для исследования текстов использовались цепи Маркова [Хмелев 2000], изучались буквенные распределения [Орлов, Осминин 2010], М. Ю. Михеев и Л. И. Эрлих предлагают анализировать идиостилевой профиль автора по частотам служебных слов [Михеев, Эрлих 2018]; исследуется частотность первых значащих цифр в числительных [Зенков 2017], нестандартная лексико-семантическая сочетаемость, выявляемая путем анализа биграмм – слов, связанных между собою на синтагматическом уровне (фразовым контекстом) и на семантическом [Мухин, Мухин 2019], анализируется распределение количественных наречий [Бойчук 2019]. Ю. Д. Григорьев исследует симметрию в поэзии, выделяя четыре признака – совпадение строк, их повторяемость, распределение сильных позиций в строке и строфическую симметрию [Владимирова, Григорьев 2020; Григорьев 2022], на основе коэффициентов точности перевода анализирует системную гармонию переводов немецкоязычных текстов на русский язык [Григорьев 2019], а также анализирует варианты рифм в сонетах Рильке [Григорьев, Мартыненко 2019].

С точки зрения количественной грамматики рассматривает текст Ф. Н. Двинятин, выделяя классы укрупненных частей речи, и на основании распределения этих классов анализируя грамматический состав русских

²⁷ О фундаментальной междисциплинарности стилеметрии, связи сугубо лингвистических, архивных, текстологических, историко-литературных исследований (например, посвященных шекспировскому вопросу) и криминалистики, деятельности по обеспечению безопасности, среди прочего, подробно говорится в книге: [Lennon 2018].

поэтических текстов [Двинятин 2017; Двинятин 2019]. Заметным событием в этой области стало основание журнала «Цифровые гуманитарные исследования», выпускающегося под эгидой ИРЛИ РАН²⁸ и призванного аккумулировать достижения не только филологических, но и исторических и социологических исследований, где применяются цифровые методы.

При всем множестве предлагаемых методик можно выделить несколько общих постулатов:

1) корректный стилеметрический анализ должен быть комплексным, т. е. в ходе стилеметрического обследования текста или группы текстов необходимо учитывать несколько параметров;

2) необходимо сочетать историко-литературные данные с результатами, полученными при помощи количественных методов.

Эти требования сформулированы и в рамках отечественной стилеметрической традиции, и в рамках западной. Еще в 1961 г. Виноградов заключает: «Изучение литературного стиля должно быть комплексным и системным» и «необходимо вскрыть функции всех языковых средств в структуре произведения» [Виноградов 1961: 198]. К аналогичному умозаключению приходит Д. Холмс, говоря, что стилеметрические доказательства должны быть взвешены на весах наряду с данными более традиционных исследований, проведенных учеными-литературоведами [Holmes 1998: 116]. Только сочетание точности лингвостатистического анализа, подкрепленного производительной мощностью современных компьютерных технологий, с традиционным историко-литературным инструментарием может обеспечить продуктивность исследования.

Иными словами, ключевым принципом для качественного стилеметрического исследования является междисциплинарность. С одной стороны, исследователю необходимо отобрать из огромного числа разнообразных методик оптимальную; однако владеть и пользоваться надежными, достоверными и апробированными методами, способами подсчета недостаточно. Необходимо

²⁸ Цифровые гуманитарные исследования [Электронный ресурс]. 2024. № 1. URL: <https://pushkinskiydom.ru/zhurnal-tsifrovye-issledovaniya/> (дата обращения: 05.01.2025). Режим доступа: свободный.

разбираться в материале, к которому будет приложен надежный инструмент, понимать его специфику, не собственно текстовые факторы. Есть основания полагать, что при работе с медицинскими текстами лингвисту необходимо иметь некоторые представления о медицине, при работе, например, с радиотехническими – о радиотехнике. Аналогично и с изучением художественной литературы. К сожалению, эта необходимость «исследовательской вовлеченности» в материал не всегда очевидна.

Среди исследований подобного толка можно выделить, например, следующие. М. Малютов использует архиваторы, исходя из идеи: если тексты принадлежат одному автору, то коэффициент сжатия должен быть выше, чем у текстов разных авторов [Malyutov et al. 2007]. В сфере цифровой текстологии распространена ситуация, когда математически корректное и технически грамотное исследование оказывается непродуктивным именно в силу изначального отбора лингвистически нерелевантных параметров. С. Н. Бозиев проанализировал относительные частоты букв, слов и предложений в текстах Серафимовича, Крюкова и Шолохова, избрав количественной мерой коэффициент детерминации R^2 и пришел к выводу, что автором «Тихого Дона» является Ф.Д. Крюков [Бозиев 2021]. За несколько десятилетий до него Г. Хьетсо в качестве параметра предложил среднюю длину предложений, заключив что различные тексты Шолохова более стилистически близки «Тихому Дону», чем тексты Ф. Крюкова [Хьетсо и др. 1989]. Разные способы подсчета приводят к совершенно разным результатам. Однако, как отмечалось [Holmes 1998], длина слова и предложения не является эффективным показателем индивидуального авторского стиля. Проблема использования нерелевантных признаков при корректности непосредственно подсчетов актуализируется, когда за анализ текста берутся не филологи (в широком смысле): параметры, избранные исследователями, оказываются недостаточно надежными и информативными, а подсчеты не всякий раз достаточно подкреплены на литературоведческом и текстологическом уровне.

Представляется справедливым и замечание Т. А. Литвиновой: как правило, большинство стилеметрических работ выполняется инженерами, специалистами

по компьютерным наукам, которые преследуют цель повышения метрик качества идентификационных моделей, а не их интерпретируемость [Литвинова 2021: 5]. Не теряют актуальности наблюдения Л. Н. Беляевой: и сегодня мы нередко видим примеры использования «числовых данных без опоры на лингвистическую постановку задач» [Беляева 2014: 175], чему способствует, с одной стороны, развитие компьютерных технологий, их производительной мощности, а, с другой стороны, повышение их доступности.

Однако в контексте изучения стилистических особенностей художественного произведения несомненно, что только комбинация а) историко-литературных, б) традиционных лингвостилистических данных и в) результатов, полученных при помощи объективных методов, позволит осуществить полноценную лингвостилистическую характеристику корпуса текстов и решить задачи стилеметрического исследования вариативности индивидуального авторского стиля.

2.4. Метод Delta Берроуза

В последние двадцать лет популярность приобрел метод Delta, разработанный австралийским лингвистом Дж. Берроузом [Burrows 2002]. Метод основан на средней абсолютной разности между z-оценками определенного количества (от 100 до 5000) наиболее частотных слов в контрольном и атрибутируемом текстах. Основной теоретической посылкой является предположение, что распределение наиболее частотной лексики в тексте служит отображением индивидуального авторского стиля. Алгоритм высчитывает расстояние между единицами корпуса, которое толкуется как стилистическое. По результатам многочисленных опытов, было сделано следующее наблюдение: между текстами, написанными одним автором, расстояние оказывается меньше, чем между произведениями, сочиненными разными писателями. Соответственно, возникает следующая интерпретация: чем меньше оказывается расстояние между текстами, тем более стилистически близкими они являются. Важно подчеркнуть, что Delta измеряет не абсолютные частоты, а относительные, что позволяет

сравнивать в рамках одного корпуса тексты разной длины. Не менее значительно и то, что воспроизводимость, качество работы этого инструмента было подтверждено в исследованиях, в фокусе которых оказывались тексты на самых разных языках: например, на немецком [Jannidis, Lauer 2014], арабском [AbdulRazzaq, Mustafa 2014; Al-falahni, Bellafkin et al. 2015], польском [Eder 2011], испанском [Calvo Tello 2019; Ковалев 2023b; 2024abc; Hernández-Lorenzo, Byszuk 2023], английском [Gladwin, Lavin et al. 2017], португальском [Skorinkin, Orekhov 2023b], французском [Schöch 2013; 2014; Skorinkin, Orekhov 2023ab], латыни [Shumilin, Nikolaev 2021; Rybicki, Eder 2011], древнегреческом [Storey, Mimno 2020; Алиева 2022], китайском [Du 2017], русском [Скоринкин, Бонч-Осмоловская 2016; Петров, Марусенко и др. 2019; Великанова, Орехов 2019; Двинятин, Ковалев 2024ab] и др.

Приведем математическое обоснование межтекстового расстояния Delta.

Пусть есть множество из первых n слов очищенного частотного словаря на основе корпуса текста, относительно которых будет вычисляться мера Delta. Назовем это множество слов $\{w_i\}$ и определим $f_i(D_1)$ как частоту слова w_i в тексте D_1 , μ_i — как среднюю частоту слова по выборке, а σ_i — как стандартное отклонение этой частоты. Стандартизованная оценка (z-оценка) частоты употребления слова w_i в тексте D_1 вычисляется по формуле:

$$z(f_i(D_1)) = \frac{f_i(D_1) - \mu_i}{\sigma_i}. \quad (1)$$

Мерой Delta будет такое математическое выражение, которое соответствует среднему абсолютных значений разностей z-оценок частот слов $\{w_i\}$ между текстами D_1 и D_2 :

$$\Delta(D_1, D_2) = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n |z(f_i(D_1)) - z(f_i(D_2))|. \quad (2)$$

Преобразуем формулу до вида:

$$\begin{aligned} \Delta(D_1, D_2) &= \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n |z(f_i(D_1)) - z(f_i(D_2))| = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \left| \frac{f_i(D_1) - \mu_i}{\sigma_i} - \frac{f_i(D_2) - \mu_i}{\sigma_i} \right| = \\ &= \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \left| \frac{f_i(D_1) - f_i(D_2)}{\sigma_i} \right|. \end{aligned} \quad (3)$$

Delta не зависит от средних частот слов μ_i — ее можно рассматривать как нормированную меру разницы между частотами каждого из слов в текстах D_1 и D_2 . Поскольку вычисление среднего включает деление суммы на постоянную, равную числу рассматриваемых слов n , при сравнении вычисленных этим действием результатов можно пренебречь. Таким образом, формулу можно преобразовать до вида:

$$\Delta(D_1, D_2) = \sum_{i=1}^n \frac{1}{\sigma_i} |f_i(D_1) - f_i(D_2)|. \quad (4)$$

Delta появилась в русскоязычном научном пространстве на пятнадцать лет позже, нежели в англоязычном. Однако в последние годы был опубликован ряд работ, в которых Delta является основным инструментом анализа: метод использовался для определения авторства романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» [Мамаев, Марусенко и др. 2018], с его помощью анализировались тексты, авторство которых приписывается Берии [Петров, Марусенко и др. 2019], также метод проверялся отечественными филологами на корпусе древнегреческих текстов [Алиева 2022], использовался как один из методов для решения бахтинской проблемы [Пешков 2023b]. В 2024 г. Delta Берроуза использовалась для описания поэтики Б. Л. Васильева на цифровом уровне, анализировались стилистические различия классов военных текстов, романов об Олехсиных и произведений о русской древности [Ковалев 2024d]. Кроме того, при помощи Delta были обследованы прежде не публиковавшиеся черновики Б. Л. Васильева, извлеченные с жесткого диска его компьютера [Ковалев 2024a], было выявлено, что все тексты принадлежат Б. Л. Васильеву, тем самым архивные данные были подтверждены посредством Delta, алгоритм еще раз доказал свою надежность.

Кроме того, Delta Берроуза вновь оживила дискуссию, посвященную «шолоховскому вопросу» [Великанова, Орехов 2019; Iosifyan, Vlasov 2020; Маслинский 2022]. Использование нового для отечественной текстологии метода позволило возобновить полемику об атрибуции «Тихого Дона»: по результатам

экспериментов, делается вывод, что четыре тома «Тихого Дона» написаны одним автором. Причем нельзя не отметить конструктивный характер дискуссии, что принципиальным образом отличается от полемики об авторстве «Тихого Дона» в начале 2000-х гг., после того как были опубликованы результаты, полученные группой ученых под руководством М. А. Марусенко [Марусенко, Бессонов и др. 2001]. Тогда дискуссия свелась к противостоянию «квантитативистов» и сторонников историко-литературного подхода [Балакин 2003], которые, отказавшись от анализа непосредственно математической составляющей исследования (представлявшейся им избыточно сложной) указывали на «неточности, подгонки и передержки» историко-литературной мотивировки, выполненной М. А. Аникиным [Марусенко, Бессонов и др. 2001]. Его гипотеза, что автором «Тихого Дона» является А. С. Серафимович, не была убедительно обоснована на историко-литературном уровне. Однако расчеты показывают, что «автор “Тихого Дона” близок Серафимовичу <...> если это так, то должна быть подтверждена одна из альтернативных гипотез — об авторстве Серафимовича» [Марусенко 2004: 101]. Относительная простота Delta и доказанная на различном материале эффективность этого метода позволяет избежать таких недопониманий, что, конечно, не отменяет необходимости должным образом сформулированных историко-литературных мотивировок.

Delta также активно применяется и в работах, сопряженных с проблемами перевода и сохранения авторского стиля при переложении текстов на другие языки [Rybicki 2012]. Работы Д. Л. Гувера [Hoover 2019] и Б. В. Орехова [Орехов 2021] показали, что в переведенных текстах индивидуальный авторский стиль конкретного автора проявляется значительно более отчетливо: переведенные разными людьми тексты одного автора кластеризуются в одну группу.

Delta с успехом используется в работах, направленных на анализ поэтических текстов. Были осуществлены исследования современной английской поэзии [Hoover 2005], арабской поэзии [Al-falahni, Bellafkin et al. 2015], поэтических текстов на латыни [Rybicki, Eder 2011].

Отдельный интерес представляет исследование Б. В. Орехова и Д. А. Скоринкина [Skorinkin, Orekhov 2023a], [Skorinkin, Orekhov 2023b]. При помощи метода Delta им удалось показать стилистическую неоднородность поэтического корпуса Фернандо Пессоа. Португальский поэт известен тем, что писал стихотворения под разными псевдонимами — так называемыми гетеронимами. Delta отмечает тексты, написанные под гетеронимом Рейш, как более близкие по стилю стихотворениям другого реально существовавшего португалоязычного автора – Карлуса Друммонда, нежели иным текстам самого Пессоа.

Также существуют исследования на испаноязычном материале: лингвистами решалась задача периодизации корпуса текстов Рамона Марии дель Валье-Инклана [Calvo Tello 2019] и, например, предпринималась попытка атрибуции «Второй Селестины» [Hernández-Lorenzo, Byszuk 2023].

Особенно значимо в контексте настоящего исследования, что Delta используется в работах, направленных на выявление эволюции и вариативности авторского стиля. В подобного рода работах исследователь исходит из предположения, что автор на протяжении своего творческого пути «не равен самому себе», и его индивидуальный авторский стиль, понятый как совокупность индивидуальных лексико-стилистических признаков, выявляемых при помощи Delta Берроуза, может в той или иной степени варьироваться. Эти изменения, в свою очередь, служат индикаторами перемен в области стиля и становятся обоснованием для решения задач систематизации и упорядочивания его текстов. Отчасти в этом поле находится исследование текстов Фернандо Пессоа [Skorinkin, Orekhov 2023ab]. Кроме того, анализировалось разнообразие авторского стиля Генри Джеймса [Hoover 2014]. Также при помощи метода Delta была осуществлена и периодическая классификация текстов испанских писателей Рамона Марии дель Валье-Инклана [Calvo Tello 2019], Луиса де Гонгоры-и-Арготе [Rojas Castro 2019] и аргентинца Хорхе Луиса Борхеса [Ковалев 2024b].

Известны различные модификации Delta: косинус-Delta, Delta Эдера. В последние годы Delta используется вкупе с другими инструментами. Текст дополнительно анализируется при помощи латентного размещения Дирихле (LDA)

[Shumilin, Nikolaev 2021], при помощи пакета Faststylometry, где на втором этапе оценивается вероятность принадлежности атрибутируемого текста автору, на которого «указывает» Delta [Wood 2023], а спорные случаи разрешаются посредством различных классификаторов [Calvo Tello 2017; Calvo Tello 2019; Ковалев 2024a].

Говоря об эффективности Delta, следует сделать две предварительные оговорки. Во-первых, Delta не выявляет «авторский отпечаток пальца», характерный для конкретного автора при любых обстоятельствах и условиях опыта. Алгоритм показывает отношения между текстами внутри некоторого корпуса [Jannidis, Lauer 2014; Skorinkin, Orekhov 2023b], при изменении его состава могут измениться и отношения между группами текстов. Выявляемый ею индивидуальный авторский стиль – контекстуален; а контекст – корпус, состоящий из загруженных в него единиц.

Во-вторых, Delta не может считаться самоценным аргументом в процессе атрибуции анонимных или псевдоанонимных текстов априори (для корректной процедуры атрибуции необходимо учитывать и историко-биографические, текстологические, архивные данные). В рамках цифровой текстологии он может служить для формирования вторичной атрибуционной гипотезы: в качестве первичной выступает предположение филолога о том, какие тексты (и каких авторов) могут быть стилистически близкими к атрибутируемому – этим обусловлен выбор исследовательского корпуса. Далее этот корпус анализируется при помощи метода Delta и на основе полученных результатов формируется вторичная атрибуционная гипотеза: если расстояние между текстом n автора A и атрибутируемым текстом x меньше, чем между x и текстом m автора B , то необходимо сформулировать гипотезу, что, по данным Delta, текст x стилистически близок тексту автора A . И ее, в свою очередь, необходимо проверять средствами традиционной текстологии. Таким образом, Delta может служить для формирования а) вторичной атрибуционной гипотезы; б) решения задач периодизации; в) сопоставительных исследований; г) выявления стилистических трендов в творчестве одного или нескольких авторов.

Главное преимущество Delta на фоне других алгоритмов – многократно показанная надежность и подтверждаемость сформированных гипотез, что доказывается на априори известных случаях, и устойчивость групп текстов при сравнительно-сопоставительных исследованиях на законченном корпусе.

Для корректной постановки опыта существует ряд ограничений. В анализируемом корпусе должны быть представлены тексты одного жанра (поэзия и проза одного и того же писателя, драматургия и романное творчество будут восприниматься алгоритмом как тексты разных авторов). Жанр понимается шире, чем в литературоведении и оказывается ближе к категории рода: разница между повестью и коротким романом для алгоритма несущественна. Кроме того, необходимо иметь тексты достаточного объема: сам Берроуз [Burrows 2002: 277] говорил о корректности работы алгоритма при объеме текста от 1000 слов, в дальнейших исследованиях подчеркивалось, что нужно обследовать тексты от 2000 [Burrows 2007: 29] и даже 5000 слов [Алиева 2022; Орехов 2020]. Обе эти проблемы неактуальны для случая, когда анализируется корпус романов – объем текстов всякого романа много выше 5000 слов; а жанровая гомогенность продиктована самим материалом исследования.

Важную роль играет и количество анализируемых текстов. На материале русского языка было проведено исследование, где при помощи Delta анализировался корпус русских романов межвоенной эпохи (1920–40-е гг.) [Двинятин, Ковалев 2024ab]. В корпус были помещены все романы В. В. Набокова, два романа Л. М. Леонова «Скутаревский» и «Барсуки», а также свыше 30 текстов иных авторов межвоенной прозы.

В итоге «Скутаревский» кластеризовался в одну ветвь с «Даром», «Отчаянием» и «Приглашением на казнь» Набокова. Эти результаты нельзя назвать контринтуитивными, более того, их можно рассматривать как подтверждение количественными методами мнения, например, В. Ф. Ходасевича и современного писателя и эссеиста Е. Л. Чижиова о стилистическом сходстве «Скутаревского» с прозой Набокова-Сирина 1930-х гг. При помощи функции `size.penalize` мы провели дополнительные опыты, чтобы проверить эффективность метода. На основе

анализа случайных выборок в сопоставлении с обучающей выборкой были получены матрицы смещения, которые четко относили «Скутаревского» к романам Набокова. Однако после того, как мы добавили в исследовательский корпус еще несколько текстов Л. М. Леонова («Соть», «Дорога на океан») все тексты советского писателя оказались на одной ветви, а показатели матриц смещения и средние показатели успешной атрибуции нормализовались [Двинятин, Ковалев 2024а: 210–211]. Тем самым было эмпирически установлено, что для корректной работы Delta необходимо использование максимально возможного (в соответствии с требованиями стиле-жанровой однородности) количества текстов конкретного изучаемого автора. Именно поэтому в рамках настоящей работы было принято решение подвергать стилеметрическому анализу полное собрание романов Марио Варгаса Льосы.

Как было сказано, Delta измеряет наиболее частотную лексику, что обуславливает эффективность метода. Важность анализа именно этого пласта лексики (главным образом, служебных слов) была обоснована еще в середине прошлого века. Р. Мишеа разделил лексику на два класса: частотные слова (фр. *le vocabulaire frequent*) – служебные, тематически немаркированные и описываемые статистическими законами; и резервную лексику (фр. *le vocabulaire disponible*) – знаменательные части речи (главным образом, именные), связанные с темой повествования и не поддающиеся корректному статистическому описанию [Gougenheim et al. 1964; Michéa 1953]. По Мишеа, частотная лексика противопоставлена резервной и помогает определить базовый словарный запас языка, а резервная лексика тематически маркирована и актуализируется в зависимости от определенной коммуникативной ситуации и служит для передачи конкретной информации в заданном контексте [Michéa 1953: 339–342]. Это соответствует догадке Морозова [Морозов 1915] о невозможности анализа исключительно знаменательной лексики из-за ее тематической маркированности и знаменитому исследованию Мостеллера и Уоллеса [Mosteller, Wallace 1963], базирующемуся на анализе наиболее частотных служебных слов. Delta Берроуза методологически находится в русле именно этого направления.

Ключевой принцип работы Delta состоит в том, что множество переменных, большая часть которых может обладать слабой различительной функцией, почти всегда дает более надежные результаты, нежели малое количество сильных дискриминаторов [Burrows 2002: 268]. Эта догадка была подтверждена эмпирически. Анализируя математическую составляющую алгоритма на текстах с заведомо известными авторами, Происл и Эверт приходят к выводу, что решающее значение для атрибуции авторства имеет разница в направлении, а не в длине выстраиваемых векторов, равно как информация, особенно релевантная для идентификации автора текста, заключается в профиле отклонения по *mfw* (наиболее частотным словам), а не в степени отклонения [Evert, Proisl et al. 2017]. То есть для корректной работы Delta важны не отдельные слова, а их совокупность, цельный²⁹ частотный профиль.

Эта подтвержденная догадка соответствует требованию комплексности, сформулированному Виноградовым, Берковым, Беннетом и Холмсом, но принципиально отличается от ряда иных подходов, при которых некоторый набор «сильных» (по мнению филолога) признаков задается заранее или из широкого перечня математическими методами выявляются информативные [Марусенко 1990], которые затем подвергаются дальнейшему анализу. Это позволяет избежать нежелательного субъективизма при отборе анализируемых параметров.

Таким образом, с математической точки зрения, сила Delta – в синергии большого числа «малых» признаков, выражающихся в наиболее частотной лексике и составляющих частотный профиль.

К таким малым признакам, несомненно, относятся частотные предлоги, союзы и союзные слова – иными словами, немеждоменная незначительная лексика. В аналитических языках она позволяет в первом приближении

²⁹ Любопытно, что подобный принцип применяется и в других областях знания. Похожая ситуация обнаруживается, например, при переходе от палеонтологии к стратиграфии. Долгое время базовым стратиграфическим подходом считался следующий: выявить «руководящее ископаемое», но это не вполне продуктивно, потому что ископаемые могут быть найдены в отложениях другого времени с очень малой частотой. Значительно более надежно работать со спектрами, смотреть распределение частот на материале большой группы организмов. Для этих показателей также характерна и лучшая воспроизводимость, нежели для частоты руководящих ископаемых. Аналогичные практики также продуктивно применяются при работе с микроскопическими организмами (автор благодарит С. В. Чебанова за ценное наблюдение).

анализировать уровень как малого синтаксиса (специфика глагольного управления: *pensar en algo* ‘думать о чем-то’, *acabar de hacer algo* ‘только что сделать что-то’, *atreverse a algo* ‘осмелиться на что-то’, аналитические определения по модели *mesa de madera* ‘деревянный стол’), так и большого (адверсативы *pero* и *mas*; союз *y* – маркер сочинительной связи, *aunque* – вводит придаточное уступки, *cuando* – придаточное времени и т.п.). Поссесивы в целом являются частотными для испанского литературного языка и их уменьшение или увеличение – важный показатель перемены стиля. Вопросительные местоимения релевантны непосредственно для Варгаса Льосы: в его текстах, где ключевую структурную роль играет диалог, часто встречается несобственно-прямая речь и герои адресуют вопросы себе, повышается значимость вопросительных местоимений (*qué*, *quién* и т.д.). Использование тех или иных личных местоимений проливает свет на коммуникативный аспект текста.

Конечно, возможности лингвистической интерпретации Delta на этом уровне ограничиваются, поскольку алгоритм работает со словоупотреблениями, не различая их функции: например, *al* может использоваться и с инфинитивом, образуя связный или абсолютный инфинитивный оборот (“Al ver Juan, empezó a reír” ‘Когда я увидел Хуана, он засмеялся’), и как контракционная форма (*a + el*) предлога с определенным артиклем в своей базовой сфере применения (“Vamos al [a el] cine” ‘Пойдем в кино’). Понимая слово в информационном смысле как набор знаков от пробела до пробела, Delta не различает предлоги *a*, *de*, употребленные отдельно (“Soy de España” ‘Я из Испании’, “Estoy yendo a Barcelona ahora” ‘Я сейчас направляюсь Барселону’) и как часть составных предлогов (“A pesar de todo eso, nunca ha sido feliz” ‘Несмотря на все это, он никогда не был счастлив’, “Después de cenar a menudo leo un libro” ‘После ужина я часто читаю книгу’), анализируя каждое вхождение как обособленное. Алгоритм естественным образом не оперирует лингвистической классификацией, но в соответствии с формальными процедурами анализирует собственно словоупотребления и то, что в них выражено, не разграничивая конкретные значения и функции того или иного предлога, союза или наречия. Однако, как многократно было показано, этого «целостного восприятия»

достаточно для продуктивного, корректного и эффективного анализа в вопросах периодизации, классификации, таксономии.

Более того, даже такого предоставляемого пространства для языковедческой интерпретации оказывается больше, чем в случае иных алгоритмов (например, в сфере особенно популярных сегодня нейросетей, больших языковых моделей, машинного перевода и проч.), когда речь идет о «необъяснимой эффективности данных» [Halevy, Norvig, Pereira 2009] без возможности внятной лингвистической рефлексии. Анализ наиболее частотной лексики (в первую очередь, служебных слов), с которым имеет дело Delta, объясним с точки зрения лингвистической теории и согласуется с подходами языковедов прежних лет.

Итак, Delta соответствует требованию комплексности анализа, вместе с тем надежность и апробированность алгоритма позволяют избрать его для решения задач настоящего исследования.

2.5. Мера Zeta

Кроме того, для уточнения ряда особенностей некоторых анализируемых текстов и выяснения лексико-грамматического своеобразия классов романов, написанных Марио Варгасом Льосой и выделенных при помощи метода Delta, было решено обратиться к мере Zeta.

Говоря о принципе работы Zeta, которая была предложена Берроузом [Burrows 2007] и усовершенствована Крейгом [Craig, Kinney 2009], необходимо обозначить следующие факторы. Мера Zeta вычисляется путем сравнения двух групп текстов, помещаемых в два корпуса: целевой (англ. target corpus) корпус C_1 и сравнительный корпус C_2 (англ. comparison corpus). Каждый корпус делится на n равных сегментов фиксированного размера, состоящих из некоторого заданного количества слов (допустим, 3000 слов), предварительно токенизированных. То есть Zeta не измеряет частоты слов в сегментах; вместо этого определяется, в каком количестве сегментов некоторое слово встречается хотя бы один раз. Таким образом, полученное значение в первую очередь отражает, насколько последовательно слово используется в обоих корпусах.

Итак, для каждого слова i фиксируется, в каком количестве сегментов это слово встречается в целевом корпусе и в каком количестве сегментов оно употребляется в сравнительном корпусе. Эту величину в специализированных статьях (см., например, [Schöch 2018]) принято называть – df (англ. document frequency). Затем полученные значения нужно разделить на количество сегментов соответствующего корпуса. Так вычисляется dp – доля сегментов, в которых данное слово i встречается хотя бы раз (dp ; англ. document proportions):

$$dp_i(C_1) = \frac{df_i(C_1)}{n(C_1)}; dp_i(C_2) = \frac{df_i(C_2)}{n(C_2)}. \quad (5)$$

Мера Zeta, соответственно, представляет собой разницу dp в целевом корпусе и dp в сравнительном корпусе.

$$Zeta_i = dp_i(C_1) - dp_i(C_2). \quad (6)$$

Максимальное значение 1 для слов, которые особенно характерны для целевого корпуса, достигается, когда слово встречается во всех сегментах целевого корпуса, т. е. используется очень последовательно, и в то же время не присутствует ни в одном сегменте сравнительного корпуса. Минимальное значение -1 для слов, которые крайне нехарактерны для целевого корпуса, достигается, когда слово не встречается ни в одном сегменте целевого корпуса, но присутствует во всех сегментах сравнительного корпуса. Слова, которые встречаются хотя бы один раз в каждом сегменте обоих корпусов (как, например, множество наиболее частотных служебных слов или слов, которые встречаются в одинаковой доле сегментов в обоих корпусах), получают нейтральное значение 0. Если вычислить меру Zeta для всех слов и отсортировать их в порядке убывания по значению Zeta, мы получим слова, которые характерны для целевого корпуса, в начале (верху) списка, а слова, которые особенно нехарактерны для целевого корпуса, – в конце списка.

Мера Zeta симметрична в том смысле, что слова, которые нехарактерны для целевого корпуса, оказываются словами, характерными для сравнительного корпуса. Соответственно, характерные слова мы толкуем как различающую, или дифференцирующую лексику, которая в дальнейшем подвергается традиционному лингвистическому анализу: изучаются конкретные лингвистические признаки дифференцирующих слов для конкретного корпуса текстов и, что не менее важно, какие признаки избегаются.

Кроме того, в рамках пакета Stylo часто используется некоторое дополнение к расчетам Zeta. После формирования списков предпочитаемой и избегаемой лексики вычисляется частотность употребления предпочитаемых и избегаемых слов в каждом сегменте (в процентах). Чаще всего результаты представляют с помощью визуализации – оси координат с маркерами (см., например, правую часть рис. 3.12 в главе 3 и далее). Как правило, сегменты (обозначаются кружками) из целевого корпуса располагаются в левой верхней части графика, сегменты из сравнительного (треугольники) – в правой нижней части, что отражает симметричную логику Zeta: предпочитаемая лексика для одного корпуса оказывается избегаемой в рамках второго. Данное представление, получившее распространение, среди прочего, после публикации работы Крейга и Кинни [Craig, Kinney 2009: 92] помогает более наглядно изобразить разницу между сегментами, которая толкуется как стилистическая.

Принцип работы родственен распределительному подходу, который предлагал советский лингвист Н. Д. Андреев [Андреев 1967]. Метод неоднократно использовался в работах, посвященных выявлению лексических особенностей текста или группы текстов на контрасте с иными произведениями: противопоставлялись тексты, написанные женщинами и мужчинами [Rybicki 2016], анализировались лексические различия жанров [Schöch et al. 2018]. Мера Zeta была апробирована на материале различных языков: например, немецкого [Rotari, Jander et al. 2021], английского [Burrows 2007; Craig, Kinney 2009], французского [Du, Dudar et al. 2021] и испанского [González, Camacho, Barbosa 2018]. При указанном способе вычислений повышается роль знаменательных

частей речи, однако среднечастотная служебная лексика также учитывается, что позволяет осуществить разносторонний анализ лексического уровня.

Выводы к главе 2

Мы проследили историю возникновения понятия стилеметрия и сформулировали ее основные принципы. Эта филологическая дисциплина возникает во второй половине XIX в. на фоне проникновения математики в гуманитарные науки, что является общей тенденцией эпохи, осознания присутствия индивидуального авторского начала в тексте и возможности его измерения, а также доминирования идей позитивизма в гуманитарном знании и, в частности, филологии, что проявилось, прежде всего, в идеях младограмматиков. Кроме того, огромную роль в формировании стилеметрии играет материал, из которого эта дисциплина выросла: шекспироведение и, особенно, классическая филология. К концу XIX в. у классиков, корпус исследуемых текстов которых принципиально ограничен и фактически не пополняется, возникла потребность в поиске новых способов описания текстов, их датировки, периодизации и атрибуции. Появление многочисленных количественных методик подсчета и характеристики античных текстов стало ответом на этот запрос.

По всей видимости, первым в лингвистику этот термин ввел В. Лютославский, выступивший 21 мая 1897 г. в Оксфордском Филологическом обществе с докладом о применении «нового метода изучения стилистического родства» – стилеметрии (англ. *stylometry*) в применении к задаче датировки диалогов Платона. Термин входит в науку на английском языке, однако в Оксфордском словаре отображены ошибочные сведения о времени происхождения этой лексемы.

В русскоязычную печать термин проникает сначала в форме «стилометрия» в журнале «Филологическое обозрение» в 1898 г. Создатель российской стилеметрии (как термина и как дисциплины) – Н.А. Морозов. Именно статья Морозова 1915 г.

стала опорной для зарождающейся советской стилеметрии на рубеже 1950-60-х гг. (в первую очередь в трудах Виноградова, Гришунина, Штокмара), что сформировало традицию написания этого термина. Распространенный сегодня вариант «стилометрия», по всей видимости, представляет собой результат вторичного калькирования английской формы.

В течение XX в. появилось множество исследований, направленных на количественное изучение текстов на уровне морфологии, лексики, синтаксиса. И для работ конца XIX столетия, и для исследований начала XXI в. характерна атомарность, разрозненность методик. Приходится констатировать, что нередкой оказывается ситуация, при которой разнообразные стилеметрические методики развиваются параллельно, без учета проблем и достижений друг друга. Однако принципиально, что и в советской, и в зарубежной традиции сформировалось положение о необходимости комплексного анализа языковых единиц в анализируемом тексте, о необходимости синтеза частотного и распределительного подходов и важности соположения результатов, полученных при помощи количественных методов, и данных традиционного лингвостилистического и текстологического анализа.

Для решения исследовательских задач в рамках настоящей работы был выбран метод Delta Берроуза (или классическая Delta). В силу как специфики материала, который подсчитывается алгоритмом, так и непосредственно особенностей подсчета, Delta отвечает требованию комплексности. Инструмент неоднократно доказывал свою надежность. За двадцать лет своего существования он был апробирован на огромном массиве материала; при помощи Delta Берроуза анализировались тексты на самых разных языках: от древних языков (древнегреческого, латыни) до современных английского, арабского, русского и испанского. В результате получения надежных эмпирических результатов, воспроизводимых разными исследователями, Delta Берроуза зарекомендовала себя как один из наиболее качественных, эффективных и авторитетных стилеметрических инструментов.

В качестве вспомогательных средств для разрешения спорных случаев, уточнения результатов и более детальной лексико-грамматической характеристики выявленных классов было принято решение использовать классификаторы, а также инструмент для контрастивного анализа лексики – меру Zeta.

ГЛАВА 3. СТИЛЕМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОРПУСА РОМАНОВ МАРИО ВАРГАСА ЛЬОСЫ

3.1. Подготовка и проведение стилеметрического анализа романов Марио Варгаса Льосы методом Delta

Цель исследования – осуществить стилеметрический анализ вариативности индивидуального авторского стиля Марио Варгаса Льосы и сделать классификацию романов в соответствии с эволюцией его индивидуального авторского стиля. Для достижения поставленной цели необходимо при помощи объективных методов определить классы, на которые делится корпус романов. В этой связи мы решили проверить, на какие классы алгоритм Delta Берроуза разделит корпус романов Марио Варгаса Льосы и как результаты кластеризации посредством объективного комплексного метода соотносятся с подходами к классификации, осуществленными филологами при помощи традиционного анализа.

В рамках настоящего исследования была проведена серия опытов на материале корпуса, состоящего из 19 романов Марио Варгаса Льосы.

Гипотеза заключается в том, что три первых романа Марио Варгаса Льосы «Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе» стилистически отличаются от более поздних текстов. Эта позиция высказывается в ряде работ [Castany Prado 2015; Novoa 2020; Надъярных 2005; Kristal, King 2012], выполненных без привлечения количественных методов; представляется необходимым проверить ее при помощи компьютерного алгоритма.

Статистическая гипотеза формулируется следующим образом:

$$\begin{cases} H_0: \text{романы делятся на 2 класса (3 + 16);} \\ H_a^1: \text{романы делятся более чем на 2 класса (3 + } n_1 \dots + m_x); \\ H_a^2: \text{романы делятся на несколько классов; 3 ранних текста кластеризуются порознь.} \end{cases}$$

Программная реализация была выполнена на базе пакета Stylo [Eder, Rybicki et al. 2016] в программной среде R. В качестве основного метода кластеризации использовалась Delta Берроуза [Burrows 2002].

В анализируемый корпус, прежде всего, вошли 19 романов Марио Варгаса Льосы. Все тексты, собранные нами для анализа, являются оцифрованными

версиями официальных печатных изданий Варгаса Льосы. Файлы формата pdf или epub были переведены в текстовые документы, пригодные для работы с пакетом Stylo.

Была проведена ручная предобработка корпуса. Удалены предисловия, примечания и послесловия. Особенный акцент был сделан при удалении номинаций главных героев, сквозных персонажей, а также на именах, повторяющихся в разных текстах, что релевантно для текстов, являющихся прямыми или косвенными продолжениями. Это такие имена, как Lituma («Зеленый дом», «Тетушка Хулия и писака», «Литума в Андах», «Скромный герой»), Rigoberto, Alfonso, Lucrecia, Justiniana и все уменьшительно-ласкательные формы, производные от этих имен («Похвальное слово мачехе», «Тетради дона Ригоберто», «Скромный герой»), имена политических деятелей, повторяющиеся в политически окрашенных текстах: Johnny Abbes García и Rafael Trujillo в «Празднике Козла» и «Суровых временах», Odría в «Разговоре в Соборе», «Истории Майты», «Суровых временах» и др.

О влиянии номинаций главных героев на подсчеты подробно написано в [Маслинский 2022]; тем не менее, следует признать, что проблема имен собственных актуализируется лишь в том случае, если в корпусе есть ряд текстов с одним сквозным персонажем (как, например, в исследовании К. А. Маслинского по атрибуции «Тихого Дона», где исключение номинаций «Григорий» и «Давыдов» оказало значительное влияние на результаты расчетов), при этом в корпусе отсутствуют другие тексты схожего объема с аналогичным именем. Тем самым частотные номинации, неизбежно попадающие в список 1000 наиболее частотных слов, могут стать дополнительным фактором объединения текстов. В составленном корпусе встречаются сквозные персонажи, что актуализирует необходимость исключения их имен из текстов. Ради избежания воздействия этих номинаций на расчеты мы осуществили предобработку корпуса, подразумевающую очистку текстов от сквозных имен собственных, которые могли бы попасть в исследуемый частотный словарь.

Также удалены сквозные повторяющиеся топонимы (Perú, Arequipa, Lima, Iquitos, Piura, París, Londres, Inglaterra, Estados Unidos, Europa, Canudos), при этом оставлены прилагательные, образованные от удаленных топонимов и служащие для обозначения национальности (например, удалена Bolivia, но сохранена лексема boliviano). При наличии орфографически сходных форм (Argentina – argentina, República Dominicana – dominicana), были удалены названия стран, но оставлены определения argentino ‘аргентинский’, dominicano ‘доминиканский’ и все производные от них.

Исправлены типографические ошибки, которые могут повлиять на корректность подсчетов. Например, cont6 – contó, ladrones – ladrones. Также были удалены эпитафьи, числа, цифры.

Неоднозначным является вопрос об использовании лемматизации в рамках предобработки корпуса. Представляется, что если исследователь имеет дело с текстами, написанными на языках с развитой словообразовательной парадигмой, маркированными словоформами, выраженной категорией числа и рода в разных частях речи, которые позволяют дифференцировать грамматическое, лексическое и морфологическое своеобразие текстов конкретного автора, то процедура лемматизации оказывается избыточной. Исходя из этих соображений, в исследовании мы не проводили лемматизацию, что, впрочем, стало регулярной практикой для стилиметрических исследований с использованием метода Delta Берроуза [Великанова, Орехов 2019; Орехов 2020; Алиева 2022]³⁰.

Для корректной работы программного обеспечения, а также ради удобства использования единицам корпуса в таблицах и на рисунках были присвоены функциональные условные обозначения. Так, первым элементом выступает фамилия автора, вторым — название романа, третьим — год издания текста.

³⁰ Несомненно, лемматизация является в высшей степени полезной процедурой, когда речь идет об изучении тематики текстов или их тональности при помощи компьютерных методов, т. е. в тех областях, где грамматические категории оказываются своего рода «шумом», отвлекающим от тематического наполнения, который значительно проще, удобнее и надежнее считывать с лексем. В случае со стилиметрическими исследованиями работает обратная логика: ставится цель избавиться от избыточного влияния тематического фактора как нерелевантного.

Обязательный разделительный символ для реализации опыта в R – нижнее подчеркивание между фамилией автора и названием текста.

Таким образом, после предобработки корпуса мы получили итоговое значение состава и мощности атрибутируемых классов (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Состав и мощность атрибутируемых классов

№	Название	Условное обозначение	Кол-во словоупотреблений
1	«Город и псы»	Vargas_CiudadYlosPerros1963n	127 714
2	«Зеленый дом»	Vargas_LaCasaVerde1966	133 233
3	«Разговор в Соборе»	Vargas_ConversacionEnCatedral1969	201 227
4	«Капитан Панталеон и Рота добрых услуг»	Vargas_PantaleonYLasVisitadoras1973	81 233
5	«Тетушка Хулия и писака»	Vargas_JuliaYEScribidor1977	122 427
6	«Война конца света»	Vargas_LaGuerraDelFinDelMundo1981	234 244
7	«История Майты»	Vargas_LaHistoriaDeMayta1984	98 416
8	«Говорун»	Vargas_El hablador1987	70 832
9	«Похвальное слово мачехе»	Vargas_ElogioDeLaMadrastra1988	28 589
10	«Литума в Андах»	Vargas_LitumaEnLosAndes1993	80 341
11	«Тетради дона Ригоберто»	Vargas_CuadernosDeDonRigoberto1997	98 113
12	«Праздник Козла»	Vargas_FiestaDelChivo2000	149 139
13	«Рай на другом углу»	Vargas_ParaisoEnOtraEsquina2003	136 287
14	«Похождения скверной девчонки»	Vargas_TravesurasDeNinaMala2006	112 396
15	«Сон кельта»	Vargas_SuenoDelCelta2010	135 937
16	«Скромный герой»	Vargas_HeroeDiscreto2013	114 788
17	«Пять углов»	Vargas_CincoEsquinas2016	70 975
18	«Суровые времена»	Vargas_TiemposRecios2019	91 861
19	«Посвящаю свое молчание»	Vargas_LeDedicoMiSilencio2023	65 295
	Итого		2 153 047

Для проверки надежности метода был привлечен сопоставительный материал. Исходя из требований хронологической близости и стиле-жанровой однородности, мы отобрали тексты двух крупнейших авторов периода бума: колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса («Сто лет одиночества», «Осень патриарха») и мексиканца Карлоса Фуэнтеса («Смерть Артемио Круса», «Terra nostra»). Помещая их тексты в корпус, мы тем самым дополнительно проверяем алгоритм на надежность.

Соответственно, аналогичная процедура предобработки была проведена и для сопоставительных классов (табл. 3.2). По ее итогам мы смогли сформировать окончательный состав корпуса, насчитывающий теперь 23 единицы.

Таблица 3.2

Состав и мощность сопоставительных классов

№	Название	Условное обозначение	Кол-во словоупотреблений
1	Фуэнтес К. Смерть Артемио Круса	Fuentes_MuerteDeArtemioCruz1962	95 098
2	Фуэнтес К. Terra nostra	Fuentes_Terra Nostra 1975	356 945
3	Гарсиа Маркес Г. Сто лет одиночества	Marquez_CienAnosdeSoledad1967	134 852
4	Гарсиа Маркес Г. Осень патриарха	Marquez_OtonoDePatriarca1975	88 314
	Итого		675 209

Общее количество словоупотреблений, которое было подвержено анализу, тем самым, составило 2 828 256 единиц.

Следующим этапом для корректного проведения опыта является определение объема частотного словаря, на котором будут производиться замеры. Глобально можно говорить о двух тенденциях: использовании малого частотного словаря от 100 до 500 наиболее частотных слов (англ. *most frequent words*, далее – mfw) и большого словаря – до 5000 mfw. При втором подходе повышается роль знаменательной лексики, что кажется нам не вполне методологически верным; с другой стороны, эмпирически было установлено, что 100 mfw – малое и

ненадежное значение, при котором возможны смещения и априори некорректные результаты. Однако словарь объемом от 200 mfw зарекомендовал себя как достаточный для проведения стилеметрических опытов [Burrows 2002; Великанова, Орехов 2019; Skorinkin, Orekhov 2023ab]. В этой связи мы решили провести серию из 9 опытов на частотном словаре объемом от 200 до 1000 mfw с шагом в 100 слов.

При работе с пакетом Stylo возможно использовать такой тип визуализации, как иерархическая кластеризация по методу Варда, оформленная в виде дендрограммы.

Необходимо вычислить расстояние между единицами корпуса (романами) по методу Delta, при этом используется заранее установленный объем частотного словаря (от 200 до 1000), включающий наиболее частотные слова, которые встречаются в анализируемых при помощи алгоритма текстах. Стилистически близкие сборники помещаются на одну ветвь. Похожие тексты группируются вместе, а непохожие на них, но сходные между собой, помещаются на другую большую ветвь. В силу наглядности этого представления данных ниже мы будем использовать именно его.

Точные значения межтекстового расстояния Delta, на основании которых и составляются дендрограммы, представлены в виде таблиц для каждого частотного словаря (от 200 до 1000), на котором проводятся опыты. Однако такого рода таблицы являются слишком громоздкими для размещения в основной части и поэтому помещены в Приложении 1 (таблицы 1.1–1.9), которое находится по ссылке: <https://disk.yandex.ru/d/RG0mZqGSvmtSlg>.

Наглядно результаты расчетов представлены на дендрограммах³² (см. Приложение 2, рис. 2.1–2.9). Ниже представлены дендрограммы романов

³² Также по итогам каждого опыта формируется перечень слов, составивших частотный словарь. Например, ниже представлен перечень 200 наиболее частотных слов: de, la, y, que, el, a, en, los, se, no, las, un, con, lo, por, su, una, del, al, le, para, me, había, como, sus, pero, más, es, era, dijo, te, qué, él, si, sin, o, mi, cuando, ya, yo, vez, todo, ni, ella, estaba, sobre, hasta, sólo, ahora, dos, ese, esa, muy, eso, también, porque, ojos, entre, fue, desde, ha, tan, sí, tenía, todos, ser, habían, donde, les, señor, tu, nos, vida, nada, así, esta, bien, nunca, siempre, tiempo, casa, don, está, después, día, tú, algo, aquí, usted, noche, este, años, antes, mismo, ellos, mano, otra, hombre, entonces, cómo, cabeza, mujer, tres, mientras, uno, hay, voz, eran, mundo, pues, unos, veces, esos, manos, cara, otro, hacia, padre, contra, nadie, luego, tanto, sino, hacer, cada, sido, he, menos, mucho, son, iba,

М. Варгаса Льосы, Г. Гарсиа Маркеса и К. Фуэнтеса на материале 500 mfw и 1000 mfw (рис. 3.1 и 3.2).

Данные пакета Stylo (конфигурация опыта, частотные списки) по каждой итерации опытов представлены также в «Материалах Stylo» в папках «Основной опыт» и «Уточняющие опыты».

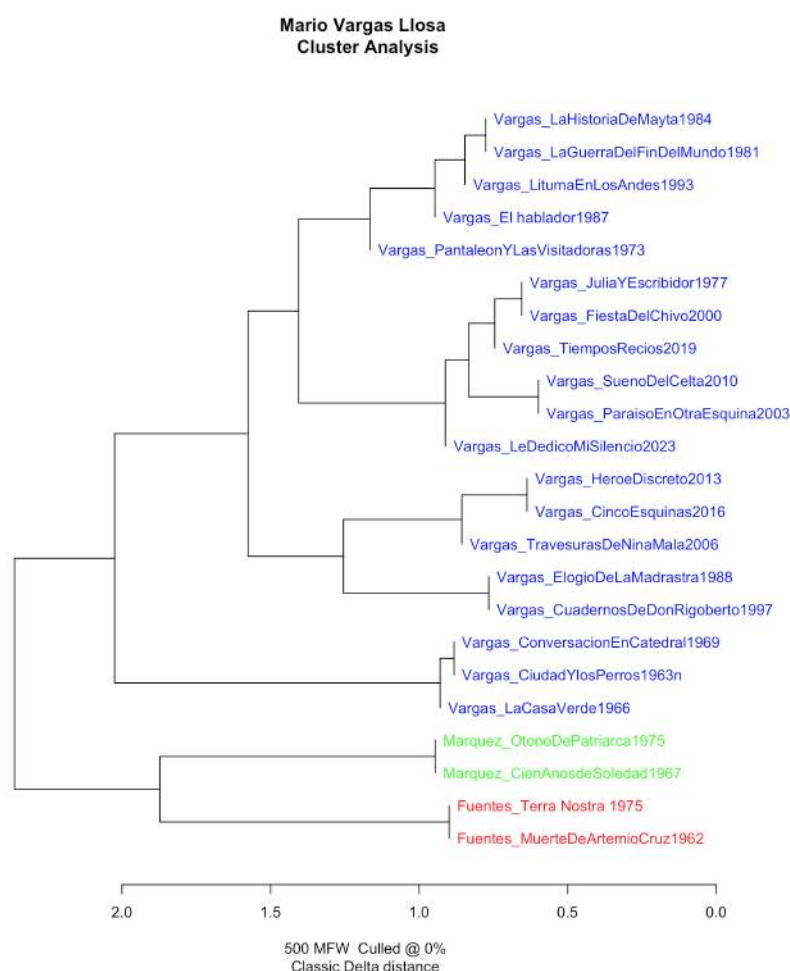

Рисунок 3.1. Дендрограмма романов М. Варгаса Льосы, Г. Гарсиа Маркеса и К. Фуэнтеса (расстояние Delta при 500 mfw)

señora, aunque, hizo, cosas, días, cuerpo, hacía, mí, todas, poco, podía, madre, hubiera, mejor, allí, hecho, mis, ver, hombres, fin, dice, sé, esas, toda, boca, decir, todavía, puerta, nuevo, tiene, tierra, ahí, gran, han, estaban, e, apenas, quién, tal, muerte, verdad, fuera, dios, vio, general, parecía, gente, coronel, momento, hace, otros, mañana, decía, mal, manera, tarde, puede, cuenta, va, amor, viejo, esto, bajo, quien, dio, frente, medio, doctor, primera. Крупнейший словарь на 1000 наиболее частотных слов представлен в Приложении 3.

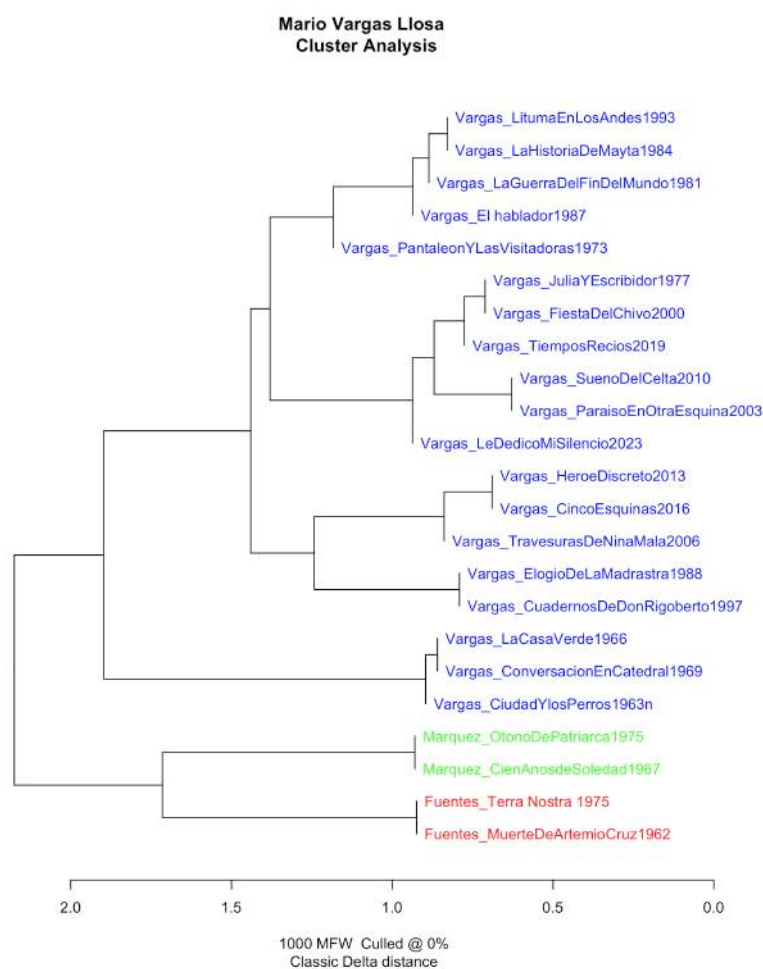

Рисунок 3.2. Дендрограмма романов М. Варгаса Льосы, Г. Гарсиа Маркеса и К. Фуэнтеса (расстояние Delta при 1000 mfw)

Результаты опытов позволяют выявить устойчивые классы романов, кластеризующиеся в одни и те же ветви при любом объеме частотного словаря.

В первую очередь, необходимо отметить, что романы Габриеля Гарсиа Маркеса и Карлоса Фуэнтеса, помещенные в корпус как сопоставительные, безошибочно определяются алгоритмом как существенно стилистически отличающиеся от романов Варгаса Льосы. Четыре сопоставительных романа неизбежно попадают в одну большую отдельную ветвь (на графиках – нижняя), при этом соблюдается постоянная дифференциация: романы Гарсиа Маркеса образуют один кластер, тексты Фуэнтеса – другой обособленный кластер. Алгоритм подтвердил свою надежность.

Романы Марио Варгаса Льосы разделяются на четыре устойчивые ветви. В рамках каждого опыта в отдельную ветвь были вынесены три ранних тотальных

романа «Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе». Так при помощи объективных методов мы подтвердили положения Б. Кастаня Прадо, Э. Кристала и П. Новоа о том, что эти тексты отличаются от более поздних романов («Капитан Панталеон» и далее). Примечательно, что Кастань Прадо и Кристал опирались на экстралингвистические критерии для обоснования своего разделения; Кастань Прадо оперировал философскими (гносеологическими) категориями, а Кристал – социально-политическими; однако эта линия разграничения была подтверждена при помощи анализа распределения наиболее частотной лексики. Три канонических тотальных романа, по Новоа [Novoa 2020], выделяются в одну ветвь. Сочетая данные литературоведческого и компьютерного анализа, можно утверждать, что три тотальных романа Варгаса Льосы образуют стилистически обособленную группу текстов.

При опытах по 300, 500, 600, 700, 800, 900 и 1000 mfw стабильно формируются еще три кластера (рис. 3.3):

Рисунок 3.3. Три кластера поздних романов М. Варгаса Льосы

Особенно наглядно это разделение видно на консенсусном дереве — методе, при котором суммируются результаты разных итераций опыта на различных частотных словарях (рис. 3.4).

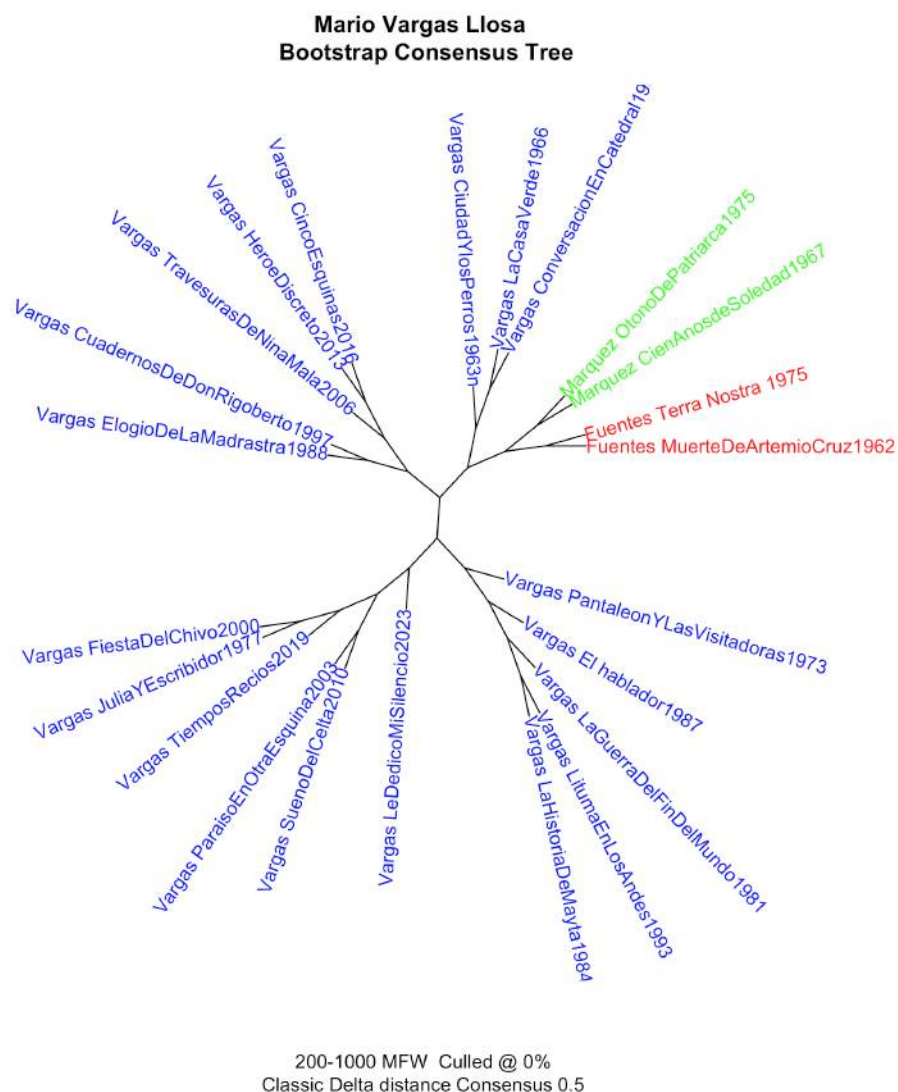

Рисунок 3.4. Консенсусное дерево для романов М. Варгаса Льосы, Г. Гарсиа Маркеса и К. Фуэнтеса. 200–1000 mfw

Механизм работы этого метода состоит в построении ряда виртуальных кластеров с разным числом параметров. Отображаются только те связи между текстами, которые встречаются не менее чем в заданном числе кластеров, определяемом силой связи (диапазон значений этого параметра – от 0,4 до 1, то есть отображаются связи, встречающиеся в 40–100% кластеров). В нашем случае мы построили дерево, отображающее 50% связей (что является своего рода стандартом в рамках подобного рода исследований).

Таким образом, кластеризация, выполненная посредством Delta, не контринтуитивна, сформированные классы поддаются интерпретации.

Ветвь (2) (располагающаяся на рисунке 3.4 в правом нижнем углу) состоит из романов Варгаса Льюиса, отмеченных пессимистической интонацией. Этому классу принадлежит как первый роман 1970-х гг. «Капитан Пантелеон», написанный в пору кризиса реалистических убеждений, отказа Варгаса Льюиса от убеждения в том, что когнитивных способностей человека достаточно, чтобы познать реальность, а средств языка – чтобы ее описать, так и скорбный и жестокий роман «Литума в Андах», созданный Варгасом Льюисом после поражения на президентских выборах в Перу. Также здесь располагаются интонационно и тематически мрачные романы 1980-х гг. «Война конца света» о войне в Канудосе – противостоянии властей Бразилии и радикальной религиозной секты; «История Майты» о несостоявшейся революции и «Говорун», посвященный критической разнице между двумя цивилизациями Перу: автохтонной и европейской.

Все романы этого класса можно умозрительно охарактеризовать как мрачные, исполненные пессимизма по отношению к разного рода идеям, разделяемым Варгасом Льюисом на предыдущем этапе. М.Ф. Надъярных замечает, что «Война конца света» и «Говорун» характеризуется активным использованием «апокалиптических мотивов» [Надъярных 2005: 654]. В «Войне конца света» утверждается, что ход истории не поддается человеческой логике, а мир не может быть объяснен и описан рационально [Schlickers 1998: 203]. В этом заключается перемена в поэтике Варгаса Льюиса, на первом этапе убежденного в возможности познания реальности человеческим разумом. А, например, «История Майты» фактически оказывается манифестом разочарования Варгаса Льюиса в социалистической идее [Надъярных 2005: 654]. Вспомним также и емкое определение С. Шликерс, которым она подытоживает свой опыт сопоставления канонического тотального романа «Разговор в Соборе» и «Войны конца света», отмечая что последний роман является «в высшей степени пессимистическим, он ставит под сомнение все: целостность реальности и традиционные стремления ее изобразить [Schlickers 1998: 204]. Пессимизм явственно различим и в других романах этой ветви. Например, для Э. Кристала именно разочарование Варгаса Льюиса в прежних политических идеалах становится критерием для разграничения

периодов его творчество: именно рубежные «Капитан Панталеон» и «Литума в Андах» [Kristal, King 2012], разделяющие первый и второй и второй и третий период соответственно, определяются в эту ветвь.

Ветвь (3) представляет собой совокупность романов, написанных на исторической, биографической или документальной основе. «Рай на другом углу» (2003) и «Сон кельта» (2010) посвящены рубежу столетий (XIX и XX) и посвящены художественному осмыслению жизни реальных исторических фигур – Поля Гогена и Роджера Кейсмента.

Соседними на ветви оказываются романы «Праздник Козла» (2000) и «Суровые времена» (2019). Один текст фактически является если не прямым, то, по крайней мере, косвенным продолжением другого. «Суровые времена» посвящены событиям в Гватемале в середине 1950-х гг.; в романе фигурируют персонажи из «Праздника Козла»: например, зловещий начальник Службы военной разведки Доминиканской республики Джонни Аббес Гарсия, упоминается ряд политических деятелей эпохи, среди которых центральный – доминиканский диктатор Трухильо [Blasco Calvo 2020: 163]. Также к этой ветви примыкает роман «Тетушка Хулия и писака», написанный на автобиографическом материале.

«Тетушка Хулия» (на рисунке 3.4 – в левом нижнем углу) и «Праздника Козла» сходны и в аспекте осмысления истории – личной или государственной. В случае с диктаторским романом соплагается личная история Урании, дочери крупного чиновника времен Трухильо, проводящей собственное расследования о событиях тех лет, и история заговорщиков, готовящих покушение на диктатора. В «Тетушке Хулии» сопоставляются пародийные главы Камачо, стилизованные под латиноамериканские радиосериалы 1950-60-х гг., и автобиографическая линия, где описывается роман героя Варгитаса с Хулией Уркиди.

В XXI в. («Сон кельта», «Пять углов», «Суровые времена») Варгас Льюиса более сфокусирован на анализе документов, но все равно писатель подчеркивает: «за основу берутся реальные исторические факты, однако это роман, а не учебник

истории. Здесь много элементов вымысла <...> которые переплетаются с историческими фактами»³³.

Ветвь (4) (верхняя ветвь слева на рис. 3.4) также характеризуется гомогенностью: это «легкие романы» с изрядной долей эротического элемента. Стоит отметить, что хотя обращение Варгаса Льосы к новому для себя жанру и стало неожиданным, первый роман – «Похвальное слово мачехе» – был воспринят издателями позитивно [Vargas Llosa 1991: xv]. По результатам каждого опыта его стилистически ближайшим соседом оказывалось продолжение – «Тетради дон Ригоберто», написанные восемь лет спустя. Отметим, что между этими романами публиковался текст «Литума в Андах», отнесенный Delta в другую ветвь – так выявляется стилистическая разница между текстами, написанными в один период.

К этой же ветви примыкают романы «Похождения скверной девчонки», характеризуемые Э. Кристалом как «первый роман Варгаса Льосы, в котором исследуются возможности любви» [Kristal, King 2012: 141], «Скромный герой» и «Пять углов», в каждом из которых главенствует любовная тема либо в аспекте взаимоотношений пожилой пары (Лукреция и Ригоберто, персонажи эротической дилогии 1980-90-х гг., фигурирующие и в «Скромном герое»), либо в аспекте «любви на фоне диктатуры» («Пять углов»).

Как видим, формирование каждого кластера не является произвольным; результаты согласуются с историко-литературными данными и умозрительными гипотезами филологов, что возвращает нас к мысли, высказанной еще Н. Гудменом: «Стиль включает некоторые характерные признаки и того, что говорится, и того, как это говорится; и предмета, и формулировки; и содержания, и формы» [Гудмен 2001: 144].

Однако внимание привлекают два казуса. Первый связан с неоднозначностью кластеризации романа «Посвящаю Вам свое молчание»: при кластеризации по 200

³³ Mario Vargas Llosa presenta Tiempos recios, una historia sobre conspiraciones políticas en Guatemala durante la Guerra Fría // CNN Español. 10 de octubre 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://cnnespanol.cnn.com/2019/10/10/mario-vargas-llosa-presenta-tiempos-recios-una-historia-sobre-conspiraciones-politicas-en-guatemala-durante-la-guerra-fria/> (дата обращения: 20.08.2024). Режим доступа: свободный.

mfw он включается в класс легких романов, при остальных – определяется к документальным. Второй сопряжен с кластеризацией романа «Тетушка Хулия и писака», который несмотря на свою априорную мнимую автобиографичность относится к классу документальных текстов. В этой связи требуются дополнительные, уточняющие опыты.

3.2. Уточнение результатов применения метода Delta к трем романам Марио Варгаса Льосы

Как было сказано выше, при 7 итерациях из 9 результаты опытов были абсолютно идентичны. При опытах на 200 mfw и 400 mfw наблюдаются искажения. И если при замере на 400 mfw, когда от класса пессимистических текстов откалываются «Капитан Панталеон» и «Война конца света», перед нами выброс, который можно объяснить в свете проблемы пушистых, или нечетких множеств, то кейс романа «Посвящаю Вам свое молчание» требует отдельного рассмотрения в силу сложной жанровой природы текста.

Роман опубликован в 2023 г.: это история писателя Тоньо Аспиликүэты, который «считает, что креольская музыка является ключом к преодолению расовых и социальных барьеров в Перу» [Ferreira 2024: 59]. Фактически в тексте совмещаются два жанра: роман и эссе.

Для разрешения этой неоднозначности мы решили обратиться к классификаторам, поскольку, как было показано в предыдущей главе, практика их использования как дополнительного этапа опытов, выполненных при помощи Delta, не является редкой [Calvo Tello 2019; Ковалев 2024a].

Мы обратились к методу опорных векторов (англ. Support Vector Machine) и наивному байесовскому классификатору (англ. Naive Bayes). Метод опорных векторов – один из наиболее распространенных и мощных методов машинного обучения, который применяется для решения задач классификации [Вапник 1979; Vapnik 1998]. Алгоритм создает линию (в двумерном пространстве) или гиперплоскость, которая оптимальным способом делит данные на классы с максимальным «зазором» между ними. Чем больше зазор, тем меньше средняя

ошибка классификатора. Векторы, которые расположены с одной «стороны» гиперплоскости, относятся к одному классу, а расположенные с другой — к другому. Сегодня он используется и в стилеметрических исследованиях [Eder 2016; Eder 2018; Rybicki, Kestemont et al. 2014]: среди прочего, исследовалось возможное соавторство Трумэна Капоте и Харпер Ли [Eder, Rybicki 2016; Choiński et al. 2019], вычислялась доля авторского вклада Хорхе Луиса Борхеса и Адольфо Бия Касареса в тексты, написанные под псевдонимом Онорио Бустос Домек [Morán Rodríguez 2023; Ковалев 2024с]. Надежность метода позволяет его избрать и для решения этой проблемы.

Принцип работы наивных байесовских классификаторов, используемых, среди прочего, в знаковых для истории стилеметрии трудах Мостеллера и Уоллеса [Mosteller, Wallace 1963], зиждется на предположении о независимости признаков в заданных классах, то есть присутствие в классе признака n не зависит от присутствия в этом классе признака m .

Классификация выполняется посредством функции `classify()` в рамках пакета `Stylo`. Для ее проведения необходимо создать два корпуса — обучающий (`primary_set`) и проверочный (`secondary_set`). В обучающий корпус помещаются тексты, заведомо принадлежащие конкретным авторам, или — в случае романов Варгаса Льосы — конкретным классам. В тестовый корпус помещается атрибутируемый текст, а также (в качестве сопоставительного материала) другой текст, чей автор или класс заранее определены.

Учитывая специфику вариантов кластеризации романа «Посвящаю Вам свое молчание» (в 8 случаях — класс документальных текстов, в 1 — класс легких, эротических), в обучающий корпус мы поместили 4 романа, относящихся к эротическим текстам: «Похвальное слово мачехе», «Тетради дона Ригоберто», «Скромный герой», «Пять углов». Обозначим их префиксом `Ero`. Также в обучающий корпус вошли 4 романа, безоговорочно относимых алгоритмом к классу документальных текстов: «Тетушка Хулия и писака», «Праздник Козла», «Рай на другом углу», «Суровые времена»; их обозначим префиксом `Doc`.

В проверочный корпус поместим собственно атрибутируемый текст «Посвящаю свое молчание» (Dubia), а также два романа как сопоставительный материал для параллельной проверки надежности классификаторов: «Похождения скверной девчонки» (также обозначим как Dubia) и «Сон кельта» (Doc).

Проведено девять итераций [Ковалев 2025b] на частотном словаре от 200 до 1000 mfw, результаты³⁴ представлены в таблице 3.3.

Таблица 3.3

Классификация спорных текстов

mfw	SVM		NBC	
	«Посвящаю Вам свое молчание»	«Похождения скверной девчонки»	«Посвящаю Вам свое молчание»	«Похождения скверной девчонки»
200	Doc	Ero	Doc	Ero
300	Doc	Ero	Doc	Ero
400	Doc	Ero	Doc	Ero
500	Doc	Ero	Doc	Ero
600	Doc	Ero	Doc	Ero
700	Doc	Ero	Doc	Ero
800	Doc	Ero	Doc	Ero
900	Doc	Ero	Doc	Ero
1000	Doc	Ero	Doc	Ero

«Сон кельта» как контрольный текст был в 100% случаев отнесен к классу документальных романов. Как видно из таблицы 3.3, «Посвящаю Вам свое молчание» обоими классификаторами был определен в тот же класс документальных текстов, в то время как «Похождения» – в другую. Данные результаты позволяют нам однозначно решить вопрос о принадлежности последнего романа Варгаса Льосы «Посвящаю Вам свое молчание» к документальным текстам.

Отдельный интерес в перспективе выявления тенденций в творчестве Варгаса Льосы, а также вариативности его стиля вызывает кластеризация романа «Тетушка Хулия и писака». В рамках предыдущих опытов (см. Приложение 2) было установлено, что этот роман определялся в один класс с романами,

³⁴ Данные опытов, выполненных в пакете в Stylo, можно также увидеть в «Материалах Stylo» в используемом хранилище.

написанными на документальной или исторической основе. В этом уже заключается определенный парадокс: несмотря на кажущуюся автобиографичность романа, он является примером провала попытки написать текст, основанный на личных воспоминаниях, что признавал сам автор [Vargas Llosa 1991: 111–112].

Как мы описывали выше, в романе «Тетушка Хулия и писака» две сюжетные линии. Повествователь в нечетных главах – журналист Марио Варгас Льоса (Варгитас), служащий на радиостанции в Лиме. В этих главах рассказывается история любви молодого автора и его будущей жены – бывшей супруги дальнего родственника Хулии Уркиди, по латиноамериканскому обыкновению именуемой «тетушка» (исп. *tía*). Четные главы – пересказ радиосериалов, написанных Педро Камачо, которого называют «писакой» (исп. *escribidor, escriba*). В каждой главе Камачо излагаются разные сюжеты, которые во второй части романа начинают перекликаться и к финалу образуют хаотичный поток бессмысленных переплетенных историй.

Если квазиавтобиографическая часть о Варгитасе написана в традиционной реалистической манере, то главы Камачо – стилизации. Как отмечал сам Варгас Льоса, его идея состояла в том, чтобы написать роман полный стереотипов, со всеми характерными чертами мыльной оперы и радиосериала, но таким образом, чтобы эти элементы можно было преобразовать в художественное произведение, в нечто личное и оригинальное [Vargas Llosa 1991: 107]. Стилизованные главы представляют собой пародию на мыльные оперы эпохи – тем самым акцентируется разница между рассказчиками.

В связи с этим необходимо ответить на вопрос: выявляет ли Delta Берроуза разницу между параллельными главами и к какому классу алгоритм отнесет тексты, написанные от лица Камачо, а к какой – автобиографические главы.

На первом этапе мы разделили роман на две части в соответствии с разбиением по главам и добавили их в тот же корпус, на котором проводились предыдущие опыты. «Реалистическую» часть обозначим как *Vargas_Julia Varguitas*, стилизованную – *Vargas_Julia Camacho*.

Девять опытов показали идентичные результаты (рис. 3.5).

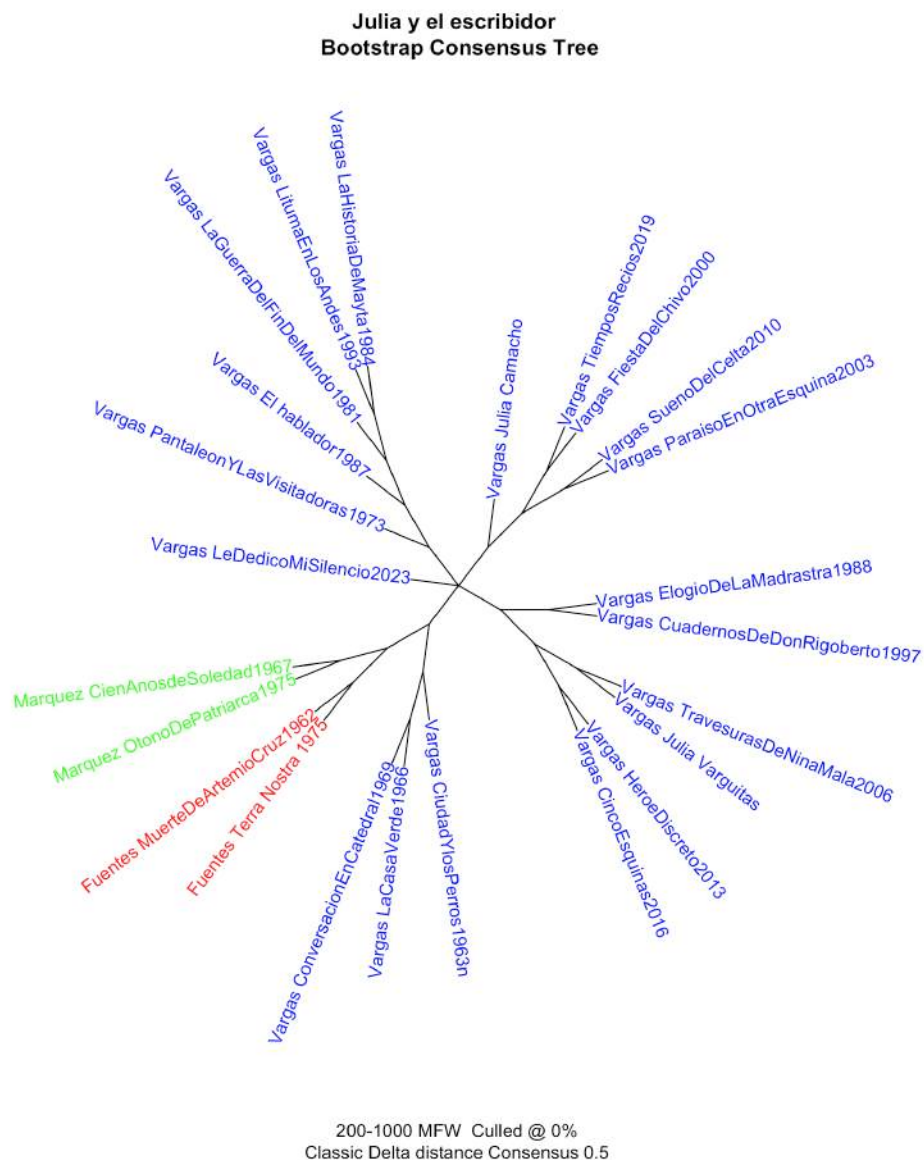

Рисунок 3.5. Консенсусное дерево, на котором представлено расстояние Delta для романов М. Варгаса Льосы, Г. Гарсиа Маркеса и К. Фуэнтеса. Кейс романа «Тетушка Хулия и писака».

200–1000 mfw

Как видим, обнаруживается еще один парадокс: антиреалистические главы Камачо присоединились к ветви документальных текстов, а мнимо автобиографическая часть о Варгитасе – к ветви эротических романов.

Кроме того, обращает на себя внимание устойчивость кластеризации текстов при измененном корпусе. Единственное исключение – «беглый» текст «Посвящаю Вам свое молчание», который теперь чаще примыкает к классу пессимистических текстов. Однако в данном случае это не представляет для нас исследовательской

проблемы, поскольку а) ориентироваться необходимо на результаты замеров основного опыта, поскольку только этот корпус является реальным и релевантным. Опыт с двумя отдельными частями «Тетушки Хулии» в известном смысле условный и умозрительный; в реальности публиковался единый текст, примкнувший к классу документальных текстов, а именно на действительное положение дел мы и опираемся для разбиения данных на классы; б) изменения отношений между классами текстов при изменении состава классов – нормальное явление; тем более в данном случае речь идет о перемене класса лишь одного текста, и без того оказывавшегося проблемным в силу жанровых причин. Поэтому в данном случае необходимо сосредоточиться на показателях конкретного романа («Тетушка Хулия и писака»), представляющего для нас отдельный интерес в рамках малого уточняющего опыта.

В некотором роде «Тетушка Хулия и писака» является определяющим текстом, задающим тренд для последующего творчества: именно там формируются два класса, по которым будет распределено большинство позднейших романов Варгаса Льосы. И при этом «документальный тренд» задает именно пародийно-фантастическая часть Камачо.

Так на уровне анализа объективными методами наиболее частотной лексики актуализируется философско-литературная проблематика творчества Варгаса Льосы. «Тетушка Хулия» написана в начале скептического этапа (по терминологии Кастаня Прадо), когда Варгас Льоса сомневается в возможности языка отображать действительность.

Первоначально Варгас Льоса задумывал воспроизвести автобиографическую часть максимально достоверно, однако быстро осознал невозможность реализации замысла, поскольку пришел к выводу, что воспоминания оказывают на него слишком сильное воздействие и художественная литература несовместима с объективным сообщением о живом опыте [Vargas Llosa 1991: 112].

Несмотря на неудачу, следует отметить именно попытку – в «Войне конца света», «Говоруне», «Истории Майты», которые отнесены к пессимистической группе текстов, вопрос о реалистическом методе уже будет ставиться иначе:

«История Майты» посвящена истории возможной, но не состоявшейся революции в Перу, т. е. является фикциональной априори; «Говорун» основан на столкновении двух цивилизаций: мнимо рационалистической европейской и автохтонной перуанской, а в «Войне конца света» огромную роль играет проблема оптики, освещения реальных событий, фасеточного распада картины мира в зависимости от смотрящего, что также противоречит концепции объективного изображения действительности с разных точек зрения, свойственной еще, например, «Зеленому дому». «Тетушка Хулия» является первым шагом в этом направлении, однако еще не настолько радикальным³⁵. К идее традиционного реалистического нарратива на историческом материале Варгас Льюса вернется на рубеже 1990-2000-х гг.: «Праздник Козла», «Рай на другом углу» и далее. Именно к этим текстам и примыкает «Тетушка Хулия», а при разделении романа на две части – главы «Камачо». Главы Варгитаса, посвященные романтическим отношениям с Хулией, атрибутируются классу эротических текстов – более того, служат хронологически первым образцом такого рода текста.

Далее мы решили проверить, являются ли стилистически однородными главы романа. Мы загрузили их в отдельный корпус и поставили серию опытов на аналогичном частотном словаре (рис. 3.6). Состав и мощность анализируемых классов отображены на таблице 3.4.

Таблица 3.4

Состав и мощность глав романа «Тетушка Хулия и писака»

№ главы (Варгитас)	Кол-во словоупотреблений	№ главы (Камачо)	Кол-во словоупотреблений
1	4 850	2	7 350
3	6 374	4	7 990
5	6 129	6	6 140
7	4 948	8	5 355
9	5 872	10	6 203
11	5 372	12	5 541
13	6 107	14	6 121
15	5 885	16	6 278
17	6 577	18	5 953
19	7 844		

³⁵ Вспомним о разнице между интерпретациями романа со стороны Варгаса Льюсы в 1966 г. [Harss 1966] и в 1991 г. [Vargas Llosa 1991].

20	5 538		
Итого	65 496	Итого	56 931

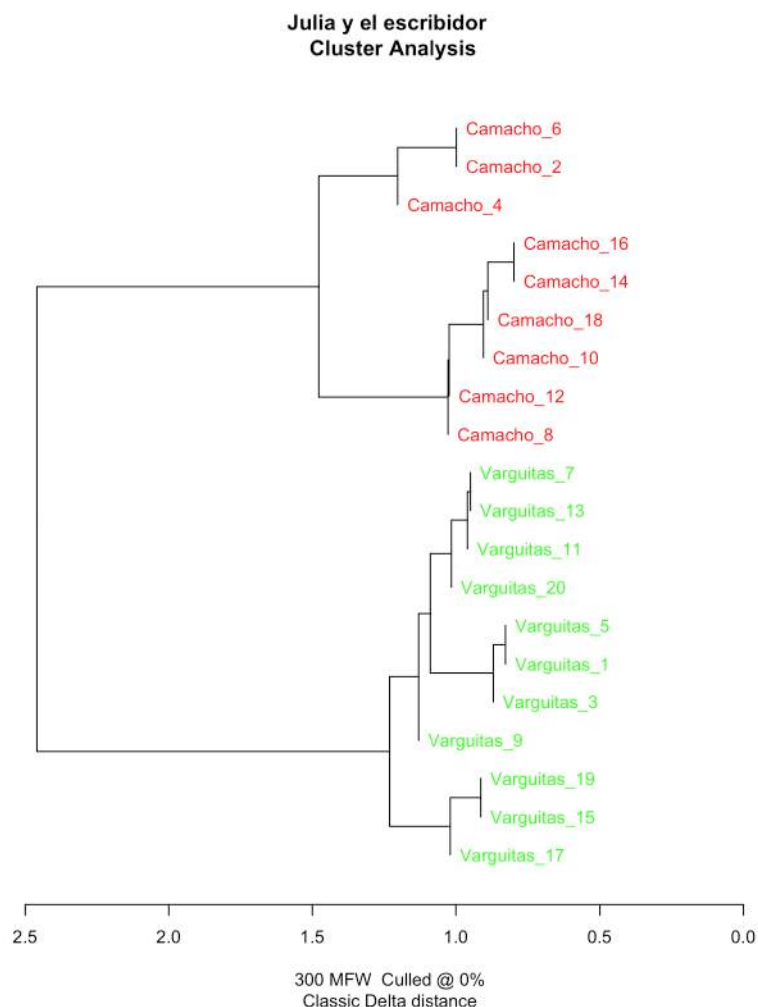

Рисунок 3.6. Дендрограмма глав романа «Тетушка Хулия и писака» (расстояние Delta при 300 mfw)

В большинстве случаев Delta разносит в отдельные кластеры главы Варгитаса и Камачо. Только в трех случаях (на 200, 900 и 1000 mfw) главы 2 и 4 определяются к текстам Варгитаса, а при замере на 800 mfw глава 17 – к текстам писаки. Это согласуется с общей реалистической интонацией текста: как отмечалось выше, особенность построения «Тетушки Хулии» состоит в том, что читатель не сразу замечает, что реальность четных глав не имеет отношения к происходящему в нечетных. Начальные главы Камачо стилистически слабо отличаются от глав о Варгитасе – так посредством количественных методов мы видим некоторую стилистическую градацию глав части Камачо: от правдоподобно реалистических

(2, 4, 6), то есть таких, которые читатель воспринимает столь же реалистическими, как 1, 3, 5 и т.д., к абсурдно-пародийным (от 14 до 18). Отметим, что при каждом из 6 замеров, по результатам которых главы Камачо всегда кластеризуются отдельно, на этой большой ветви выделяются устойчивые малые группы: главы 2, 4, 6, промежуточные главы 8,10, 12 и 14, 16, 18. Так на микроуровне подчеркивается стилистическая разница между обманчиво реалистическими главами Камачо, которыми начинается роман, и поздними главами, в которых доля фантастического элемента преобладает.

Особенно отчетливо эта градация видна на рис. 3.7.

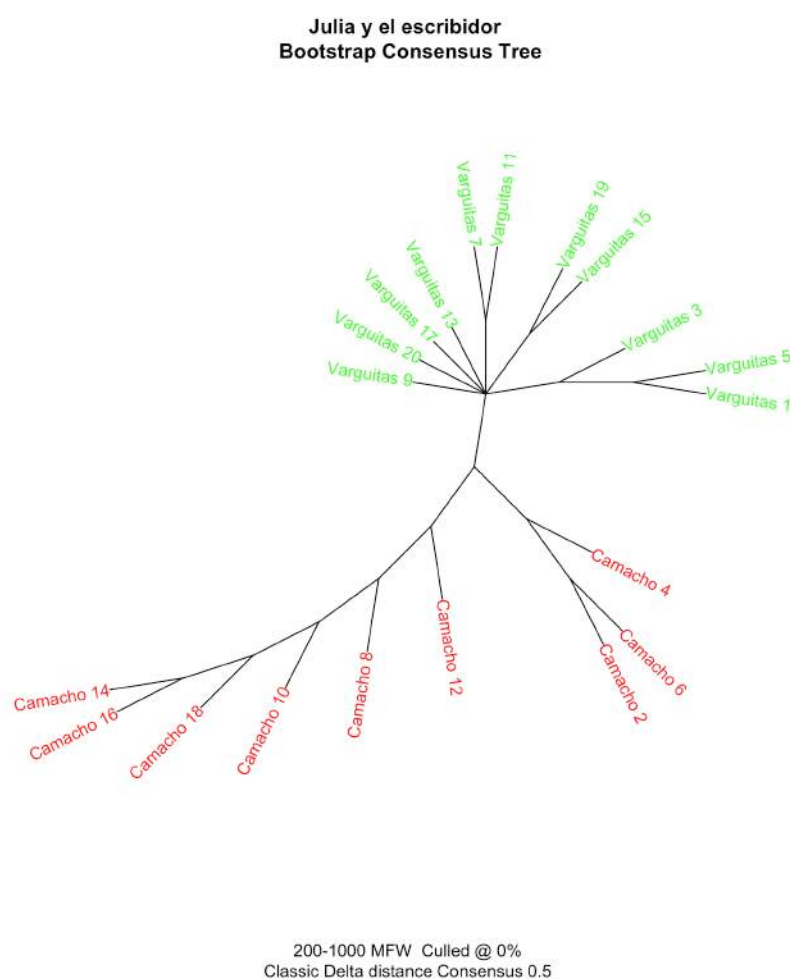

Рисунок 3.7. Консенсусное дерево для глав романа «Тетушка Жулия и писака». 200–1000 mfw

В части Камачо выделяется три группы: 2, 4, 6; 14, 16, 18, а также промежуточные главы 8, 10, 12. При этом ближе к квазиавтобиографическим главам оказываются первые главы 2, 4, 6, а далее всего от них находятся главы 14, 16, 18,

характеризующиеся повышением доли абсурда в тексте. В них уже повторяются персонажи (например, возвращается Альберто де Кинтерос из главы 2 и Литума из главы 4 и другие герои, однако напомним, что эти и другие сквозные номинации были удалены в рамках предобработки), в главе 16 сначала повествуется о футбольном матче, затем действие перемещается на арену для боя быков, и все внезапно оканчивается кровопролитием и оскотечением одного из персонажей.

Кроме того, деление на три малые группы текстов в части Камачо наблюдается при сопоставлении моделей сюжета этих глав. В общем виде сюжетные особенности каждого радиосериала, изложенного в соответствующей последовательности глав, можно сформулировать так. В главах 2, 4, 6 герой входит в повествование практически без предыстории, его семья находится на втором плане, сам персонаж играет роль наблюдателя некоторого трагического события. Главы 8, 10, 12: герой подвергается опасному физическому воздействию и испытывает тяжелую душевную травму; огромную роль играет семья персонажа. Главы 14, 16, 18: герой пробивается к профессиональному успеху вопреки физической слабости, кажущейся умственной неполноценности, социальной дискриминации; подробная история героя, достигающего «возраста расцвета» ближе к концу рассказа. Соответственно можно выделить три жанрово-тематические группы, пародируемые в главах Камачо: житейская драма и профессионал в затруднении, семейные романы и романы травм, романы воспитания, карьеры и несчастной любви.

Важно, что алгоритм подтверждает эту стилистическую неоднозначность и отличие малых групп Камачо (трех ранних, трех поздних и трех промежуточных) при их глобальной схожести.

Далее мы, используя распределительный подход (а именно основанную на нем меру Zeta), выявили дифференцирующую лексику, позволяющую отличить одну часть романа от другой.

Для проведения опыта необходимо сформировать два корпуса текстов. В первый загружаются главы, написанные от лица Педро Камачо, во второй – часть о Варгитасе. На этой основе, по методу, описанному в предыдущей главе,

формируется два перечня слов: в одном указываются слова, наиболее частотные, специфические, «предпочитаемые» (англ. *preferred*) для глав Камачо, в другом – «избегаемые» (англ. *avoided*) в этих главах (рис. 3.8). Процедура выполняется при помощи функции `oppose()`.

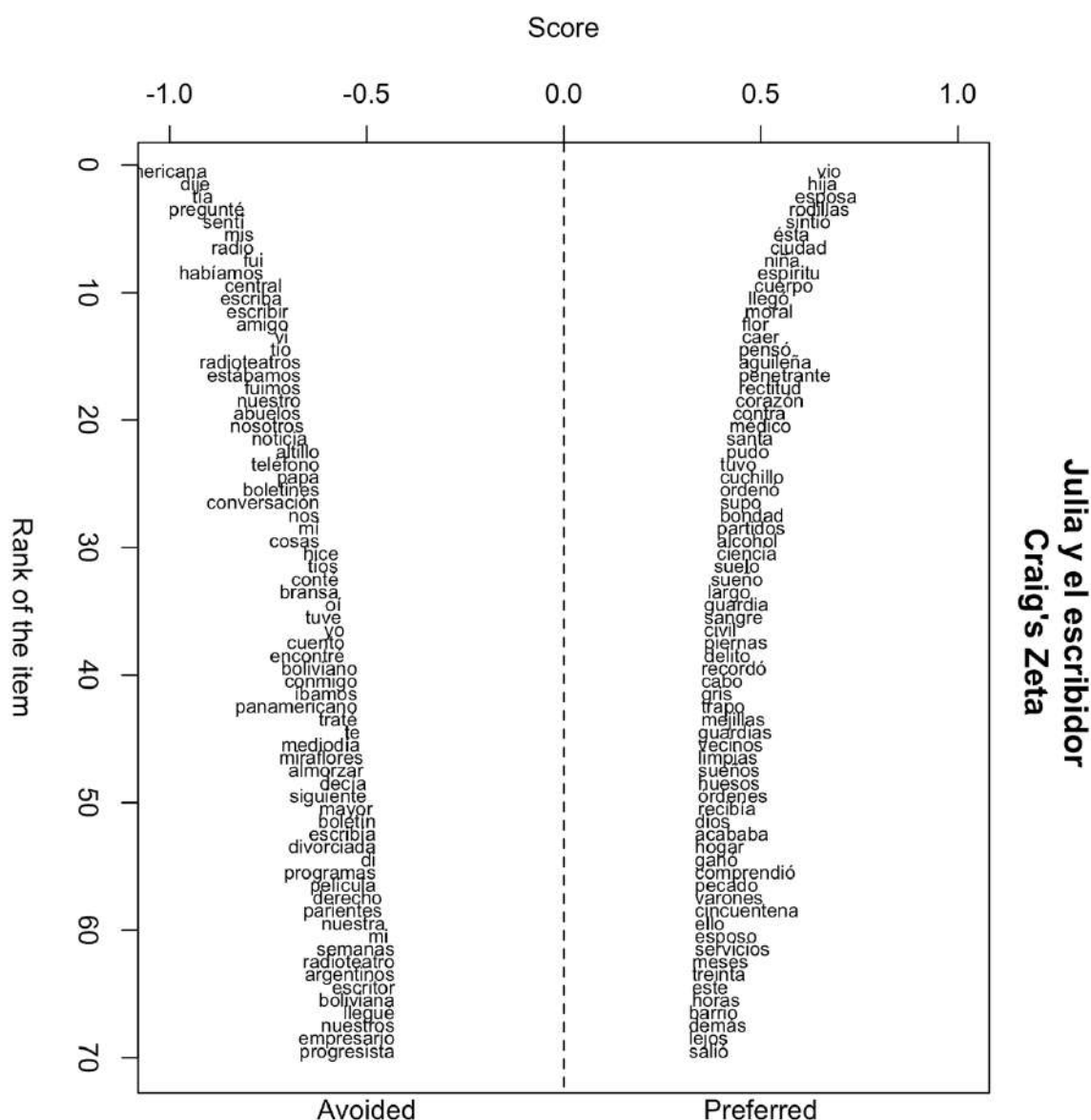

Рисунок 3.8. Дифференцирующая лексика для глав романа «Тетушка Хулия и писака»

В правой колонке располагается лексика, характерная для части Камачо, в левой – нетипичная для нее и, соответственно, характерная для глав Варгитаса. Список дифференцирующей лексики с Zeta-оценками – см. Приложение 4, табл. 4.1.

В первую очередь обращает на себя внимание противопоставление на глагольном уровне: 3 л. в претерите в главах Камачо (*vio* ‘он увидел / она увидела’, *llegó* ‘он пришел / она пришла’, *sintió* ‘он почувствовал / она почувствовала’, *tuvo* ‘он получил / она получила’, *llegó* ‘он достиг / она достигла’, *pensó* ‘он подумал / она подумала’, *ordenó* ‘он приказал / она приказала’ и проч.), *comprendió* ‘он понял / она поняла’, *salió* ‘он вышел / она вышла’) и 1 л. в главах Варгитаса (*dije* ‘я сказал’, *oí* ‘я услышал’, *vi* ‘я увидел’, *pregunté* ‘я просил’, *traté* ‘я попытался’, *fui* ‘я был’ и проч.).

Также для части Варгитаса характерны формы 1 л. мн. ч. в имперфекте: *habíamos* ‘мы имели’; *estábamos* ‘были, находились’, которая также используется в ряде стандартных конструкций с причастием и герундием; *fuimos* ‘мы пошли / поехали / отправились / были’, личное местоимение первого лица множественного числа *nosotros* ‘мы’, безударная форма *nos*, притяжательное прилагательное *nuestro* ‘наш’, местоимение *conmigo* ‘со мной’. Так передается то, что действия в части Варгитаса совершаются актантами в паре: как правило, речь идет о герое и о тетушке Хулии.

На этом основании возможно выделить модель дифференцирующих глаголов в соответствующих частях текста. Для глав Варгитаса это следующий набор грамматических признаков: 1 лицо (единственное или множественное число), прошедшее время (равномерно представленные имперфект или претерит) в индикативе, т. е. *Verb_{1Sing/PlurPastInd}*. Для глав Камачо – иной перечень: 3 лицо, единственное число, прошедшее время (по большей части претерит, но встречается и имперфект), т. е. *Verb_{3SingPastInd}*. Для обеих частей характерно отсутствие глаголов в субхунтиве³⁶, а кажущийся таковым на первый взгляд *escriba* является существительным со значением ‘писарь, писака’. Как показал анализ контекста, это слово используется в сочетании *escriba boliviano* ‘боливийский писака’ и служит для иронического обозначения Камачо.

³⁶ Так в испанском языке называют сослагательное наклонение, что не всеми исследователями признается как однозначный эквивалент.

Значимую дифференцирующую лексику в главах Варгитаса можно сгруппировать следующим образом:

а) термины родства (*tía* ‘тетушка’, *tío* ‘дядя’, *abuelos* ‘бабушки и дедушки’, *hijo* ‘сын’). Тем самым актуализируется значимость семейной темы в этих главах по контрасту с частью Камачо;

б) профессиональная лексика, связанная с радиожурналистской деятельностью главного героя (*panamericana* ‘панамериканская (дословный перевод названия радиостанции)’, *radio* ‘радио’, *escribir* ‘писать’, *noticia* ‘новость’, *teléfono* ‘телефон’);

в) бытовая лексика, описывающая ежедневную рутину: *almorzar* ‘завтракать, обедать в полдень’, напрямую связанное с ним *mediodía* ‘полдень’, *Bransa* – наименование любимого кафе Варгитаса.

Также в главах Варгитаса обращает на себя внимание использование различных местоименных форм первого и второго лица. Это либо ударные формы *yo* ‘я’, *nosotros* ‘мы’, *conmigo* ‘со мной’ и *mi*, используемая в таких конструкциях: *a mí me gusta* ‘мне нравится’, *es importante para mí* ‘это важно для меня’, поссессивы *mis* ‘мои’, *nuestro* ‘наш’, безударная форма *te* ‘тебе’. Это проливает свет на различия глав в коммуникативной перспективе. Часть Варгитаса не только перволична на глагольном уровне, но и ориентирована на взаимодействия субъекта, от лица которого ведется повествование, с другим субъектом (тетушкой Хулией).

Специфическая лексика глав Камачо обусловлена штампами и клише, которыми наполнен текст в пародийных целях. Почти все его герои – женатые мужчины с дочерьми (*esposa* ‘супруга’, *niña* ‘ребенок_{Fem}’, *hija* ‘дочь’), герой либо сам является врачом (глава 2), либо в повествовании фигурируют медики (глава 6) – *médico* ‘врач’; это городские жители, окруженные соседями: *ciudad* ‘город’, *vecinos* ‘соседи’.

Однако наибольший интерес представляют слова, составляющие повторяющиеся штампы для описания героев. Как правило, типичному герою или типичной героине Камачо – пятьдесят лет (*cincuentena*), что соответствует возрасту

самого «писаки»³⁷, этот персонаж находится в возрасте расцвета (*flor de edad*), обладает орлиным носом (*nariz aguileña*), пронизывающим взглядом (*mirada penetrante*), он добродетелен и бодр духом (*rectitud y la bondad en el espíritu*). Ниже (табл. 3.5) представлен перечень употребления этих штампов во всех главах «писаки»:

Таблица 3.5

Штампы Педро Камачо в романе «Тетушка Хулия и писака»

№	Оригинал	Перевод Л. Новиковой
2	“El doctor Alberto de Quinteros —frente ancha, nariz aguileña, mirada penetrante, rectitud y bondad en el espíritu” [Vargas Llosa 2016b: 27].	«Доктор Альберто де Кинтерос, светило в области медицины – широкий лоб, орлиный нос, пронизывающий взгляд, бодрость духа» [Варгас Льоса 2012: 23].
4	“Era un hombre en la flor de la edad, la cincuentena <...> Lituma —frente ancha, nariz aguileña, mirada penetrante, rectitud y bondad en el espíritu” [Vargas Llosa 2016b: 77].	«Это был человек в расцвете сил – ему было пятьдесят <...> Литума – широкий лоб, орлиный нос, пронизывающий взгляд» [Варгас Льоса 2012: 69].
6	“Era un hombre que había llegado a la flor de la edad, la cincuentena, y en su persona —frente ancha, nariz aguileña, mirada penetrante, rectitud y bondad en el espíritu” [Vargas Llosa 2016b: 130].	«Он был мужчиной в расцвете лет – ему исполнилось пятьдесят. Широкий лоб, орлиный нос, пронизывающий взгляд, доброжелательность и нравственная безупречность» [Варгас Льоса 2012: 115].
8	“Estaba en la flor de la edad, la cincuentena, y sus señas particulares —frente ancha, nariz aguileña, mirada penetrante, rectitud en el espíritu” [Vargas Llosa 2016b: 173].	«Он был в расцвете лет – широкий лоб, орлиный нос, пронизывающий взгляд, твердость духа» [Варгас Льоса 2012: 152]

³⁷ В главе 10 в этой роли выступает женщина – с середины романа привычные паттерны меняются, появляются первые признаки смешения разных историй, а в 18 главе происходит контаминация на уровне лексики (см. табл 3.5).

10	“Mujer superior y sin complejos, llegada a lo que la ciencia ha dado en considerar la edad ideal —la cincuentena—, la doctora Acémila —frente ancha, nariz aguileña, mirada penetrante, rectitud y bondad en el espíritu” [Vargas Llosa 2016b: 223].	«Женщина выдающаяся и без комплексов, она приблизилась к возрасту, который наука считает идеальным: ей было пятьдесят. Широкий лоб, орлиный нос, пронизывающий взгляд и доброжелательность» [Варгас Льоса 2012: 197].
12	“Pero la figura realmente conmovedora y tutelar de la Pensión Colonial es don Sebastián Bergua, anciano de frente ancha, nariz aguileña, mirada penetrante y rectitud y bondad en el espíritu” [Vargas Llosa 2016b: 261].	«Однако самой запоминающейся и вызывающей жалость фигурой в “Колониальном пансионе” был дон Себастьян Бергуа, старик с широким лбом, орлиным носом и пронизывающим взглядом, отличавшийся прямоотой и доброжелательностью» [Варгас Льоса 2012: 232].
14	“Llegó el Padre Seferino Huanca Leyva a la flor de la edad: los cincuenta años. Era un hombre de frente ancha, nariz aguileña, mirada penetrante y rectitud y bondad en el espíritu” [Vargas Llosa 2016b: 316]	«Падре Сеферино Уанка Лейва достиг возраста расцвета: ему исполнилось пятьдесят. Это был мужчина с широким лбом, орлиным носом, пронзительным взглядом, отличавшийся праведностью и добротой» [Варгас Льоса 2012: 283]
16	“Llegó Joaquín Hinostroza Bellmont a la flor de la edad: la cincuentena. Era un hombre de frente ancha, nariz aguileña, mirada penetrante, rectitud y bondad en el espíritu” [Vargas Llosa 2016b: 361]	«Хоакин Иностроса Бельмонт достиг возраста расцвета – пятидесяти лет. Это был мужчина с широким лбом, орлиным носом, пронизывающим взглядом, добропорядочный и доброжелательный» [Варгас Льоса 2012: 323]

18	“El acontecimiento, efeméride de efemérides en la Ciudad de los Virreyes, tuvo lugar el día en que Crisanto Maravillas llegaba a la flor de la edad: ¿la cincuentena? Era un hombre de frente penetrante, nariz ancha, mirada aguileña, rectitud y bondad en el espíritu, y de una apostura física que reproducía su belleza moral” [Vargas Llosa 2016b: 412].	«Важнейшее из важных событие Города Вице-королей состоялось в день, когда Крисанто Маравильяс был в расцвете лет (пятидесяти?). Это был человек со лбом мыслителя, широким носом, орлиным взглядом; его отличали праведность и доброжелательность, в его физическом облике отражалась духовная красота» [Варгас Льоса 2012: 367].
----	---	--

Обратим внимание, что в последней главе привычные штампы видоизменяются. Определение *ancha* ‘широкий’ в главе 18 соотносится не с *frente* ‘лоб’, а с *nariz* ‘нос’, *mirada* ‘взгляд’ – с определением *aguileña* ‘орлиный’, а не с *penetrante* ‘пронизывающий’. Подобное смешение позволяет не только добиться комического эффекта, но и показать распад манеры Камачо: абсурдизируются и смешиваются не только сюжеты и персонажи, но и стиль «писаки». «Разбиение» штампов, предпочитаемых клише (крайне устойчивых в повествовании) – своеобразная иллюстрация всеобщей абсурдизации глав Камачо, выраженная на языковом уровне.

Две параллельные части «Тетушки Хулии» четко дифференцируются количественными методами и на уровне распределения наиболее частотных слов, и на уровне тематически маркированной лексики. Роман «Тетушка Хулия и писака» является ключевым текстом для творчества Варгаса Льосы, поскольку в нем задаются два стилистических тренда, проявляющихся на более позднем этапе творчества: главы, написанные на автобиографическом материале, служат стилистическим прототипом легких романов; пародийные главы, в которых имитируются манера радиопьес и мыльных опер, – основа будущих документальных текстов. Это стилистическое разветвление напрямую сопряжено со временем написания романа – периода слома прежних литературных убеждений Варгаса Льосы, активного поиска метода.

Аналогичной процедуре был подвержен другой известный «двойной» роман Марио Варгаса Льосы – «Говорун» [Ковалев 2025a]. Для его композиции также характерно разделение на две части, имеет место своего рода композиционная амбивалентность: в первой части повествователь – alter-ego самого Варгаса Льосы. Это перуанский писатель, уехавший в Европу и живущий во Флоренции; он активно ведет телепередачи, сотрудничает с академическими учреждениями, рассуждает о специфике автохтонной перуанской культуры. Во второй части в качестве рассказчика выступает индеец племени мачигенга: эти главы представляют собой поток разнообразных историй (мифологических и бытовых) из жизни одного из коренных народов (мачигенга), проживающих в лесах Амазонии на территории современного Перу.

Обобщенно характеристики соответствующих глав можно представить в следующем виде (табл. 3.6):

Таблица 3.6

Главы романа «Говорун»

Глава	Кол-во словоупотреблений	Повествователь
Глава 1	1 099	Европейский
Глава 2	8 283	Европейский
Глава 3	10 003	Перуанский
Глава 4	11 299	Европейский
Глава 5	10 805	Перуанский
Глава 6	12 709	Европейский
Глава 7	13 314	Перуанский
Глава 8	3 320	Европейский
Итого	70 832	

Мы вновь провели 9 опытов на частотном словаре от 200 до 1000 mfw. Сначала европейская (Hablador_Parte 1) и перуанская (Hablador_Parte 2) части были загружены в основной исследовательский корпус (рис. 3.9).

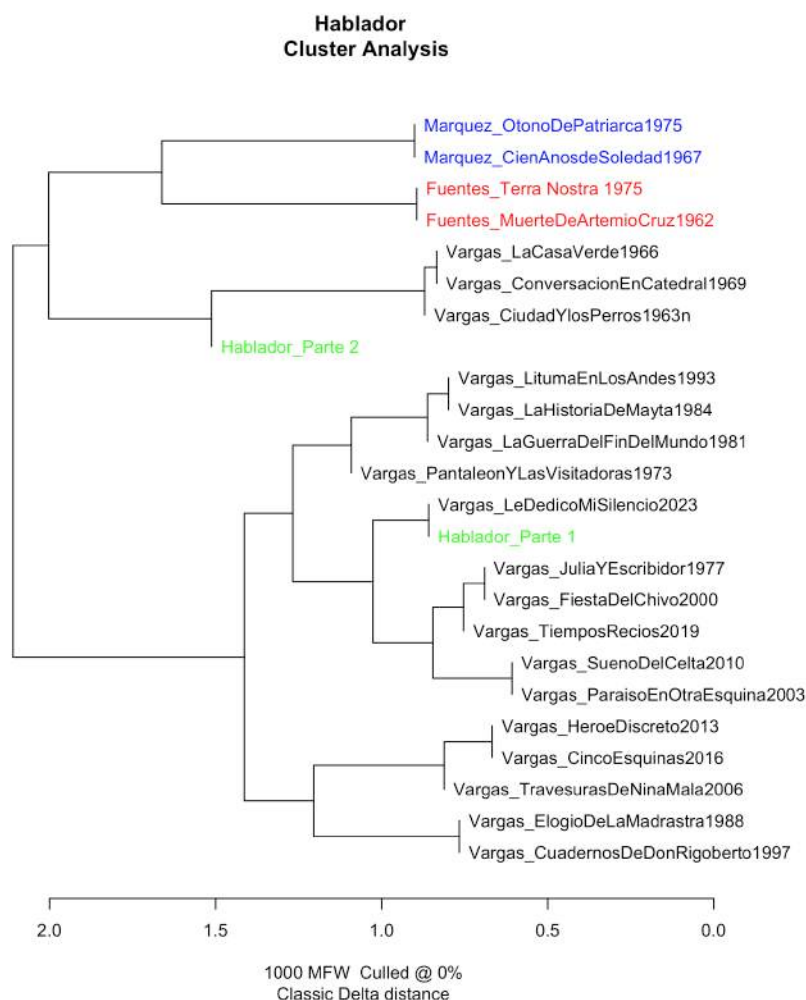

Рисунок 3.9. Кластеризация двух частей романа «Говорун». 200 mfw

В результате каждого замера первая часть была отнесена к классу документальных романов, что нельзя не признать резонным в силу автобиографической природы этих глав. Примечательно, что ближе всего к европейской части «Говоруна» – роман «Посвящаю Вам свое молчание», также посвященный осмыслению перуанской самобытности. Подобного рода рефлексия выступает объединяющим фактором для двух романов.

Перуанская часть характеризуется как более стилистически близкая классу тотальных романов. Тексты сближает манера повествования, техника «монологизованного диалога».

Delta также дифференцирует и конкретные главы, принадлежащие разным частям, на частотных словарях всех объемов (рис. 3.10). Отметим при этом, что

«рамочные» главы 1 и 8 при опыте на 1000 mfw кластеризуются в отдельную подветвь европейских глав.

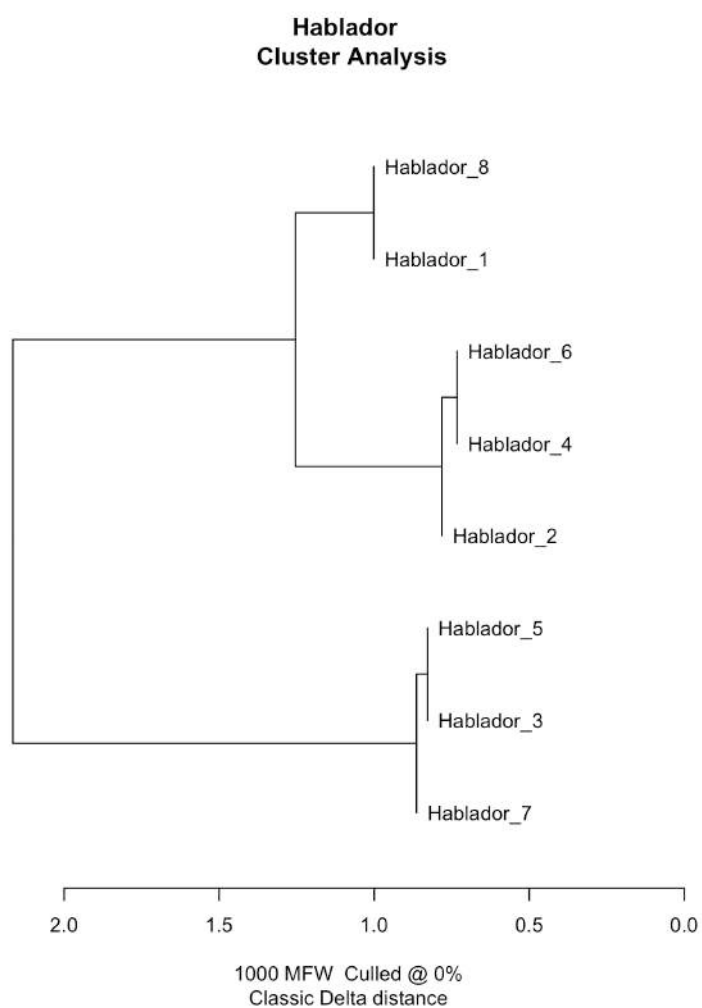

Рисунок 3.10. Кластеризация глав романа «Говорун». 1000 mfw

Наконец при помощи меры Zeta мы выделили дифференцирующую лексику исследуемых частей (рис. 3.11, табл. 3.7).

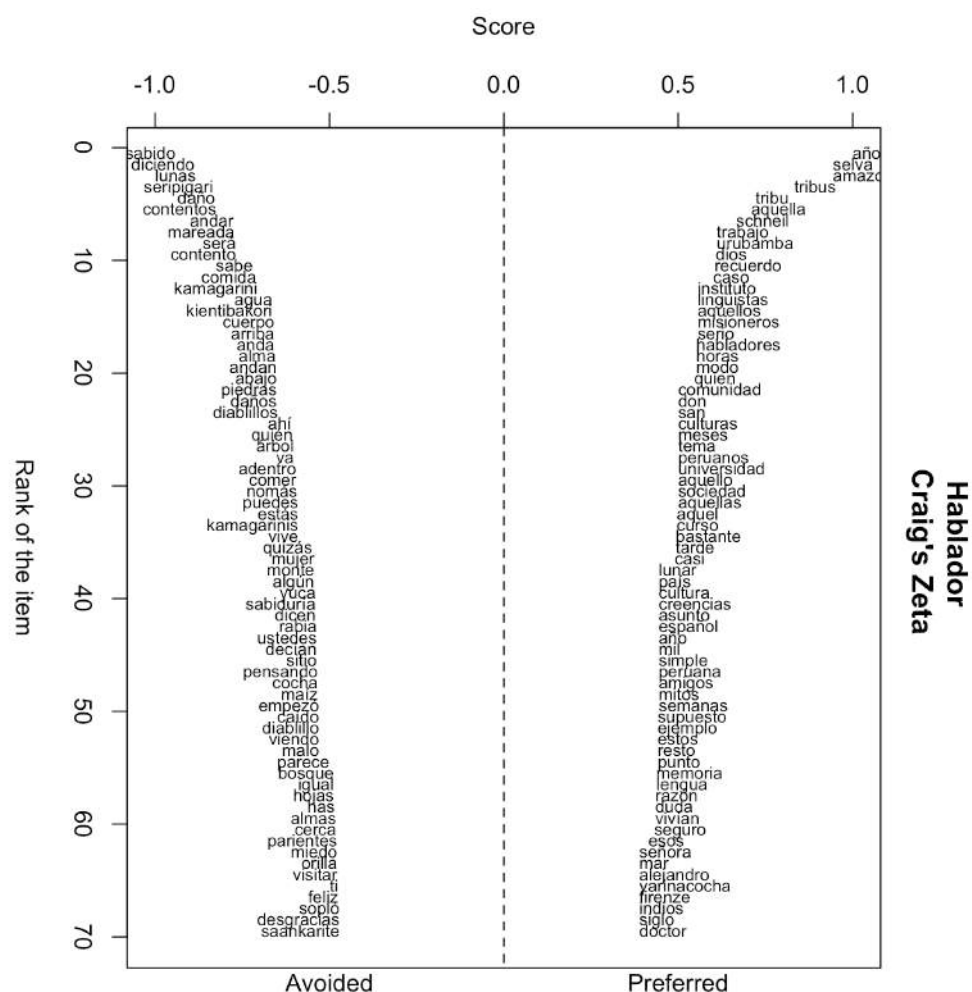

Рисунок 3.11. Дифференцирующая лексика для глав романа «Говорун»

Таблица 3.7

Дифференцирующая лексика для глав романа «Говорун» (50 словоформ)

Перуанская часть	Европейская часть
sabido, diciendo, lunas, seripigari, daño, contentos, andar, mareada, será, contento, sabe, comida, kamagarini, agua, kientibakori, cuerpo, arriba, anda, alma, andan, abajo, piedras, daños, diablillos, ahí, quién, árbol, va, adentro, comer, nomás, puedes, estás, kamagarinis, vive, quizás, mujer, monte, algún, yuca, sabiduría, dicen, rabia, ustedes, decían, sitio, pensando, cocha, maíz, empezó.	años, selva, amazonía, tribus, tribu, aquella, schneil, trabajo, urubamba, dios, recuerdo, caso, instituto, lingüistas, aquellos, misioneros, serio, habladores, horas, modo, quien, comunidad, don, san, culturas, meses, tema, peruanos, universidad, aquello, sociedad, aquellas, aquel, curso, bastante, tarde, casi, lunar, país, cultura, creencias, asunto, español, año, mil, simple, peruana, amigos, mitos, semanas.

Предпочитаемой для перуанских глав (левая часть рис. 3.11) становится, в первую очередь, лексика языка мачигенга: *seripigari* ‘шаман’, *saankarite* ‘добрые духи, невидимые божества-помощники’, *kamagarini(s)* ‘демон(ы)’ и связанные с ними *diabillo(s)* ‘бесенок, бесята’, *kientibakori* ‘бог зла’, *tasurinchi* ‘бог, мудрец’ и связанное с ним слово *sabiduría* ‘мудрость’. А также сопряженные с этим пластом лексики *alma* ‘душа’, *lunas* ‘луны’. Обратим внимание, что в европейской части (на контрасте с перуанской) в качестве дифференцирующего выделяется слово *dios* ‘бог’ (Zeta-оценки дифференцирующей лексики романа «Говорун» располагаются в Приложении 4, табл. 4.2).

Кроме того, обращает на себя внимание лексика, используемая повествователем в качестве опоры для организации речи: *sabido* ‘известно’, *será* ‘должно быть’, *quizás* ‘возможно’, *quien* ‘кто’, *sabe* ‘знает’ (используются вместе в сочетании *quién sabe* – ‘кто знает’), *parece* ‘кажется’. К примеру, типичный фрагмент с использованием некоторых перечисленных средств: “Los que se iban así volvían o morían? **Quién sabe**. Morirían **quizá**. Su espíritu se iría a dar más furia y más fuerza a sus robadores, tal vez. **Quién sabe** cuántos no habrán muerto” [Vargas Llosa 2021a: 43]. Наиболее характерной фразой, используемой для выражения некоторой неуверенности в описываемых событиях также служит “Eso es, al menos, lo que yo he **sabido**” – «По крайней мере, это все, что мне известно».

С грамматической точки зрения представляют интерес герундиальные формы *diciendo* ‘решая’, *pensando* ‘думая’, к которым прибегает рассказчик, указывая на реплику персонажей его историй: “‘Es una de nuestras mujeres’, pensarán. ‘Se ha escapado de Kashiri’, **diciendo**”, “‘Cuántas lunas faltarán todavía para encontrar al primer hombre que anda’, **pensando**” [Vargas Llosa 2021a]. Такое употребление герундия (без глагола *estar*, стандартного для построения конструкций с герундием, служащих для описания некоторого действия в развитии) не является нормативным для испанского языка и здесь выступает как маркер устной речи рассказчика.

Выделяются также слова для описания окружающей среды: *monte* ‘гора’, *agua* ‘вода’, *orillas* ‘берега (ручья, реки)’, *hojas* ‘листья’, *árbol* ‘дерево’, *bosque*

‘лес’; и пространственные указания: *arriba* ‘сверху, наверх’, *adentro* ‘внутри’, *abajo* ‘внизу’.

Дифференцирующая лексика для европейских глав прежде всего связана с городом, академической средой: *instituto* ‘институт’, *universidad* ‘университет’, *comunidad* ‘сообщество’, *misioneros* ‘миссионеры’, *doctor* ‘доктор’, *don* ‘дон, господин’, *sociedad* ‘общество’, *lingüistas* ‘лингвисты’; а также с внешними обозначениями автохтонной перуанской культуры со стороны европейцев: *indios* ‘индейцы’, *tribu(s)* ‘племя/племена’, *habladores* ‘говоруны’, *peruanos* ‘перуанцы’.

Обращает на себя внимание темпоральная лексика: *año(s)* ‘год(ы)’, *meses* ‘месяцы’, *semanas* ‘недели’, *recuerdo* ‘воспоминание; я помню’, *horas* ‘часы’. В списке 75 дифференцирующих слов встречается и *siglo* ‘век’. Настоящая особенность напрямую связана со спецификой повествования: рассказчик вспоминает о своем прошлом в Перу, о своем друге Сауле Суратасе, любовь и интерес которого к индейцам мачигенга приводят к тому, что он сам становится «говоруном»-сказителем.

Две параллельные части безошибочно фиксируются методом Delta. Тем самым доказывается, что Delta не только является достаточно точным инструментом для выявления стилей разных авторов, но и может служить для анализа вариативности стиля одного писателя в пределах конкретного романа на главах малого объема. Кроме того, при помощи меры Zeta устанавливается характерная лексика каждой части; при этом результаты не являются контринтуитивными и совпадают с содержательным разделением соответствующих глав.

3.3. Лексико-грамматические различия классов романов Марио Варгаса Льосы

Итак, на предыдущем этапе мы определили 4 устойчивые класса романов Варгаса Льосы. На следующем этапе было решено выявить при помощи меры Zeta лексическую разницу между классами. Цель на этом этапе: установить

дифференцирующую лексику для каждого класса текстов при контрастивном сравнении с совокупностью других классов и на этой основе осуществить лексико-грамматическую портретизацию каждого класса.

Романам были присвоены функциональные наименования в соответствии с классом, в который они кластеризовались посредством Delta Берроуза в рамках основного опыта: V1, V2, V3 и V4 (таблица 3.8). Более подробные данные пакета Stylo для этих опытов располагаются в хранилище: <https://disk.yandex.ru/d/RG0mZqGSvmtSlg>.

Таблица 3.8

Состав корпуса

Наим- ние	Класс	Романы	Объем
V1	Ω (Тотальные романы)	«Город и псы», «Зеленый дом», «Разговор в Соборе».	462 174
V2	Ω (Пессимистические романы)	«Война конца света», «История Майты», «Говорун», «Литума в Андах», «Капитан Панталеон и Рота добрых услуг».	565 066
V3	Ω (Документальные романы)	«Тетушка Хулия и писака», «Праздник Козла», «Суровые времена», «Рай на другом углу», «Сон кельта», «Посвящаю свое молчание».	700 946
V4	Ω (Эротические романы)	«Похвальное слово мачехе», «Тетради дона Ригоберто», «Похождения скверной девчонки», «Скромный герой», «Пять углов».	424 861
Итого			2 153 047

Количество итераций обусловлено количеством классов: чтобы выявить «лексический профиль» каждой, мы по очереди помещали в обучающий корпус

романы одного класса, а в проверочный – все остальные тексты³⁸. Таким образом, было проведено четыре итерации. Длина фрагментов, на которые был разделен корпус текстов, составила 3000 токенов.

(1) Ω (Тотальные романы) vs Ω (Пессимистические романы),
 Ω (Документальные романы), Ω (Эротические романы) (рис. 3.12).

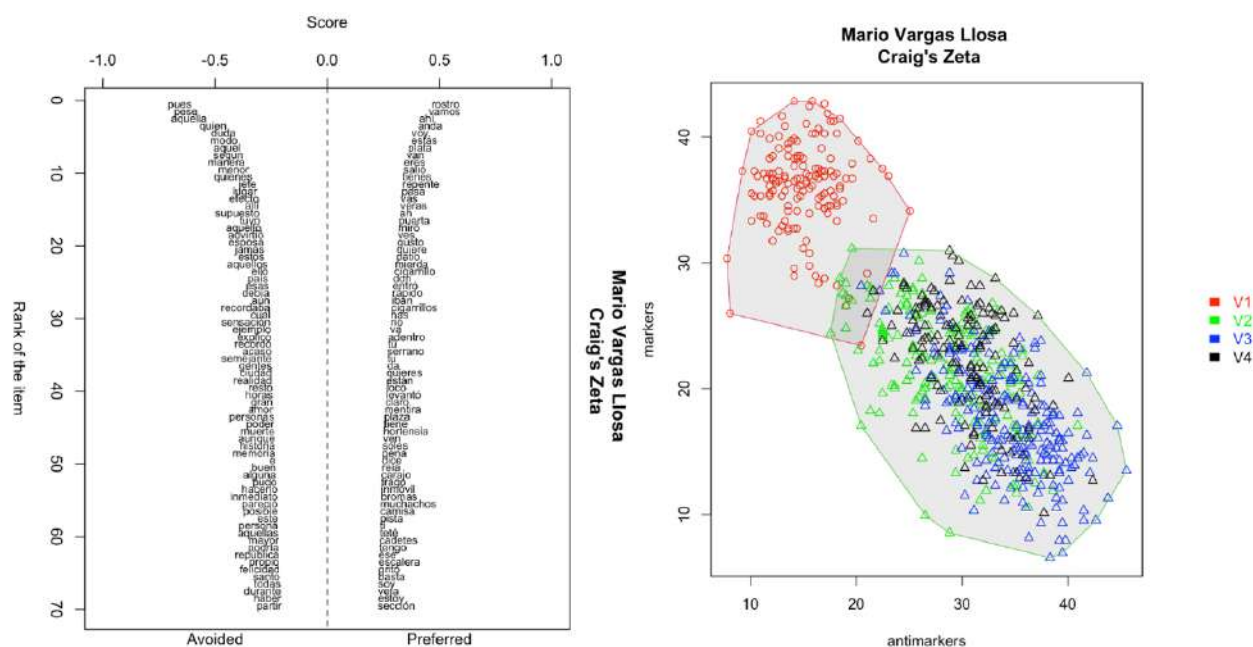

Рисунок 3.12. Результаты контрастивного анализа лексики в классах романов Варгаса Льосы.

Ω (Тотальные романы) vs Ω (Пессимистические романы), Ω (Документальные романы),
 Ω (Эротические романы)

По контрасту с другими классами для Ω (Тотальные романы) (V1) характерны второличные формы глаголов *eres* ‘ты являешься’, *estás* ‘ты находишься’, *tienes* ‘ты имеешь’, *veras* ‘ты увидишь’, *vas* ‘ты идешь’, *ves* ‘ты видишь’, *quieres* ‘ты хочешь’ и др., при этом для претерита и имперфекта характерно третье лицо – *salió* ‘он вышел / она вышла’, *miró* ‘он посмотрел / она посмотрела’, *levantó* ‘он поднялся / она поднялась’, *veía* ‘он видел / она видела’, *entró* ‘он вошел / она вошла’, *rió* ‘он засмеялся / она засмеялась’, *quería* ‘он хотел / она хотела’. Второличность проявляется и на уровне местоимений: *tú*, *tu*, *ti*, *te*. Она может быть объяснена обилием разного рода диалогов между персонажами, а также

³⁸ Списки из 100 дифференцирующих словоупотреблений для каждой пары с Zeta-оценками представлены в Приложении 5, табл. 5.1–5.4.

обращениям к самим себе (такова, к примеру, линия Ансельмо в «Зеленом доме», построенная как диалог с умершей возлюбленной, обращения героя по имени Питон к собаке Худолайке в «Городе и псах», размышления Савалиты в «Разговоре в Соборе»).

Дифференцирующими оказываются нейтральные слова: *rostro* ‘лицо’, *don* ‘господин’, *plata* ‘серебро / деньги’, *cama* ‘кровать’, *patio* ‘двор’, *plaza* ‘площадь’, *camisa* ‘рубашка’, *cine* ‘кино’, *cigarrillos* ‘сигареты’, среди которых выделяются экспрессивные *mierda*, *carajo* и междометие *ah*.

Слово *don* особенно частотно в романах «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе», где фигурируют высокопоставленные чиновники дон Хулио Реатеги, дон Фермин и т.д., тем самым маркируется подчеркнуто вежливое обращение. При помощи дифференцирующего слова *rostro* Варгас Льоса (особенно в «Городе и псах» (135 вхождений; 0,106% от всех словоупотреблений в предобработанном тексте) и в «Зеленом доме» (112 вхождений; 0,084%)) описываются портреты персонажей: “El rostro del cadete ‘Лицо кадета’, “Su rostro, por lo común impenetrable, parecía fatigado” “На лице его, обычно непроницаемом, читалась усталость” [Vargas Llosa 2012], “El gobernador miró a y su rostro asumió un aire severo y dolido” ‘Губернатор взглянул на него, и лицо его приняло суровое и болезненное выражение’ [Vargas Llosa 1983] и т.д. В «Разговоре в Соборе» доля значительно сокращается: 22 вхождения; 0,011%, что говорит о предпочтении других средств для описания персонажей.

Обращает на себя внимание слово *anda*, которое в романах этого класса регулярно используется и как глагол в 3 л. ед. ч. наст. вр. (“Nunca anda solo, el Joven y el Bolas tienen que llevarlo del brazo” ‘Он никогда не ходит один, Молодой и Тяжеловес должны вести его за руку’) и как междометие: “Anda, sube” ‘Давай, поднимайся’. Аналогично – *vamos*, использующееся и как глагол в базовом значении движения (“Te das cuenta adónde vamos” ‘Ты отдаешь себе отчет, куда мы идем’), и как междометие, и как часть грамматикализованной конструкции *ir a + inf.*, выражающей будущее время (“Vamos a morirnos de hambre” ‘Мы умрем от голода’). Противопоставление наблюдается по линии демонстративов: в

Ω (Тотальные романы) используются *ahí* ‘здесь’, а не *allí* ‘там’ и совсем не используются частотные для других классов демонстративы *aquella* ‘та’, *aquel* ‘тот’, *esas* ‘ЭТИ_{Fem}’, *estos* ‘ЭТИ_{Masc}’, *este* ‘ЭТОТ’.

Наиболее нехарактерными словами для этой группы оказываются *pues* ‘поэтому / ну’, *pese* ‘несмотря на’, *quien* ‘кто’, *duda* ‘сомнение’ или ‘он сомневается’, *según* ‘согласно’. Примечательно, что для Ω (Тотальные романы) несвойственна лексика, выражающая позитивные эмоции: *amor* ‘любовь’, *felicidad* ‘счастье’, не характерны и степени сравнения некоторых прилагательных: *menor* ‘меньший / младший’, *mayor* ‘большой / старший’, политическая лексика: *república* ‘республика’, *poder* ‘власть’, *país* ‘страна’, а также такие слова, как *memoria* ‘память’, *muerte* ‘смерть’ и *realidad* ‘реальность’, что особенно любопытно в свете радикально реалистических воззрений Варгаса Льосы тех лет.

Можно говорить о том, что на раннем этапе творчества Варгас Льоса предпочитает нейтральную лексику, способствующую имперсонализации и тотализации, с редкими, но яркими экспрессивными лексемами.

(2) Ω (Пессимистические романы) vs Ω (Тотальные романы), Ω (Документальные романы), Ω (Эротические романы) (рис. 3.13).

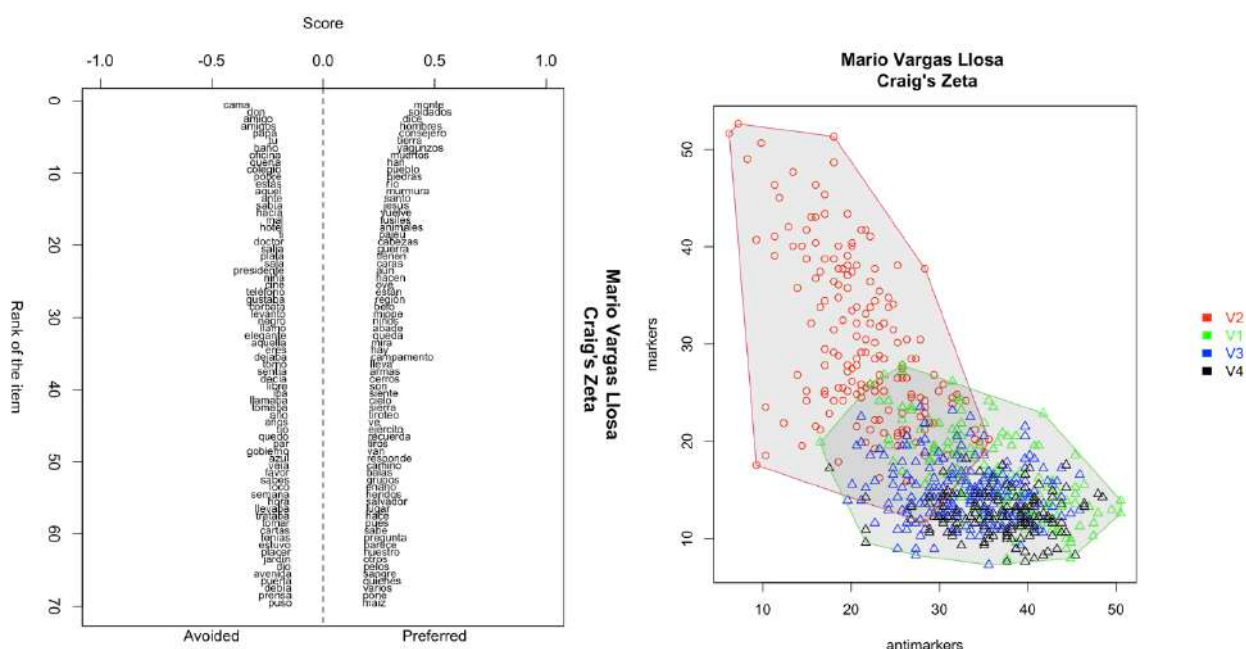

Рисунок 3.13. Результаты контрастивного анализа лексики в классах романов Варгаса Льосы.

Ω (Пессимистические романы) vs Ω (Тотальные романы), Ω (Документальные романы),
Ω (Эротические романы)

В классе Ω (Пессимистические романы) (V2) доминирует лексика из ключевого «иноземного» романа этого класса – «Война конца света». *Consejero* ‘наставник, советник’ – прозвище главного героя Антониу Наставника, *jefe* ‘шеф, начальник’ – обращение к начальнику, *república* ‘республика’, *santos* ‘святые’, *iglesia* ‘церковь’, *abade* ‘аббат, священник’, *Jesús* ‘Иисус’, *Salvador* ‘Спаситель’, *cielo* ‘небо’ – также атрибуты «Войны конца света», где описывается религиозная секта, борющаяся против Бразильской республики.

В перечне также фигурирует военная лексика: *guerra* ‘война’, *ejército* ‘армия’, *soldados* ‘солдаты’, *fusiles* ‘ружья’, *armas* ‘оружие’, *fuerzas* ‘силы’, *campamento* ‘лагерь’, *guardia* ‘гвардеец / гвардия’, *balas* ‘снаряды’, *tiros* ‘выстрелы’, *alférez* ‘прапорщик’, *tiroteo* ‘перестрелка»; революционная лексика: *revolucionario* ‘революционный’ (обусловлено наличием романа «История Майты» о готовящейся революции) и примыкающие к ним *sangre* ‘кровь’, *muertos* ‘мертвые’, *heridos* ‘раненые’. Кроме того, в отдельную группу выделяется «почвенная» лексика: *monte* ‘гора’, *tierra* ‘земля’, *piedras* ‘камни’, *maíz* ‘маис»; варианты выражения собрания или поселения людей: *hombres* ‘мужчины’, *pueblo* ‘деревня / народ’, *gentes*³⁹ ‘люди’, *grupos* ‘группы’ и связанное с ними *caras* ‘лица’. Отсюда – обилие глаголов в 3 л. мн. ч. наст. вр.: *están* ‘находятся’, *han* (от *haber* ‘иметь’ – служит для образования форм в Pretérito Perfecto Compuesto), *van* ‘идут’, *tienen* ‘имеют’, *hacen* ‘делают’. Вторая распространенная группа глаголов – 3 л. ед. ч. наст. вр.: *dice* ‘говорит’, *vuelve* ‘поворачивает, возвращает’, *oye* ‘слышит’, *lleva* ‘несет, ведет’, *ve* ‘видит’, *hace* ‘делает’, *siente* ‘чувствует’ – основное грамматическое время этого класса – настоящее.

«Избегаются» же глаголы в претерите и имперфекте (*iba* ‘я шел / он шел / она шла’, *veía* ‘я глядел / он(а) глядел(а)’, *salía* ‘я выходил / он(а) выходил(а)’, *dejaba* ‘я оставлял / он(а) оставлял(а)’, *decía* ‘я говорил / он(а) говорил(а)’, *tomó* ‘я взял / он(а) взял(а)’, *daba* ‘я давал / он(а) давал(а)’, *llamaba* ‘я звал / он(а) звал(а)’ и т.д.),

³⁹ Для кастильского варианта испанского языка допустимо использование множественной формы *gentes* лишь в значении ‘племена’ и ‘народы’ [DRAE 2024]. Употребление *gentes* как собирательного существительного (‘люди’) – примета латиноамериканских вариантов.

вторичные формы глаголов и местоимений (*estás, tú, ti, eres*). Отсутствует «городская» лексика, вокабуляр, описывающий приметы благоустроенной городской жизни: *baño* ‘ванная’, *doctor* ‘врач’, *cine* ‘кино’, *corbata* ‘галстук’, *universidad* ‘университет’, *hotel* ‘отель’, *teléfono* ‘телефон’, *avenida* ‘проспект»; слова, описывающие позитивные межличностные взаимоотношения, семью: *amigo* ‘друг’, *amigos* ‘друзья’, *esposa* ‘супруга’, *familia* ‘семья’, *tío* ‘дядя’. Избегаются оценочные прилагательные *bueno* ‘хороший’ и *malo* ‘плохой’. Наконец, символично, что характерным словом для Ω (Пессимистические романы) является *muertos* ‘мертвые’, а несвойственным – *vivir* ‘жить’.

Таким образом, можно говорить о насильственном инварианте, свойственном пессимистическим текстам.

(3) Ω (Документальные романы) vs Ω (Тотальные романы), Ω (Пессимистические романы), Ω (Эротические романы) (рис. 3.14).

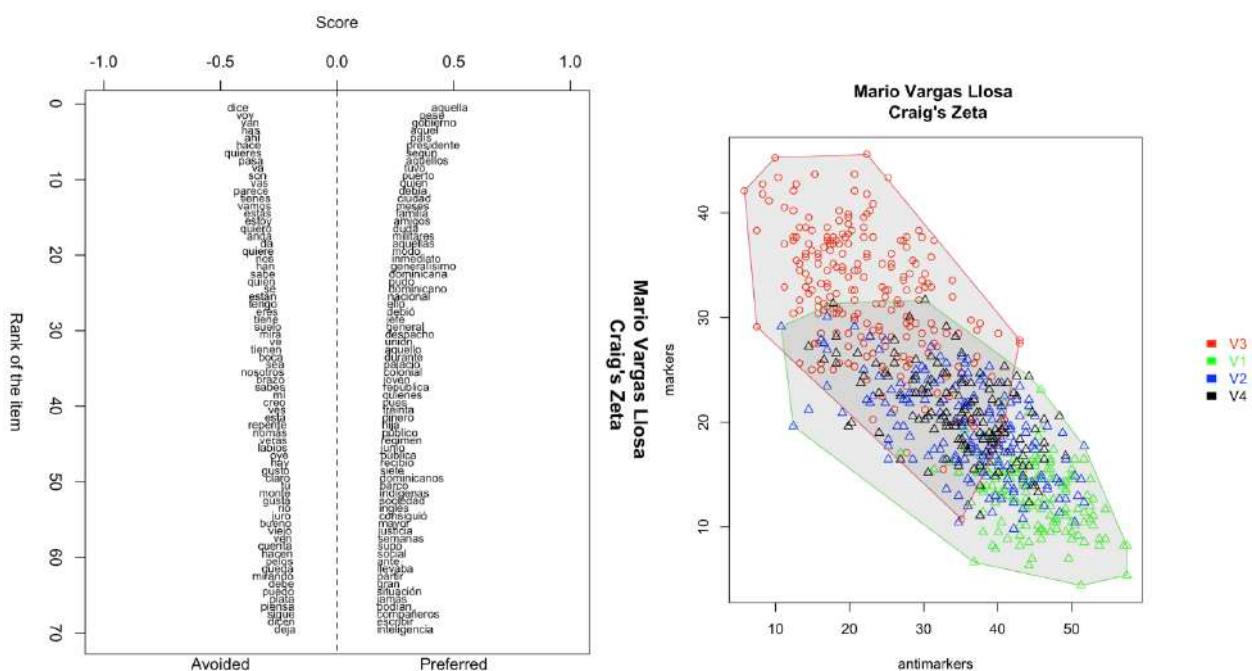

Рисунок 3.14. Результаты контрастивного анализа лексики в классах романов Варгаса Льосы. Ω (Документальные романы) vs Ω (Тотальные романы), Ω (Пессимистические романы), Ω (Эротические романы)

Для Ω (Документальные романы) (V3), в который входят романы документальные и написанные на историческом материале, характерна социально-политическая лексика: *país* ‘страна’, *gobierno* ‘правительство’, *presidente*

‘президент’, *unión* ‘союз’, *régimen* ‘режим’, *sociedad* ‘общество’, *nacional* ‘национальный’, *público* ‘общественный’, *colonial* ‘колониальный’, *social* ‘социальный’, *capital* ‘столица’, *justicia* ‘суд’; а также политически-бытовая: *dinero* ‘деньги’, *despacho* ‘кабинет’, *mesas* ‘столы’, и крепко связанная с ней военная лексика (поскольку в текстах, принадлежащих к этому классу, речь нередко идет о диктаторах): *militares* ‘военные’, *generalísimo* ‘генералиссимус’ (титул Трухильо, о котором повествуется в двух романах из этого класса), *jefe* ‘шеф’, *general* ‘генерал, но также и общий, повсеместный’, что сближает этот класс с Ω (Пессимистические романы). Как и в предыдущем классе, значительную роль играет описание масс: *muchos* ‘многие’, *gentes* ‘народ’, *personas* ‘люди’, *indígenas* ‘индейцы’.

При этом именно в Ω (Документальные романы) частотны демонстративы *aquella* ‘та’, *aquel* ‘тот’, *aquellos* ‘те_{Мас}’, союзное слово *pese* ‘несмотря на’ и местоимение *quien* ‘кто’, столь несвойственные тотальным романам. Сюжет двух романов, связанных с событиями в Доминиканской республике, предопределил и наличие в перечне прилагательных *dominicano*, *dominicana*. С грамматической точки зрения, преобладают глаголы в 3 л. ед. ч. в претерите и имперфекте: *debió* ‘он был должен / она была должна’, *pudo* ‘он смог / она смогла’, *recibió* ‘он получил / она получила’, *consiguió* ‘он добился / она добилась’. Термины родства (*familia*, *hija*) и межличностных отношений (*amigos*) присутствуют.

«Избегаются» же прежде всего глаголы настоящего времени во всех лицах: *dice* ‘говорит’, *voy* ‘иду’, *van* ‘идут’, *va* ‘идет’, *quieres* ‘хочешь’, *hace* ‘делает’, *parece* ‘кажется, похож’, *pasa* ‘происходит’, *son* ‘суть’, *vas* ‘идешь’, *estás* ‘находишься’, *tiene* ‘имеешь’, *quiero* ‘хочу’, *sé* ‘знаю’, *estoy* ‘нахожусь’ и т.д. Из 70 наиболее избегаемых слов в списке свыше 40 – глаголы. Кроме того, в текстах этого класса почти не представлены оценочное прилагательное *bueno* ‘хороший / добрый’, различные формы местоимений: *nos*, *nosotros*, *me*, *mí*, *tú*, и демонстратив *ahí*, характерный для тотальных романов. Примечательно, что в Ω (Документальные романы) избегается прилагательное *viejo* ‘старый’, но частотно *joven* ‘молодой’, а при обилии разных военных чинов и должностей (для

латиноамериканской картины мира – априори мужских атрибутов) крайне редко употребляется слово *señora* ‘госпожа’.

Основная тенденция этого класса: использование военно-политической лексики, при этом предпочитаемая форма глагола: 3 л. ед. ч.

(4) Ω (Эротические романы) vs Ω (Тотальные романы), Ω (Пессимистические романы), Ω (Документальные романы) (рис. 3.15).

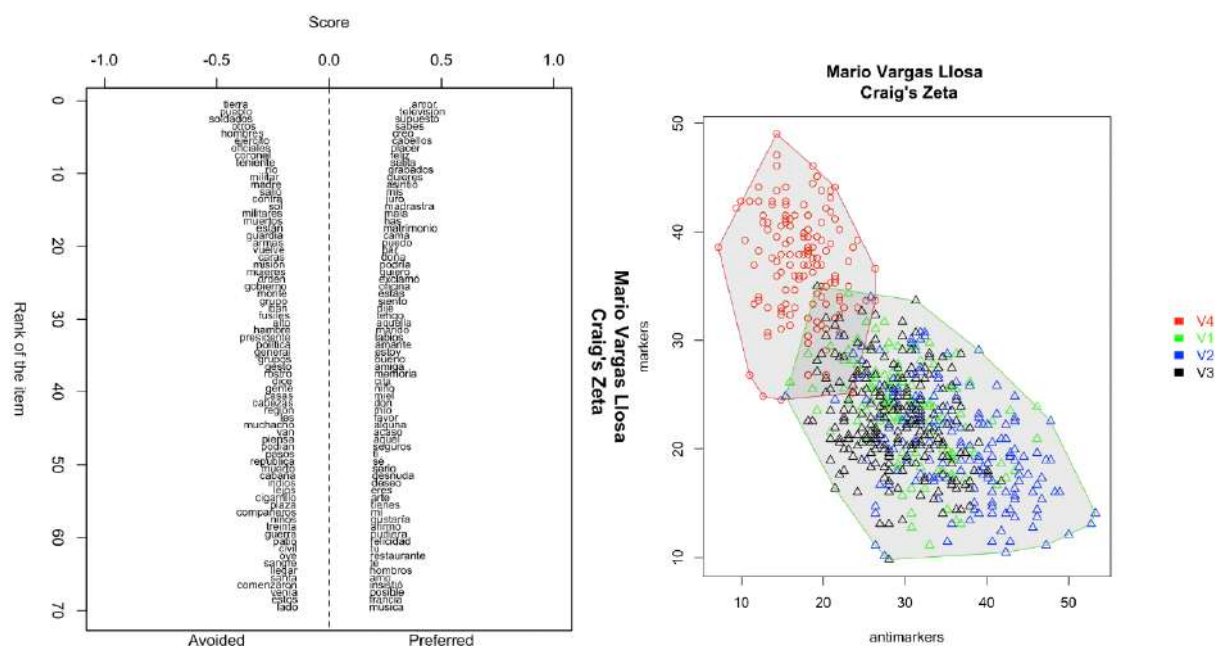

Рисунок 3.15. Результаты контрастивного анализа лексики в классах романов Варгаса Льосы.

Ω (Эротические романы) vs Ω (Тотальные романы), Ω (Пессимистические романы),
Ω (Документальные романы)

В Ω (Эротические романы) (V4) входят романы, посвященные любовным взаимоотношениям с долей эротического элемента, что наглядно подтверждается на уровне лексики: *amor* ‘любовь’ – наиболее характерное слово этого класса, также частотны *placer* ‘удовольствие’, *feliz* ‘счастливый’, *quiero* ‘хочу’, *quieres* ‘хочешь’ (служащие для выражения признания в любви или влечения, ср. *te quiero* ‘ты мне нравишься’), *deseo* ‘желание / желаю’, *siento* ‘чувствую’, *matrimonio* ‘брак’, *doña* ‘донья’, *amiga* ‘подруга’, *marido* ‘муж’, *amante* ‘любовник / любовница’, *amiga* ‘подруга’, *favor* ‘услуга’, ‘любезность’, но чаще как составная часть *por favor* ‘пожалуйста’, *felicidad* ‘счастье’, *cama* ‘кровать’, *desnuda* ‘обнаженная’, *miel* ‘мед’,

dormitorio ‘спальня’, *cita* ‘свидание’, *amo* ‘люблю’, а также части тела: *cabello* ‘волосы’, *labios* ‘губы’, *hombros* ‘плечи’, *pechos* ‘грудь’. Представлены и атрибуты городской жизни: *televisión* ‘телевизор’, *restaurante* ‘ресторан’, *oficina* ‘офис / контора / мастерская’, *grabados* ‘рисунки»; оценочные прилагательные: *bueno* ‘хороший / добрый’, но *mala* ‘плохая / злая’ (противопоставление по роду).

Глагольная специфика определяется использованием форм 1 и 2 л. в настоящем времени: *creo* ‘считаю, думаю’, *sabes* ‘знаешь’, *juro* ‘клянусь’, *estoy* ‘нахожусь’, *estás* ‘находишься’, *tengo* ‘имею’ и проч., но при этом в плане прошедшего – 3 л.: *asintió* ‘он кивнул / она кивнула’, *exclamó* ‘он воскликнул / она воскликнула’, *afirmó* ‘он заявил / она заявила’, *insistió* ‘он настоял / она настояла’ и проч., кроме *dije* ‘я сказал’. Также любопытно, что выделяется кондиционал: *podría* ‘я / он мог бы’, *gustaría* ‘мне бы / ему бы понравилось’ и субхунтив, могущий выполнять те же функции: *pudiera*. При этом анализ контекстов, в которых употребляются *pudiera* и *podría* показал, что *pudiera* в основном выражает третье лицо: “Antes de que ella pudiera apartarse” ‘Прежде чем она смогла уйти’, “Nada que pudiera parecer retrospectivo” ‘Ничего, что могло бы показаться ретроспективным’, “Nadie pudiera fregarle más la paciencia” ‘Никто больше не мог ее побеспокоить’, “La niña mala pudiera disimular” ‘Плохая девчонка могла спрятаться’ [Vargas Llosa 2006], а *podría* – как первое, так и третье: “Nadie podría mirar en la realidad” ‘Никто не сможет взглянуть в глаза реальности’ “Todo lo que yo podría hacer” ‘Все, что я мог бы сделать’ [Vargas Llosa 1997], “Yo podría sugerirle” ‘Я могла бы предложить’, “Alberta podría comprarme un pisito” ‘Альберта могла бы купить квартиру’ [Vargas Llosa 2006].

Частотны местоимения в форме первого и второго лица: *mis*, *tu*, *tí*, *te*, *mí*, а также частица *se*, которая оказывается особенно характерной для романов «Тетради дона Ригоберто» и «Похвальное слово мачехе» во всем своем функциональном многообразии. *Se* используется как возвратное местоимение: “Se desnudó” ‘он разделся’; и для выражения медиального залога: “El niño se levantó de un salto” ‘Ребенок поднялся одним прыжком’; и для выражения пассивного залога: “Cuando la puerta de la calle se cerró” ‘Когда дверь на улицу закрылась’ [Vargas Llosa

1997]; и в функции *se morfémico* с глаголами, которые не используются без *se*: “Se atreve a venir a esta casa” ‘Он осмеливается приходить в этот дом’, “Comprendió que la ansiedad se apoderaba de su cuerpo muy deprisa” ‘Он понял, что тревога очень быстро овладела его телом’, “La señora no se atrevía a mirar a los ojos” ‘Сеньора не осмеливалась смотреть в глаза’, “Se quejó él” ‘Пожаловался он’ [Vargas Llosa 1988; 1997] и проч.

В среднем, чрезвычайно употребительный во всяком испанском тексте *se* оказывается наиболее частотным для группы любовных романов и становится одним из ее дифференцирующих лексико-грамматических признаков. Важна и сама форма изменяемой по лицам частицы *se* – так еще раз подчеркивается общая третьеличность Ω (Эротические романы).

Внимание привлекает и лексема *supuesto*, используемая в романах как составная часть наречного выражения *por supuesto* ‘конечно’, часто фигурирующего в речи героев: “Muy excitantes esos jueguecitos, por supuesto” ‘Эти маленькие игры, конечно, очень увлекательны’ [Vargas Llosa 2006], “Saber que otros están peor es un gran consuelo, por supuesto” ‘Знать, что другие еще хуже – конечно, великое утешение’ [Vargas Llosa 1997], “Ni un solo centavo, por supuesto que no” ‘Ни одного сентаво, разумеется, ни одного’ [Vargas Llosa 2013].

Весьма симптоматично, что избегается при этом военная и социально-политическая лексика, предпочитаемая в Ω (Пессимистические романы) и Ω (Документальные романы). Личное, индивидуальное противопоставляется общему групповому на уровне как лексики, так и грамматики (для класса Ω (Эротические романы) не характерно использование глаголов во множественном числе и существительных *grupos, soldados, gentes, personas* и проч.). Характерно, что при парном сравнении у Ω (Эротические романы) и Ω (Пессимистические романы) нет точек пересечения. Так пессимистические тексты оказываются противопоставлены эротическим, любовным романам на лексическом уровне (рис. 3.16).

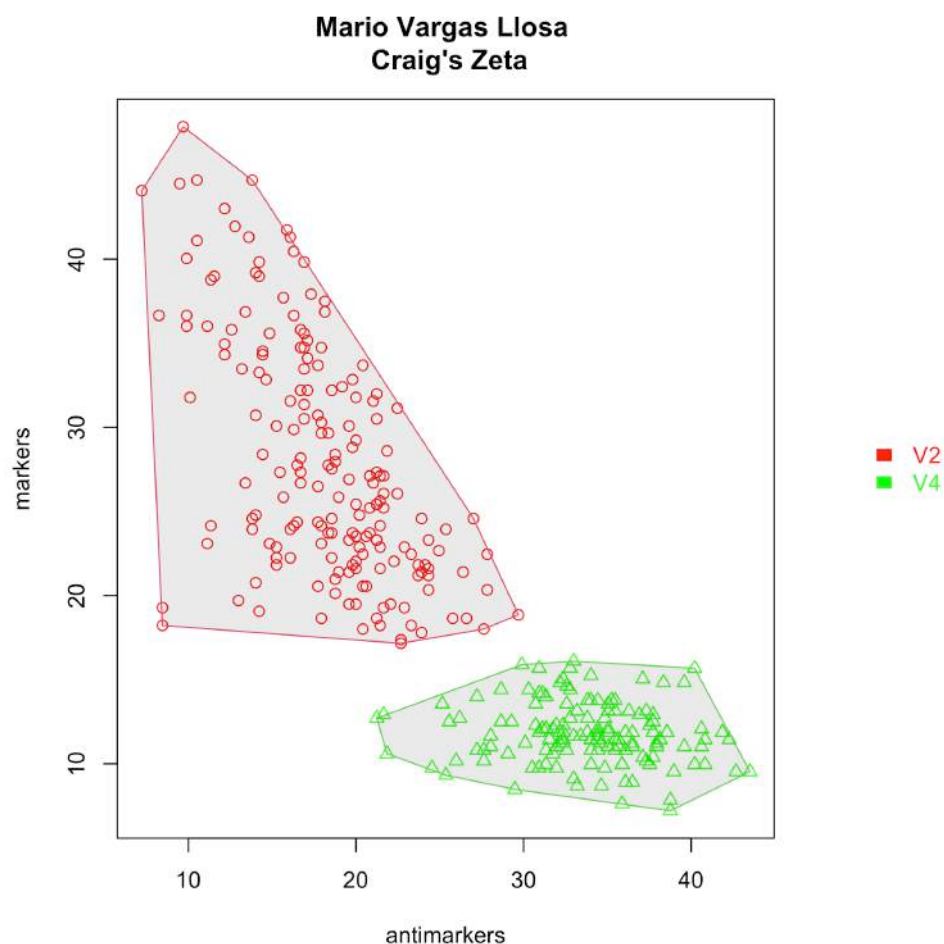

Рисунок 3.16. Результаты контрастивного анализа для классов Ω (Пессимистические романы) и Ω (Эротические романы)

Основной тенденцией для этого класса оказывается использование любовной, телесной и городской лексики, а также перво- или второличность глаголов в настоящем времени и сингулярная третьеличность в плане прошедшего.

Итак, в результате анализа на основе меры Zeta мы выявили основные лексико-грамматические признаки, позволяющие дифференцировать выделенные классы романов Варгаса Льосы.

В фокусе настоящего исследования оказались тексты, написанные только Варгасом Льосой. Однако полученные результаты открывают широкие перспективы для дальнейших исследований на более разнообразном материале. Возможные направления этих исследований можно разнести по следующим векторам.

1. Сравнение стилистического своеобразия романов Варгаса Льосы с романами иных авторов, представителей латиноамериканского бума.

В настоящем исследовании мы привлекали романы К. Фуэнтеса и Г. Гарсиа Маркеса в качестве сопоставительного материала с целью дополнительной проверки корректной работы алгоритма Delta. Как показывают результаты, тест был пройден успешно. Дальнейшей, значительно более масштабной задачей может стать контекстуализация стилистического своеобразия текстов Варгаса Льосы на фоне текстов ключевых латиноамериканских авторов второй половины XX в.

Иными словами, речь идет о лингвостилистической характеристике романного творчества группы авторов, составляющих «ядро» латиноамериканского бума. К таковым, без сомнения, следует отнести Г. Гарсиа Маркеса, К. Фуэнтеса, Х. Доносо, Х. Кортасара, А. Карпентьера, М. Отеро Сильву, Х. К. Онетти. В рамках этого направления возможно установить лексическую и грамматическую дифференциацию корпуса текстов каждого автора эпохи «бума», определить внутренние стилистические тенденции каждого писателя, обуславливающих динамику его стиля. Возможным итогом может стать комплексная, разносторонняя портретизация основных стилистических тенденций латиноамериканского бума, выраженных в романах его основных авторов. Это направление актуализируется в связи с многократно отмеченным культурным своеобразием бума [Donoso 1983; Vargas Llosa 1991; Sánchez 2009; Ternicier 2014], выраженного через ощущение континентального единства авторов: из отдельных национальных литератур во второй половине XX в. формируется единая латиноамериканская литература.

2. Вторым – глобальным – возможным направлением является сравнение кастильского и латиноамериканского вариантов испанского языка на литературном материале второй половины XX в. Таким образом, возможно осуществить сопоставительный стилистический анализ особенностей индивидуального авторского стиля латиноамериканских и испанских авторов этого периода. Наряду с полученными нами данными на материале романов Варгаса Льосы необходимо привлечь корпуса романов, например, колумбийца Г. Гарсиа Маркеса и мексиканца

К. Фуэнтеса, а среди именно испанских писателей – М. Делибеса, К. Х. Селы, Х. Гойтисоло.

Это направление тем более актуально, что тексты Варгаса Льосы нередко оказываются именно материалом для исследований, направленных на выявление особенностей перуанского варианта испанского языка – проведя исследование на большом корпусе, мы сможем при помощи компьютерных инструментов обобщить результаты исследований прошлых лет, проверить релевантность фонда накопленных наблюдений в этой области и предпринять попытку сформировать лингвостилистические модели, свойственные латиноамериканским и испанским романистам второй половины XX в.

3. Романы Марио Варгаса Льосы vs тексты Варгаса Льосы, выполненные в других жанрах. Это направление представляет интерес в свете активного применения Delta Берроуза и меры Zeta для задач дифференциации жанровых признаков количественными методами. В частности, известны работы, позволяющие нивелировать «жанровый сигнал» [Calvo Tello, Schlör et al. 2017] или определить относительно устойчивый набор признаков, свойственный конкретным жанрам [Schöch et al. 2018]. Как нам представляется, в случае с текстами Варгаса Льосы это направление может оказаться продуктивным в силу некоторых характеристик корпуса его романов, обнаруженных в рамках этой работы.

Во-первых, представляется существенным сравнить стилистическое своеобразие художественных текстов Варгаса Льосы, принадлежащих другим жанрам и даже другому роду литературы. В первую очередь речь идет о соположении корпуса романов с рассказами и повестями («Щенки», «Вожаки», «Кто убил Паломино Молеро?»), а также с драматургией Варгаса Льосы: от юношеской пьесы «Бегство инки» (1952), зрелого текста «Кэти и гиппопотам» (1983) до поздней пьесы «Одиссей и Пенелопа» (2007).

Во-вторых, в связи с выделением отдельного класса документальных романов особое внимание привлекает лексико-грамматическое своеобразие корпуса автобиографических («Рыба в воде» (1993)) и историко-литературных текстов: «Между Сартром и Камю» (1981), «Вопреки ветру и буре» (1983, 1986),

«Писательская реальность» (1991) «Письма молодому романисту» (1997), «Путешествие к вымыслу» (2008) и др. В ходе исследования было обнаружено, что часть текста, написанная на автобиографическом материале (главы Варгитаса в романе «Тетушка Хулия и писака»), стилистически отличается от других текстов, написанных на историческом материале. В этой связи представляется важным оценить, окажутся ли априори не художественные, эссеистические, литературоведческие тексты стилистически родственны текстам, написанным на документальной основе, или парадоксальным образом окажутся близки другим классам, или же сформируют отдельную ветвь, характеризующуюся особыми стилистическими чертами.

В-третьих, на протяжении всей литературной деятельности Варгас Льюса не оставлял работу журналиста, поэтому третьим возможным вектором в рамках этого направления может быть оценка стилистических сходств и различий корпуса романов Варгаса Льюсы с корпусом репортажей, колонок, заметок, публиковавшихся в периодических изданиях (от *La Crónica* до *El País*).

В рамках каждого из указанных векторов интерес представляет не только собственно стилистическая характеристика текстов Варгаса Льюсы, но и вопрос о влиянии жанрового, хронологического и тематического факторов, способных повлиять на корректность стилеметрических подсчетов. Таким образом, исследования этой группы могут и должны быть ориентированы не только на сами анализируемые тексты, но и на изучение принципов работы и совершенствование современных стилеметрических инструментов.

Выводы к главе 3

1. Посредством Delta Берроуза была осуществлена кластеризация корпуса романов Марио Варгаса Льюсы. В результате на основании распределения наиболее частотной лексики выделяются четыре класса текстов:

- (1)Ω (Тотальные романы): «Город и псы» (1963), «Зеленый дом» (1966), «Разговор в Соборе» (1969);

- (2) Ω (Пессимистические романы): «Война конца света» (1981), «История Майты» (1984), «Говорун» (1987), «Литума в Андах» (1993) и «Капитан Панталеон и Рота добрых услуг» (1973);
- (3) Ω (Документальные романы): «Тетушка Хулия и писака» (1977), «Праздник Козла» (2000), «Суровые времена» (2019), «Рай на другом углу» (2003) и «Сон кельта» (2010), «Посвящаю свое молчание» (2023);
- (4) Ω (Эротические романы): «Похвальное слово мачехе» (1988), «Тетради дона Ригоберто» (1997), «Похождения скверной девчонки» (2006), «Скромный герой» (2013) и «Пять углов» (2016).

Для разрешения спорного случая с жанрово неоднородным романом «Посвящаю Вам свое молчание» мы прибегли к наивным байесовским классификаторам и методу опорных векторов, при помощи которых неоднозначность была разрешена и последний роман Варгаса Льосы был отнесен к третьему классу текстов.

Таким образом, мы вынуждены опровергнуть нулевую гипотезу H_0 , которая гласит, что романы Варгаса Льосы делятся на два класса (3 ранних плюс 16 более поздних), вторую версию альтернативной гипотезы H_a^2 , согласно которой корпус романов Варгаса Льосы делится более чем на два класса, при этом три ранних романа кластеризуются отдельно друг от друга. В результате нескольких серий опытов мы имеем основания принять первую версию альтернативной гипотезы H_a^1 : романы Варгаса Льосы делятся на несколько классов, при этом три ранних романа кластеризуются вместе. Общее количество классов, на которое подразделяется романский корпус, – четыре.

Разделение, сделанное при помощи Delta, не контринтуитивно и согласуется с историко-литературными данными: выделение трех первых романов как тематически, жанрово и стилистически обособленных текстов совпадает с подходами к классификации литературоведов и философов (Б. Кастаня Прадо, П. Новоа, Э. Кристала) и со сложившейся в филологическом дискурсе точкой зрения, что три первых романа Варгаса Льосы являются отдельным классом

текстов – каноническими тотальными романами. Именно поэтому этот класс мы предлагаем обозначать соответствующе: Ω (Тотальные романы).

На основе лексического анализа текстов посредством меры Zeta и традиционного изучения тематики и проблематики текстов остальных классов мы называем второй – Ω (Пессимистические романы), третий – Ω (Документальные романы) – в него входят романы, написанные на историческом или автобиографическом материале, четвертый – Ω (Эротические романы).

2. В результате уточняющих опытов было установлено, что роман «Тетушка Хулия и писака» из Ω (Документальные романы) оказывается определяющим для поэтики Варгаса Льосы. В двух параллельных частях, безошибочно выделенных Delta Берроуза, задаются стилистические тренды последующего творчества Варгаса Льосы: псевдоавтобиографические главы служат хронологически первым стилистическим и тематическим провозвестником легких романов; пародийные главы Камачо, в которых имитируются манера радиопьес и мыльных опер, – основа будущих документальных текстов.

При помощи контрастивного анализа выявлены лексико-грамматические различия между параллельными частями. Главным образом они заключаются в форме (показатели лица) используемых глаголов: 3 лицо в части Камачо vs 1 лицо в части Варгитаса, а также в частотных штампах – приметах стиля мыльных опер и радиосериалов, пародируемых Варгасом Льосой в главах, написанных от лица Камачо.

3. Также при помощи средств контрастивного анализа лексики (а именно посредством меры Zeta) была осуществлена лексико-грамматическая портретизация каждого класса (см. табл. 3.9):

Портретизация лексико-грамматических особенностей романов Варгаса

Льосы

Класс	Именные лексико-семантические особенности	Глагольные грамматические особенности	Особенности местоимений, наречий и служебных частей речи
Ω (Тотальные романы)	Общая нейтральная лексика с экспрессивными элементами	1 и 2 л. ед. ч. наст. вр. 3 л. ед. ч. прош. вр.	Ahí, низкая доля других демонстративов
Ω (Пессимистические романы)	Насильственная, военная, религиозная лексика; отсутствие межличностного начала; описание масс	3 л. ед. и мн. ч. наст. вр.	Явно не выражены
Ω (Документальные романы)	Военная, социально-политическая лексика, маркеры межличностного взаимодействия есть; описание групп и масс; маскулинизм	3 л. ед. ч. прош. вр.	Отсутствие вторичных форм, демонстративы <i>aquel, aquella; pese, quien, quienes</i>
Ω (Эротические романы)	Любовная, телесная, городская лексика; описание индивидуального	1 и 2 л. ед. ч. наст. вр. 3 л. ед. ч. прош. вр. 3 л. ед. ч. конд.	Местоимения 1 и 2 л., многофункциональный <i>se</i>

Таким образом, четыре выделенных класса текстов обладают индивидуальными признаками на тематическом, стилистическом и лексико-грамматическом уровнях, что подтверждено объективными методами статистического анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Инструментарий современной стилеметрии позволяет не только осуществлять атрибуционные или сравнительно-сопоставительные исследования, но и выявлять стилистические тенденции в творчестве конкретного автора, определять особенности вариативности его стиля. Как мы смогли убедиться, романное творчество Марио Варгаса Льосы характеризуется разнообразием не только на тематическом, но и на стилистическом уровне.

В настоящей работе решен ряд конкретных задач:

- Обобщены и проанализированы подходы к классификации девятнадцати романов Марио Варгаса Льосы: жанровый, философский, социально-политический, географический и диалогический. Большинство из них основано на экстралингвистических критериях и формировалось до того, как корпус романов Варгаса Льосы приобрел окончательный вид. Кроме того, охарактеризован творческий путь Варгаса Льосы и в общем виде описан корпус его романов. Также обозначены основные черты крупного культурного процесса, которому принадлежал писатель в 1960-е гг., – латиноамериканского бума. Это динамический социокультурный процесс, одной из ключевых черт бума является попытка формирования нового литературного языка, способного адекватно описывать сложную латиноамериканскую действительность, а одним из важнейших участников бума был именно Марио Варгас Льоса.

- Разработана методика анализа индивидуального авторского стиля, которая учитывает как исторические особенности развития стилеметрии (от трудов В. Диттенбергера и В. Лютославского до наших дней), так и достижения современных цифровых инструментов. Определены теоретические основы стилеметрического анализа, подробно описаны предпосылки для проведения корректного анализа, обоснован выбор метода исследования. Ключевым требованием для продуктивного стилеметрического исследования является комплексный анализ языковых единиц в анализируемом тексте, сочетание

частотного и распределительного подходов, а также соположение результатов, полученных при помощи количественных методов, с данными традиционного лингвостилистического анализа. В этой связи оптимальным для решения задач исследования оказалось использование мер Delta Берроуза и Zeta.

- В результате анализа наиболее частотной лексики в корпусе романов Марио Варгаса Льосы при помощи метода Delta Берроуза, установлено, что в его творчестве четко выделяется 4 класса романов:

- (1) Ω (Тотальные романы): «Город и псы» (1963), «Зеленый дом» (1966), «Разговор в Соборе» (1969);
- (2) Ω (Пессимистические романы): «Война конца света» (1981), «История Майты» (1984), «Говорун» (1987), «Литума в Андах» (1993) и «Капитан Панталеон и Рота добрых услуг» (1973);
- (3) Ω (Документальные романы): «Тетушка Хулия и писака» (1977), «Праздник Козла» (2000), «Суровые времена» (2019), «Рай на другом углу» (2003) и «Сон кельта» (2010), «Посвящаю свое молчание» (2023);
- (4) Ω (Эротические романы): «Похвальное слово мачехе» (1988), «Тетради дона Ригоберто» (1997), «Похождения скверной девчонки» (2006), «Скромный герой» (2013) и «Пять углов» (2016).

Полученное разделение не является произвольным и алогичным, выявленные границы соотносятся с результатами исследований прошлых лет, между романами, выделенными в один конкретный класс, наблюдаются также тематические, повествовательные сходства. В первый класс входят так называемые «тотальные романы», написанные Марио Варгасом Льосой в 1960-е гг. Класс 2 состоит из текстов, пронизанных общей пессимистической и порой апокалиптической интонацией. Класс 3 составляют романы, написанные на историческом или (авто)биографическом материале с опорой на документальные источники. Класс 4 – легкие тексты, в которых преобладает любовная и эротическая тематика.

Следует признать, что **гипотеза** исследования подтверждается: привлечение количественных методов, инструментария современной стилистики доказывает справедливость устоявшегося в латиноамериканистике мнения, что три первых романа Марио Варгаса Льосы «Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе» стилистически отличаются от более поздних текстов.

- На основе анализа классов, полученных при помощи процедуры кластеризации посредством Delta Берроуза, и данных традиционных лингвостилистических и литературоведческих исследований была осуществлена классификация романов Марио Варгаса Льосы, а также установлены стилистические особенности каждого класса, позволяющие идентифицировать варианты авторского стиля.

Каждый класс обладает индивидуальными лексико-грамматическими признаками, позволяющими отличить его от других классов объективными методами. Так, каждый класс был подвергнут контрастивному анализу посредством меры Zeta. На основе расчетов были выявлены следующие дифференцирующие признаки.

Для Ω (Тотальные романы) свойственна нейтральная лексика с единичными вкраплениями особо экспрессивных средств. Характерный набор глагольных показателей: а) 1 или 2 лицо, единственное число, настоящее время; б) 3 лицо, единственное число, прошедшее время. Формализованная запись: Verb_{1SingPresInd}; Verb_{2SingPresInd}; Verb_{3SingPastInd}. Обращает на себя внимание преобладание демонстратива *ahí*.

Для Ω (Пессимистические романы) свойственна военная, религиозная лексика; слова, описывающие массы, группы людей. Характерный набор глагольных показателей: 3 лицо, единственное или множественное число, настоящее время. Формализованная запись: Verb_{3SingPresInd}; Verb_{3PlurPresInd}.

Для Ω (Документальные романы) свойственна военная, социально-политическая лексика; слова, описывающие массы людей; также обращает на себя внимание преобладание мужского начала, выраженное через показатель рода (что особенно ярко видно на материале форм прилагательных, существительных,

демонстративов). Характерный набор глагольных показателей: 3 лицо, единственное число, прошедшее время. Формализованная запись: Verb_{3SingPastInd}. Также выделяется отсутствие форм второго лица.

Для Ω (Эротические романы) свойственна любовная лексика; слова, описывающие городской быт, телесное и индивидуальное. Характерный набор глагольных показателей: а) 1 или 2 лицо, единственное число, настоящее время; б) 3 лицо, единственное число, прошедшее время.; в) 1 или 3 лицо, единственное число, настоящее время, кондиционал; г) 3 лицо, единственное число, прошедшее время в субхунтиве. Формализованная запись: Verb_{1SingPresInd}; Verb_{2SingPresInd}; Verb_{3SingPastInd}; Verb_{1/3SingPastCond}; Verb_{3SingPastSubj}. При преобладании в каждом классе индикатива здесь выделяется частотная форма *pudiera*. Обращает на себя внимание, что в качестве дифференцирующего слова алгоритм выявляет многофункциональную частицу *se*, использующуюся в составе возвратных глаголов, а также для выражения пассивного, медиального и взаимного залогов.

Таким образом, мы установили, что романное творчество Марио Варгаса Льосы не является стилистически гомогенным. Средствами стилеметрического анализа определено, что выделяется 4 класса романов, каждый из которых обладает индивидуальными лексико-грамматическими характеристиками.

Ключевой перспективой для дальнейших исследований представляется разработка модели анализа индивидуального авторского стиля групп авторов на основе предложенного частотно-распределительного подхода, включающей на позднем этапе автоматический анализ дифференцирующих морфологических, синтаксических и лексико-семантических признаков. Перспектива подобного рода исследований видится в первую очередь в осуществлении стилеметрического среза литературного языка конкретного периода, комплексной портретизации стилей.

Более детальные направления для новых исследований с применением предложенной процедуры анализа можно сгруппировать по следующим направлениям:

1) Осуществление комплексного анализа всего прозаического корпуса Варгаса Льосы с привлечением нехудожественных текстов (литературоведческих

трудов, сборников эссе, репортажей и колонок, написанных для различных газет от *La Crónica* до *El País*), рассказов, повестей и драм.

2) Составление стилеметрической характеристики романного творчества группы авторов, составляющих «ядро» латиноамериканского бума: Г. Гарсиа Маркеса, К. Фуэнтеса, Х. Доносо, Х. Кортасара, А. Карпентьера, М. Отеро Сильвы, Х. К. Онетти. В рамках этого направления возможно установить лексическую и грамматическую дифференциацию корпуса текстов каждого автора эпохи «бума», определить внутренние стилистические тенденции каждого писателя, обуславливающих динамику его стиля.

3) Сопоставительный стилеметрический анализ особенностей индивидуального авторского стиля латиноамериканских и испанских авторов конкретного периода (второй половины XX в.). Указанное направление представляется особенно перспективным в свете непреходящего интереса к анализу кастильского и латиноамериканских вариантов испанского языка на литературном материале.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Fem – женский род;

Masc – мужской род;

Ind – индикатив;

Cond – кондиционал;

Subj – субхунтив;

1,2,3 – показатели категории лица;

Sing – единственное число;

Plur – множественное число;

Pres – план настоящего времени;

Past – план прошедшего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, П.М. Статистическая лексикография (типология, составление и применение частотных словарей) / П.М.Алексеев. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975. – 121 с.
2. Алиева, О.В. Опыт измерения стилистической однородности методом Delta на материале Платоновского корпуса / О.В.Алиева // Аристей. Aristeas: вестник классической филологии и античной истории. – 2022. – Т. 25. – С. 19–37.
3. Андреев, В.С. Динамика индивидуального стиля Э. А. По: стилеметрический подход / В.С.Андреев // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2017. – № 14. – С. 306–316.
4. Андреев, В.С. Моделирование индивидуального стиля американских поэтов-романтиков / В.С.Андреев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 10(114). – С. 47–52.
5. Андреев, В.С. Формальные маркеры изменений стиля Г. Лонгфелло / В.С.Андреев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 66. – С. 14–20.
6. Андреев, В.С. Эволюция образной системы Владимира Набокова: квантитативный анализ / В.С.Андреев // Terra Linguistica. – 2023. – Т. 14. – № 1. – С. 11–20.
7. Андреев, Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении / Н.Д. Андреев. – Л.: Наука, 1967. – 403 с.
8. Бабаян, В.Н. Дискурсивное пространство терциарной речи. Психолингвистические особенности диалогической речи в присутствии молчащего третьего лица / В.Н. Бабаян. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 385 с.

9. Бабаян, В.Н., Круглова, С.Л. Основные классификации диалогов и диалогических высказываний-реплик / В.Н.Бабаян, С.Л.Круглова // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 155–159.
10. Бабурченкова, И.О. Динамика метафорической модели в индивидуальном стиле У. Блейка: автореферат дисс. на соиск. уч-ной ст. канд. фил. наук: 10.02.04 / Бабурченкова Ирина Олеговна. – Смоленск, 2018. – 22 с.
11. Баевский, В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы / В.С.Баевский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 336 с.
12. Баевский, В.С. Типология стиха русской лирической поэзии: автореферат дисс. на соиск. уч-ной ст. доктора фил. наук: 10.01.01 / Баевский Вадим Соломонович. – Тарту, 1974. – 35 с.
13. Балабанов, П.И., Головань, О.В. Метод измерения авторских и культурно-языковых особенностей текстологического материала на основе частотных характеристик / П.И.Балабанов, О.В.Головань // Ползуновский вестник. – 2010. – № 2. – С. 162–165.
14. Балакин, А.Ю. В плену холодных числ / А.Ю.Балакин // Русская литература. – 2003. – № 2. – С. 208–214.
15. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М.Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
16. Беляева, Л.Н. Прикладная лингвистика и современная образовательная среда: проблемы и перспективы / Л.Н.Беляева // Прикладная лингвистика в науке и образовании. Сборник трудов VII Международной научной конференции 10–12 апреля 2014 г., Санкт-Петербург. — СПб.: ООО «Книжный дом», 2014. — С. 174–175.
17. Берков, П.Н. Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII века / П.Н.Берков // Русская литература. – 1958. – № 2. – С. 180–189.

18. Берт, С.А. Идиоматический пласт лексики перуанского варианта испанского языка и проблемы его перевода на русский язык: вып. квал. работа / С.А.Берт. – СПб., 2020. – 93 с.
19. Бозиев, С.Н. «Тихий Дон» в сравнениях. А. С. Серафимович, Ф. Д. Крюков, М. А. Шолохов / С.Н.Бозиев. – М.: АИРО–XXI, 2021. – 376 с.
20. Бойчук, Е.И. Количественные наречия как средство авторизации художественных текстов (на материале французской прозы XIX в.) / Е.И.Бойчук // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 123–130.
21. Буйнова, К.Р. Марио Варгас Льюса в Советском Союзе. К 85-летию писателя / К. Р. Буйнова // Латинская Америка. – 2021. – № 7. – С. 83–93.
22. Вапник, В.Н. Восстановление зависимостей по эмпирическим данным / В.Н.Вапник. – М.: Наука, 1979. – 448 с.
23. Великанова, Н.П., Орехов, Б.В. Цифровая текстология: атрибуция текста на примере романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» / Н.П.Великанова, Б.В.Орехов // Мир Шолохова. Научно-просветительский общенациональный журнал. – 2019. – № 1. – С. 70–82.
24. Виноградов, В.В. Лингвистические основы научной критики текста / В.В.Виноградов // Вопросы языкознания. – 1958. – № 3. – с. 3–23.
25. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В.Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1959. – 657 с.
26. Виноградов, В.В. Проблема авторства и теория стилей / В.В.Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1961. – 616 с.
27. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
28. Владимирова, О.В., Григорьев, Ю.Д. Симметрия стихотворения С. Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ!» / О.В.Владимирова, Ю.Д.Григорьев // Научный вестник Новосибирского государственного технического университета. – 2020. – № 1. – С. 41–54.

29. Войку, О.К, Жуков, А.П., Ковалев, Б.В. Жанровое своеобразие романа М. Варгаса Льюиса «Зеленый дом» / О.К.Войку, А.П.Жуков, Б.В.Ковалев // Научный диалог. – 2021. – № 12. – С. 205–220.
30. Войку, О.К., Демидова, О.Д. Культурологические аспекты перевода (на материале романа Марио Варгаса Льюиса «Литума в Андах») / О.К.Войку, О.Д.Демидова // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2015. – № 12. – С. 114–117.
31. Головань, О.В., Ишков, А.В. Разработка, наполнение и обслуживание базы данных для культурометрического исследования художественных текстов / О.В.Головань, А.В.Ишков // Ползуновский вестник. – 2013. – № 2. – С. 218–222.
32. Головань, О.В., Ишков, А.В. Опыт исследования частотных характеристик художественных текстов: часть I – определение авторства, исторических и культурных особенностей / О.В.Головань, А.В.Ишков // Ползуновский вестник. – 2012. – № 3–2. – С. 202–205.
33. Григорьев, Ю.Д. Восьмистишия как симметричные ожерелья: перечисление и свойства / Ю.Д. Григорьев // Квантитативная филология. – 2022. – № 1(3). – С. 16–31.
34. Григорьев, Ю.Д. Оценка близости двух графовых структур на примере сравнения поэтических переводов / Ю.Д.Григорьев // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. – 2019. – № 49. – С. 44–54.
35. Григорьев, Ю.Д., Мартыненко, Г.Я. Комбинаторные варианты рифм в сонетах Рильке: квантитативно-типологический подход / Ю.Д.Григорьев, Г.Я.Мартыненко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17. – № 1. – С. 5–20.
36. Гришунин, А.Л. Исследовательские аспекты текстологии / А.Л. Гришунин. – М.: Наследие, 1998. – 416 с.
37. Гришунин, А.Л. Опыт обследования употребительности языковых дублетов / А.Л. Гришунин // Вопросы текстологии. – 1960. – № 2. – С. 146–196.

38. Гудмен, Н. Способы создания миров / Н.Гудмен; пер. с англ. А.Л.Никифорова, Е.Е.Ледянникова, М.В.Лебедева, Т.А.Дмитриева. – М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. – 376 с.
39. Гурова, Е.И. Методики атрибуции авторства в современной отечественной филологии / Е.И.Гурова // Новый филологический вестник. – 2016. – № 3. – С. 29–43.
40. Двинятин, Ф.Н. Количественная грамматика поэтического текста: некоторые предварительные итоги / Ф.Н.Двинятин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 5(182). – С. 48–54.
41. Двинятин, Ф.Н. Распределение основных морфологических классов в русском поэтическом тексте / Ф.Н.Двинятин // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание: Коллективная монография / Сост. Я.С.Левченко, И.А.Пильщиков. – М.: НЛО, 2017. – С. 622–632.
42. Двинятин, Ф.Н., Ковалев, Б.В. «Сирин не уступает Леонову»: метод Delta для стилеметрического анализа русских романов межвоенного периода / Ф.Н.Двинятин, Б.В.Ковалев // Шаги / Steps. – 2024a. – Т. 10. – № 3. – С. 207–229.
43. Двинятин, Ф.Н., Ковалев, Б.В. Романы Владимира Набокова в контексте русской межвоенной прозы: стилеметрический аспект / Ф.Н.Двинятин, Б.В.Ковалев // Новый филологический вестник. – 2024b. – № 1. – С. 203–216.
44. Ефимов, А.И. Стилистика художественной речи / А.И.Ефимов. – М.: Изд-во МГУ, 1961. – 447 с.
45. Журавлева, Е.В. Восемнадцатый роман Марио Варгаса Льосы / Е.В.Журавлева // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: Материалы Международной научно-практической конференции, Казань, 27–28 октября 2016 года / Под ред. Е.А.Плеуновой. – Казань: Отечество, 2016. – С. 199–204.
46. Журавлева, Н.Н. Применение количественных методов при анализе стиля автора и решении проблем атрибуции / Н.Н.Журавлева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 150–155.

47. Зенков, А.В. Новый метод стилеметрии на основе статистики числительных / А.В.Зенков // Компьютерные исследования и моделирование. – 2017. – Т. 9. – № 5. – С. 837–850.
48. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
49. Кашкина, А.В. Маркемный анализ языка русской поэзии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кашкина Александра Вячеславовна. – Воронеж, 2013. – 544 с.
50. Ковалев, Б.В. Анализ стилистического двухголосия в романе Марио Варгаса Льосы «Говорун» методами Delta Берроуза и Zeta Крейга / Б.В. Ковалев // Дискурс. – 2025a. –Т. 11. – № 4. – С. 139–150.
51. Ковалев, Б.В. Лингвостилистическая классификация романов Марио Варгаса Льосы методом Delta Берроуза / Б.В.Ковалев // Верхневолжский филологический вестник. – 2025b. – № 1. – С. 141–149.
52. Ковалев, Б.В. Лингвостилистические особенности диалога в ранних романах М. Варгаса Льосы / Б.В.Ковалев // Ибероамериканские тетради. – 2023a. – Т. 11. – № 3. – С. 87–106.
53. Ковалев, Б.В. Новые тексты Б.Л. Васильева: атрибуция методом Delta Берроуза / Б.В.Ковалев // Квантитативная филология. – 2024a. – № 2(8). – С. 44–49.
54. Ковалев, Б.В. О некоторых квантитативных подходах к периодизации поэтических текстов Хорхе Луиса Борхеса / Б.В.Ковалев // Terra Linguistica. – 2024b. – Т. 15. – № 1. – С. 36–48.
55. Ковалев, Б.В. Рождение третьего автора: стилеметрический анализ рассказов Онорио Бустоса Домека / Б.В.Ковалев // Литература двух Америк. – 2024с. – № 16. – С. 120–146.
56. Ковалев, Б.В. Цифровая поэтика Б.Л. Васильева: попытка стилеметрического анализа / Б.В.Ковалев // Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей / Под ред. О.А.Новиковой и М.А.Коротковой. – Вып. 24. – Смоленск: СмолГУ, 2024d. – С. 195–202.

57. Ковалев, Б.В. Delta и «бум»: романы Марио Варгаса Льюса через призму стилеметрии / Б.В.Ковалев // Литература двух Америк. – 2023b. – № 15. – С. 116–141.
58. Колубовский, И.Я. Рец. на кн.: Платон. Теэтет / Пер. В. К. Серёжникова. М.; Л., 1936 / И.Я.Колубовский // Фронт науки и техники. – 1937. – № 2. – С. 139–144.
59. Корконосенко, К.С. «Вожаки» и «Щенки» Варгаса Льюса: истории о поражениях / К.С.Корконосенко // Варгас Льюса, М. Вожаки. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 5–20.
60. Кретов, А.А. И. А. Гончаров на фоне русской литературы (маркемологический анализ) / А.А.Кретов // Универсалии русской литературы 4 / под ред. А.А.Фаустова. – Воронеж: Научная книга, 2012. – С. 123–147.
61. Кретов, А.А. Понятие маркемы: методика выявления и практика использования / А.А.Кретов // Универсалии русской литературы 2: сб. статей / под ред. А.А.Фаустова. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2010. – С. 138–153.
62. Кретов, А.А. Распределение слова по группам текстов и его стилистическая окраска / А.А.Кретов // Вестник ВГУ Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 3. – С. 5–15.
63. Куницкий, В.Н. Язык и слог комедии «Горе от ума»: К столетию дня рождения А. С. Грибоедова, 4 янв. 1795 г. — 4 янв. 1895 / В.Н.Куницкий. — К.: Тип. И.И. Чоколова, 1894. – 57 с.
64. Лавринова, И.В. Реализация индихенизмов в романе М. Варгаса Льюса «Lituma en los Andes» / И.В.Лавринова // Молодежный научный форум: сборник статей по материалам CLXXIII студенческой международной научно-практической конференции, Москва, 22 июня 2022 года. Том 22 (173). – Москва: Международный центр науки и образования, 2022. – С. 51-55.
65. Литвинова, Т.А. Проблемы стилеметрической идентификации субъекта идиолектной деятельности: автореферат дисс. на соиск. уч-ной ст. докт. фил. наук: 10.02.21 / Т.А.Литвинова. – Санкт-Петербург, 2021. – 47 с.
66. Лотман, Ю.М. О семиосфере // Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю.М.Лотман. – Т. 1. – Таллин, 1992. – С. 11–25.

67. Мамаев, Н.К., Марусенко, М.А., Пиотровская, К.Р., Ронжин, А.Л. Метод Дельты Берроуза для определения авторства анонимных и псевдоанонимных литературных произведений на русском языке / Н.К.Мамаев, М.А.Марусенко, К.Р.Пиотровская, А.Л.Ронжин // *Proceedings of the R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics* / A. Ronzhin, T. Noskova, A. Karpov (eds). – СПб.: RWTH Aachen University, 2018. – С. 107–119.
68. Марков, А.А. Об одном применении статистического метода / А.А.Марков // *Известия имп. Академии наук.* – 1916. – Т. 10. – № 4. – Р. 239–242.
69. Мартыненко, Г.Я. Основы стилеметрии / Г.Я.Мартыненко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 173 с.
70. Мартыненко, Г.Я. Стилеметрия: возникновение и становление в контексте междисциплинарного взаимодействия / Г.Я.Мартыненко // *Структурная и прикладная лингвистика* / под ред. А.С.Герда. – 2015. – № 10. – С. 3–23.
71. Мартыненко, Г.Я., Гребенников, А.О. Основы стилеметрии: учеб.-метод. пособие / Г. Я.Мартыненко, А.О.Гребенников. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. – 27 с.
72. Марусенко, М.А. Атрибуция анонимных и псевдоанонимных текстов методами теории распознавания образов / М.А.Марусенко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 168 с.
73. Марусенко, М.А. В редакцию журнала «Русская литература» / М.А.Марусенко // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* – 2004. – Вып. 1–2. – С. 99–102.
74. Марусенко, М.А., Бессонов, Б.Л., Богданова, Л.М., Аникин, М.А, Мясоедова, Н.Е. В поисках потерянного автора: Этюды атрибуции / М.А.Марусенко, Б.Л.Бессонов, Л.М.Богданова, М.А.Аникин, Н.Е.Мясоедова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – 211 с.
75. Марусенко, М.А., Мельникова, Е.Е., Родионова, Е.С. Атрибуция анонимных и псевдонимных статей, опубликованных в журналах «Время» и «Эпоха» в 1861–1865 годах / М.А.Марусенко, Е.Е.Мельникова, Е.С.Родионова // *Квантитативная лингвистика: исследования и модели (КЛИМ-2005): Материалы Всеросс. науч. конф. (6-10 июня 2005 г.).* – Новосибирск, 2005. – С. 283–294.

76. Маслинский К.А. Уточненная цифровая текстология: еще раз к вопросу об авторстве романа «Тихий Дон» / К.А.Маслинский // Русская литература. – 2022. – № 1. – С. 247–254.
77. Милов, Л.В, Бородкин, Л.И., Иванова, Т.В., Неберекутина, Е.В., Полянская, И.В., Романкова, Н.В., Саркисова, Г.И. От Нестора до Фонвизина (Новые методы атрибуции) / Л.В.Милов, Л.И.Бородкин. Т.В.Иванова, Е.В.Неберекутина, И.В.Полянская, Н.В.Романкова, Г.И.Саркисова. – М.: Прогресс, 1994. – 444 с.
78. Миролубова, А.Ю. «В последний раз» Гильермо Мартинеса: латиноамериканский бум и его оценка через 60 лет / А.Ю.Миролубова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2023. – Т. 20. – № 3. – С. 532–548.
79. Митрофанова О.А., Москвина А.Д. О роли статистики предлогов в определении стилистической принадлежности русскоязычных текстов / О.А.Митрофанова, А.Д.Москвина // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – Vol. 8. – № 11. – С. 91–94.
80. Михеев, М.Ю., Эрлих, Л.И. Идиостилевой профиль и определение авторства текста по частотам служебных слов / М.Ю.Михеев, Л.И.Эрлих // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2018. – № 2. – С. 25–34.
81. Морозов, Н.А. Лингвистические спектры / Н.А.Морозов // ИОРЯС. – 1915. – Т. XX. – № 4. – С. 93–134.
82. Мухин, М.Ю, Мухин, Н.Ю. Авторский тезаурус и сочетаемость слов: лексико-статистические модели индивидуального стиля / М.Ю.Мухин, Н.Ю.Мухин // Филологический класс. – 2019. – Т. 58. – № 4. – С. 8–15.
83. Надъярных, М.Ф. Жестокая человечность Марио Варгаса Льосы / М.Ф.Надъярных // Латинская Америка. – 2010. – № 12. – С. 63–76.
84. Надъярных, М.Ф. Марио Варгас Льоса / М.Ф.Надъярных // История литератур Латинской Америки. – Т. 5. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 622–664.
85. Новосадский, Н.И. Орфические гимны / Н.И.Новосадский. – Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1900. – 242 с.

86. Орехов, Б.В. Илиада Е.И. Кострова и Илиада А. И. Любжина: стилеметрический аспект / Б.В.Орехов // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. – 2020. – № 21. – С. 282–296.
87. Орехов, Б.В. Текст и перевод Владимира Набокова через призму стилеметрии / Б.В.Орехов // Новый филологический вестник. – 2021. – № 3 (58). – С. 200–213.
88. Орлов, Ю.Н, Осминин, К.П. Определение жанра и автора литературного произведения статистическими методами / Ю.Н.Орлов, К.П.Осминин // Прикладная информатика. – 2010. – № 2. – С. 95–108.
89. Ощепкова, А.А. Особенности перевода публицистики Марио Варгаса Льосы / А.А.Ощепкова // Труды молодых учёных: сборник статей студентов и аспирантов филологического факультета МГУ имени М. В Ломоносов. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2017. – С. 123–131.
90. Павлова, Л.В., Романова, И.В. Поэтика цвета «cattleya labiata» в лирике Владимира Набокова: данные словаря лексических комбинаций / Л.В.Павлова, И.В.Романова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2023. – Т. 22. – № 2: Филология. – С. 98–108.
91. Патроева, Н.В., Лебедев, А.А. Проект «Диахроническая риторика: язык и слог стихотворных произведений Феофана Прокоповича» / Н.В.Патроева, А.А.Лебедев // Филологический класс. – 2024. – Т. 29. – № 3. – С. 7–16.
92. Петров, В.В., Марусенко, М.А., Пиотровская, К.Р., Маньяс, И.Н., Мамаев, Н.К. Об авторстве «писем Берии из заточения» / В.В.Петров, М.А.Марусенко, К.Р.Пиотровская, И.Н.Маньяс, Н.К.Мамаев // Вестник СПбГУ. Право. – 2019. – Т. 10. – № 3. – С. 586–605.
93. Петрова, А.Д. Атрибуция «Романа Виолетты»: автореферат дисс. на соиск. уч-ной ст. канд. фил. наук: 10.02.05 / Петрова Анастасия Дмитриевна. – Санкт-Петербург, 2015. – 24 с.
94. Пешков, И.В. Бахтинский вопрос: промежуточные итоги / И.В.Пешков // Литературоведческий журнал. – 2022а. – № 1(55). – С. 182–210.
95. Пешков, И.В. Бахтинский вопрос. Статья вторая: Павел Николаевич Медведев / И.В.Пешков // Литературоведческий журнал. – 2022b. – № 2. – С. 89–111.

96. Пешков, И.В. Бахтинский вопрос. Статья пятая: Круг Бахтина: острые углы. Часть 2 (Ленинград) / И.В.Пешков // Литературоведческий журнал. – 2023. – № 1. – С. 49–71.
97. Пешков, И.В. Бахтинский вопрос. Статья третья: Валентин Николаевич Волошинов / И.В.Пешков // Литературоведческий журнал. – 2022с. – № 3. – С. 86–109.
98. Пешков, И.В. Бахтинский вопрос. Статья четвертая: Круг Бахтина: острые углы. Часть 1 (Питер – Невель – Витебск) / И.В.Пешков // Литературоведческий журнал. – 2022d. – № 4.– С. 133–156.
99. Пешков, И.В. Конец – «Делу» венец (Промежуточный текстологический финиш в бахтинском вопросе, или Еще раз об авторстве М. М. Бахтина в «спорных текстах» / И.В.Пешков // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 2000. – № 1. С. 72–109.
100. Пешков, И.В. Повторное в неповторимом, или как просчитать индивидуальный стиль: статистический эпилог проблемы «Бахтин под маской» / И.В.Пешков // Миргород. – 2020. – № 2. – С. 32.
101. Родионова, Е.С. Параметризация стилей: отбор информативных параметров при атрибуции пьес Мольера / Е.С.Родионова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2007. – Вып. 2. – Ч. II. – С. 61–67.
102. Севбо, И.П. Графическое представление синтаксических структур / И.П.Севбо. – Киев: Наукова Думка, 1981. – 189 с.
103. Сеземан, В.Э. «Лингвистические спектры» г. Морозова и Платоновский вопрос / В.Э.Сеземан // ИОРЯС. – 1918. Т. XXII. – № 2. – С. 70–80.
104. Синелева, А.В. Атрибуция «Романа с кокаином»: лингвостатистическое исследование / А.В.Синелева. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2000. – 92 с.
105. Сичинава, Д.В. Об одном лингвистическом параметре типологии текстов: коэффициент «под/над» / Д.В.Сичинава // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2003. – № 10. – С. 27–35.

106. Сковоринский, А.В. Публицистика Марио Варгаса Льосы в газете «Эль Паис» (1980–2013 гг.): автореферат дисс. на соиск. уч-ной ст. канд. фил. наук: 10.01.10 / А. В. Сковоринский. – Москва, 2013. – 23 с.
107. Скоринкин, Д.А., Бонч-Осмоловская, А.А. «Особые приметы» в речи художественных персонажей: количественный анализ диалогов в «Войне и мире» Л.Н. Толстого / Д.А.Скоринкин, А.А.Бонч-Осмоловская // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2016. – Т. 7. – Вып. 7 (51).
108. Соловьев, В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / В.С.Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – 889 с.
109. Статистика речи: Сборник статей / под ред. Р.Г.Пиотровского. – Л.: Наука. – 1968. – 259 с.
110. Тулдава, Ю. Проблемы и методы квантитативного исследования лексики / Ю.Тулдава. – Таллин: Валгус, 1987. – 204 с.
111. Фаустов, А.А. Маркемный портрет А.П. Чехова / А.А. Фаустов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 12–16.
112. Фаустов, А.А., Кретов, А.А. Понятие маркемы и предварительные итоги маркемного анализа русской литературы / А.А.Фаустов, А.А.Кретов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 4. – С. 16–31.
113. Филологическое обозрение. Журнал классической филологии и педагогики. – Т. XIV. – Кн. I. – Москва, Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898.
114. Хмелев, Д.В. Распознавание автора текста с использованием цепей А.А.Маркова / Д.В.Хмелев // Вестник МГУ. Серия Филология. – 2000. – № 2. – С. 115–126.
115. Хохлова, М.В. Статистические методы в лексикографических исследованиях: представление частотной лексики / М.В.Хохлова // Terra Linguistica. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 80–93.

116. Хьетсо, Г., Густавсон, С., Бекман, Б., Гил, С. Кто написал «Тихий Дон»? (Проблема авторства «Тихого Дона») / Г.Хьетсо, С.Густавссон, Б.Бекман, С.Гил; пер. А.В.Ващенко, Н.С.Ноздриной. – М.: Книга, 1989. – 186 с.
117. Чепига, В.П. К проблеме атрибуции романов, написанных под псевдонимом Эмиль Ажар: лексическое богатство словаря, метод «межтекстового расстояния», метод распознавания образов / В.П.Чепига // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 61. – С. 298–304.
118. Шайкевич, А.Я., Андрющенко, В.М., Ребецкая, Н.А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850—1870-х гг. Т. 1 / А.Я.Шайкевич, В.М.Андрющенко, Н.А.Ребецкая. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 504 с.
119. Шайкевич, А.Я., Андрющенко, В.М., Ребецкая, Н.А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850—1870-х гг. Т. 2 / А.Я.Шайкевич, В.М.Андрющенко, Н.А.Ребецкая. – М.: Языки славянской культуры, 2016. – 848 с.
120. Шайкевич, А.Я., Андрющенко, В.М., Ребецкая, Н.А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850-1870-х гг. Т. 3 / А.Я.Шайкевич, В.М.Андрющенко, Н.А.Ребецкая. – М.: Языки славянской культуры, 2021. – 768 с.
121. Штокмар, М.П. Анализ языка и стиля как средство атрибуции / М.П.Штокмар // Вопросы текстологии. – 1960. – №2. – С. 100–145.
122. Якубайтис, Т.А., Скляревич, А.Н. Вероятностная атрибуция типа текста по некоторым морфологическим признакам / Т.А.Якубайтис, А.Н.Скляревич. – Рига: АН Латв. ССР, 1982. – 53 с.
123. Якубинский, Л.П. Язык и его функционирование // Якубинский Л.П. Избранные работы / Л.П. Якубинский. – М.: 1986. – С. 17–58.
124. AbdulRazzaq, A.A., Mustafa, T.K. Burrows Delta Method Fitness for Arabic Text Authorship Stylometric Detection / A.A.AbdulRazzaq, T.K.Mustafa // International Journal of Computer Science and Mobile Computing. – 2014. – № 6. – P. 69–78.

125. Aguirre, C. La ciudad y los perros: biografía de una novela / C.Aguirre. – Lima: Fondo Editorial de la Pontificia Universidad Católica del Perú, 2015. – 318 p.
126. Al-falahni, A., Bellafkin, M., Romdani, M., Al-Serem, M. Authorship Attribution of Arabic Poetry / A.Al-falahni, M.Bellafkin, M.Romdani, M.Al-Serem // 10th International Conference on Intelligent Systems: Theories and Applications (SITA), Rabat, Morocco, 2015. – P. 1–6.
127. Alonso, C.J. “La Tía Julia y El Escribidor”: The Writing Subject’s Fantasy of Empowerment / C J.Alonso // PMLA. – 1991. – № 1. – P. 46–59.
128. Andreu, A.C. Pedro Camacho: Prestidigitador Del Lenguaje / A.C.Andreu // Modern Language Studies. – 1986. – Vol. 16. – № 2. – P. 19–25.
129. Aponte, Y.M. La oralidad en “El hablador” de Mario Vargas Llosa / Y.M.Aponte // Anuario de estudios filológicos. – 1993. – Vol. 16. – P. 287–294.
130. Arrizabalaga, C. Creatividad léxica y tratamiento lexicográfico: el caso de Vargas Llosa y “La casa verde” / C.Arrizabalaga // Revista de lexicografía. – 2014. – № 20. – P. 7–17.
131. Bennett, P.E. The Statistical Measurement of a Stylistic Trait in Julius Caesar and As You Like It / P.E.Bennett // Shakespeare Quarterly. – 1957. – Vol. 8. – № 1. – P. 33–50.
132. Bensoussan, A. El lenguaje dramático de Mario Vargas Llosa y su traducción al francés / A.Bensoussan // Traducción y multiculturalidad / M. P. Blanco García, P.Martino Alba (eds). – Madrid: Instituto Universitario de Lenguas Modernas y Traductores, Universidad Complutense de Madrid, 2006. – P. 27–33.
133. Blanco Mayor, J.M. La estilización discursiva de la narrativa folletinesca de Camacho en La tía Julia y el escribidor de Mario Vargas Llosa: análisis interlingüístico del uso de las aposiciones nominales en la traducción español-alemán / J.M.Blanco Mayor // Skopos: revista internacional de traducción e interpretación. – 2020. – № 11. – P. 19–44.
134. Blasco Calvo, M. “Tiempos recios” / M.Blasco Calvo // Episteme. Revista de divulgación en estudios socioterritoriales. – 2020. – Vol. 12. – № 1. – P. 163–164.

135. Bobes Naves, M. Diálogos y otros procesos interactivos en Conversación en la Catedral de Vargas Llosa / M.Bobes Naves // Castilla: Estudios de literatura. – 1996. – № 21. – P. 39–56.
136. Boller, A. Novela archivo y el Sueño del Celta de Mario Vargas Llosa / A.Boller // Chasqui. – 2020. – Vol. 49. – № 2. – P. 162–175.
137. Brandwood, L. The Chronology of Plato's dialogues / L.Brandwood. – Cambridge: CUP, 1990. – 256 p.
138. Burrows, J. All the Way Through: Testing for Authorship in Different Frequency Strata / J.Burrows // Literary and Linguistic Computing. – 2007. – Vol. 22. – № 1. – P. 27–47.
139. Burrows, J. Delta: a Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Authorship / J.Burrows // Literary and Linguistic Computing. – 2002. – Vol. 17. – № 3. – P. 267–287.
140. Busemann, A. Die Sprache der Jugend als Ausdruck des Entwicklungsrhythmus / A.Busemann. – Jena: Fischer, 1925. – 98 s.
141. Busemann, A. Stil und Charakter / A.Busemann. – Meisenheim/Glan: Westkulturverlag Anton Hain, 1948. – 168 s.
142. Caja, G. S. Indoamericanismos léxicos que designan animales en La Casa Verde de Mario Vargas Llosa / G.S.Caja // Cauce: Revista Internacional de Filología, Comunicación y sus Didácticas. – 1994–1995. – №14–15. – P. 9–12.
143. Calvo Tello, J. Delta inside Valle-Inclán: stylometric classification of periods and groups of his novels / J.Calvo Tello // Romanische Studien. – 2019. – № 6. – P. 151–163.
144. Calvo Tello, J. What does Delta See inside the Author? Evaluating Stylometric Clusters with Literary Metadata / J.Calvo Tello // III Congreso de la Sociedad Internacional humanidades Digitales hispánicas Sociedades, políticas, sabers: Libro de resúmenes. – Málaga, 2017. – P. 153–161.
145. Calvo Tello, J., Schlör, D., Henny-Krahmer, U., Schöch, C. Neutralising the Authorial Signal in Delta by Penalization: Stylometric Clustering of Genre in Spanish

- Novels / J.Calvo Tello, D.Sclör, U. Henny-Krahmer, C.Schöch. – Montréal: ADHO, 2017. P. 181–183.
146. Castany Prado, B. El escepticismo identitario en la obra de Mario Vargas Llosa / B.Castany Prado // Mario Vargas Llosa: cartografías del amor y del poder. – Sofia: Editorial Universitaria San Clemente de Orjíd, 2015. – P. 142–159.
 147. Castany Prado, B. Novela y escepticismo en El Quixote de Cervantes y en la Guerra del Fin del Mundo de Vargas Llosa / B.Castany Prado // Cartaphilus. Revista de Investigación y Crítica Estética. – 2007. – № 2. – P. 19–27.
 148. Castro-Klarén, S. Desire, The City and the Dogs of Paradise / S.Castro-Klarén // Mario Vargas Llosa and the persistence of memory: celebrating the 40th anniversary of “La ciudad y los perros” (“The Time of the Hero”) and other works / M.A.Zapata (ed.). – Lima: Universidad Nacional Mayor de San Marcos, Fondo Editorial; Hofstra University, 2006. – P. 31–40.
 149. Castro, J. Critical Insights. Mario Vargas Llosa / J.Castro. – New York: Salem Press; Grey House Publishing, 2014. – 300 p.
 150. Castro, J. Mario Vargas Llosa. Public Intellectual in Neo-Liberal Latin America / J.Castro. – Tucson: University of Arizona, 2011. – 179 p.
 151. Castro, J., Birns, N. (eds). Vargas Llosa and Latin American Politics / J.Castro, N.Birns (eds). – New York: Palgrave Mc Millan, 2010. – 247 p.
 152. Choiński, M., Eder, M., Rybicki, J. Harper Lee and Other People: A Stylometric Diagnosis / M.Choiński, M.Eder, J.Rybicki // Mississippi Quarterly. – 2019. – № 70/71. – P. 355–374.
 153. Collingwood, R. The Idea of Nature / R.Collingwood. – Oxford: OUP, 1945. – 183 p.
 154. Covotti, A. Teoria della stilometria applicata ai dialoghi platonici da W. Lutoslawski / A.Covotti // Rendiconti dell' Accad. d. Lincei. – 1898. – V (9–10). – P. 396–413.
 155. Craig, H., Kinney, A. F. Shakespeare, Computers, and the Mystery of Authorship / H.Craig. A.F.Kinney. – Cambridge: CUP, 2009. – 360 p.

156. Defort, M. Historia y ficción en La fiesta del Chivo de Mario Vargas Llosa / M.Defort // Itinerarios: revista de estudios lingüísticos, literarios, históricos y antropológicos. – 2008. – № 7. – P. 149–163.
157. Del Cañizo, J. “La guerra del fin del mundo”, de Mario Vargas Llosa: una novela total / J.del Cañizo // El Ciervo. – 1982. – Vol. 31. – № 376/377. – P. 32–35.
158. Delgado, J.M. Representación verbal y expresiva en el universo violento de La ciudad y los perros / J.M.Delgado // Litterata: Revista do Centro de Estudos Hélio Simões. – 2019. – Vol. 9. – № 2. – P. 56–70.
159. Dittenberger, W. Sprachliche Kriterien Für Die Chronologie Der Platonischen Dialoge / W.Dittenberger // Hermes. – 1881. – № 16. – P. 321–345.
160. Donoso, J. Historia personal del «boom» / J.Donoso. – Barcelona: Seix Barral, 1983. – 161 p.
161. Dravasa, M. The Boom in Barcelona. Literary Modernism in Spanish and Spanish-american Fiction (1950- 1974) / M.Dravasa. – New York: Peter Lang, 2005. – 195 p.
162. Du, K. Authorship of Dream of the Red Chamber: A Topic Modeling Approach / K.Du // ADHO – 2017, McGill University, Université de Montréal [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: <https://dh2017.adho.org/abstracts/171/171.pdf> (дата обращения: 13.12.2024). – Режим доступа: свободный.
163. Du, K., Dudar, J., Rok, C., Schöch, Ch. Zeta & Eta: An Exploration and Evaluation of Two Dispersion-Based Measures of Distinctiveness / K.Du, J.Dudar, C.Rok, C.Schöch // Proceedings Computational Humanities Research. – 2021. – № 1613. – P. 181–194.
164. Eder, M. Elena Ferrante: A Virtual Author / M.Eder // Drawing Elena Ferrante’s profile / A. Tuzzi, M. A. Cortelazzo (eds). – Padova: Padova University Press, 2018. – P. 31–45.
165. Eder, M. Rolling Stylometry / M.Eder // Digital Scholarship in the Humanities. – 2016. – Vol. 31. – № 3. – P. 457–469.
166. Eder, M. Style-Markers in authorship attribution. A cross-language study of the authorial fingerprint / M.Eder // Studies in Polish Linguistics. – 2011. – № 6. – P. 99–114.

167. Eder, M., Rybicki, J. Go Set a Watchman While We Kill the Mockingbird in Cold Blood, with Cats and Other People / M.Eder, J.Rybicki // Digital Humanities: Conference Abstracts. – Kraków: Jagiellonian University & Pedagogical University, 2016. – P. 184–186.
168. Eder, M., Rybicki, J., Kestemont, M. Stylometry with R: a package for computational text analysis / M.Eder, J.Rybicki, M.Kestemont // R Journal. – 2016. – Vol. 8. – № 1. – P. 107–121.
169. Establier Pérez, H. Vargas Llosa y el nuevo arte de hacer novelas / H.Establier Pérez. – Alicante: Universidad Publicaciones, 1997. – 184 p.
170. Evert, S., Proisl, T., Jannidis, F., Reger, I., Pielström, S., Schöch, Ch., Vitt, T. Understanding and Explaining Delta Measures for Authorship Attribution / S.Evert, T.Proisl, F.Jannidis, I.Reger, S.Pielström, Ch.Schöch // Digital Scholarship in the Humanities. – 2017. – Vol. 32. – № 2i. – P. ii4–ii16.
171. Fernández Carmona, J. C. El mentiroso y el escritor. Teoría y práctica literarias de Mario Vargas Llosa / J.C.Fernández Carmona. – Lima: Fondo Pedagógico San Marcos, 2003. – 350 p.
172. Fernández Cozman, C. El estilo separativo, la inteligencia figural y el etnocentrismo en la civilización del espectáculo de Mario Vargas Llosa / C.Fernández Cozman // Acta literaria. – 2017 – № 54. – P. 187–195.
173. Ferreira, C. Review of Le dedico mi silencio, by Mario Vargas Llosa / C.Ferreira // World Literature Today. – 2024. – Vol. 98. – №. 3. – P. 59–60.
174. Fonseca Gálvez, A. El realismo social de León Tolstói en la novela crítica de Mario Vargas Llosa y su importancia como documento memorístico / A.Fonseca Gálvez // Reflectio. – 2019. – Vol. 7. – № 3. – P. 56–79.
175. Franco, J. From Modernization to Resistance: Latin American Literature 1959–1976 / J.Franco // Latin American Perspectives. – 1978. – Vol. 5. – № 1. – P. 77–97.
176. Frank, R.M. El estilo de «Cachorros» / R.M.Frank // Mario Vargas Llosa / J.M. Oviedo (ed.). – Madrid: Taurus, 1982. – P. 156–175.

177. Fuente González, M. “La tía Julia y el escribidor”, de Vargas Llosa, como motivo de acercamiento al estudio de estilos / M.Fuente González // Tabanque: Revista pedagógica. – 1995. – № 10. – P. 109–121.
178. Fuentes, C. La gran novela latinoamericana / C.Fuentes. – Madrid: Alfaguara, 2011. – 448 p.
179. Fuentes, C. La nueva novela latinoamericana / C.Fuentes. – México: Editorial Joaquín Mortiz, 1969. – 98 p.
180. Gladwin, A., Lavin, M., Look, D. Stylometry and Collaborative Authorship: Eddy, Lovecraft, and The Loved Dead / A.Gladwin, M.Lavin, D.Look // Digital Scholarship in the Humanities. – 2017. – Vol. 32. – № 1. – P. 123–140.
181. Gnutzmann, R. Cómo leer a Mario Vargas Llosa / R.Gnutzmann. – Madrid: Júcar, 1992. – 202 p.
182. Gomperz, Th. Platonische Aufsätze / Th.Gomperz // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien. – 1887. – Vol. CXIV. – S. 741–766.
183. González, J.E., Camacho, M.F., Barbosa, M., Detecting Modernismo’s Fingerprint: A Digital Humanities Approach to the Turn of the Century Spanish American Novel / J.E.González, M.F.Camacho, M.Barbosa // Review: Literature and Arts of the Americas. – 2018. – Vol. 51. – № 2. – P. 195–204.
184. Gougenheim, G, Michéa, R., Rivenc, P., Sauvageot, A. L’élaboration du français fondamental (premier degré) / G.Gougenheim, R.Michéa, P.Rivenc, A.Sauvageot. – Paris: Didier, 1964. – 303 p.
185. Grzybek, P. The emergence of stylometry: prolegomena to the history of term and concept / P.Grzybek // Text within Text — Culture within Culture / K. Kroó, P. Torop (eds). – Budapest – Tartu: L’Harmattan, 2014. – P. 58–75.
186. Halevy, A., Norvig, P., Pereira, F. The unreasonable effectiveness of data / A.Halevy, P.Norvig, F.Pereira // IEEE Intelligent Systems. – 2009. – Vol. 24. – № 2. – P. 8–12.
187. Harss, L. Los nuestros / L. Harss. – Buenos Aires: Sudamericana, 1966. – 463 p.

188. Heikel, I.A. Bemerkungen zur Sprachstatistik und zur sogenannten Stylometrie / I.A.Heikel // Eranos. – 1900. – № 4. – P. 11–19.
189. Herdan, G. The Advanced Theory of Language as Choice and Chance / G.Herdan. – Berlin et al.: Springer, 1966. – 459 p.
190. Hernández-Lorenzo, L., Byszuk, J. Challenging stylometry: The authorship of the baroque play “La Segunda Celestina” / L.Hernández-Lorenzo, J.Byszuk // Digital Scholarship in the Humanities. – 2023. – Vol. 38. – № 1. – P. 544–558.
191. Hernández, H.H. Notas sobre el español de América: entorno y contexto en “El héroe discreto” de Mario Vargas Llosa / H.H.Hernández // Verba hispanica: anuario del Departamento de la Lengua y Literatura Españolas de la Facultad de Filosofía y Letras de la Universidad de Ljubljana. – 2014. – № 22. – P. 15–36.
192. Holmes, D.I. The Evolution of Stylometry in Humanities Scholarship / D.I.Holmes // Literary and Linguistic Computing. – 1998. – № 3. – P. 111–117.
193. Holzner, E. Stilometrie (zu Platon) / E. Holzner // Beil. zu Miinchner allg. Zeitung. – 1899. – № 44.
194. Hoover, D.L. A Conversation Among Himself: Change and the Styles of Henry James / D.L.Hoover // Digital Literary Studies / D.L.Hoover, J.Culpeper, K.O’Halloran (eds). – New York & London: Routledge, 2014. – P. 90–119.
195. Hoover, D.L. Delta, Delta Prime, and Modern American Poetry: Authorship Attribution Theory and Method / D.L.Hoover // Proceedings of the 2005 ALLC/ACH Conference [Электронный ресурс]. – 2005. – URL: <https://dh-abstracts.library.virginia.edu/works/486> (дата обращения: 01.04.2025). – Режим доступа: свободный.
196. Hoover, D.L. The Invisible Translator Revisited / D.L.Hoover // DH-2019 Proceedings [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: <https://dev.clariah.nl/files/dh2019/boa/0126.html> (дата обращения: 01.04.2025). – Режим доступа: свободный.
197. Hou, J. Buitre o fénix: la traducción y la recepción de la obra de Mario Vargas Llosa en China: tesis doctoral / J.Hou. – Huelva: Universidad de Huelva, 2017. – 578 p.

198. Iosifyan, M., Vlasov, I. And Quiet Flows the Don: the Sholokhov-Kryukov Authorship Debate / M.Iosifyan, I.Vlasov // Digital Scholarship in the Humanities. 2020. Vol. 35. – № 2. – P. 307–318.
199. Jannidis, F., Lauer, G. Burrows's Delta and its use in German literary history / F.Jannidis, G.Lauer // Distant Readings. Topologies of German Culture in the Long Nineteenth Century / M.Erlin, L.Tatlock (eds). – Rochester: Camden House, 2014. – P. 29–54.
200. Jiménez Barrilado, S. Análisis de expresiones léxicas del español de Latinoamérica y adaptación al español de España: Los cuadernos de don Rigoberto / S.Jiménez Barrilado. – Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona, 2015. – 43 p.
201. Köllmann, S. Mistrust and Mastery: Goethe, Victor Hugo, Mario Vargas Llosa and the Art of Rhetoric / S.Köllmann // Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric. – 2014. – Vol. 32. – № 3. – P. 267–311.
202. Kovalev, B.V. From Classics to Digital Philology: on the Origin and Growth of Stylometry / B.V. Kovalev // Philologia Classica. – 2024. – Vol. 19. – № 2. – P. 347–360.
203. Kristal, E. The Temptation of the Word. The Novels of Mario Vargas Llosa / E.Kristal. – Nashville: University of Vanderbilt, 1998. – 276 p.
204. Kristal, E., King, J. (eds). The Cambridge Companion to Mario Vargas Llosa / E.Kristal, J.King (eds). – Cambridge: Cambridge UP, 2012. – 256 p.
205. La Quinzaine: revue littéraire, artistique et scientifique [Электронный ресурс]. – Vol. XVII. – № 65. – 1 Juillet 1897. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6858432b> (дата обращения: 11.11.2024). – Режим доступа: свободный.
206. Lennon, B. Passwords. Philology, Security, Authentication. / B.Lennon Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. – 229 p.
207. Lina, T. De praepositionum usu platonico: Quaestiones Selectae / T.Lina. – Marpurgi, 1889. – 80 p.
208. Lord, R.D. De Morgan and the statistical study of literary style / R.D.Lord // Biometrika. – 1958. – № 45. – P. 282.

209. Lovón Cueva, M. A. Peruanismos en las obras literarias de Mario Vargas Llosa / M.A.Lovón Cueva // Boletín de la Academia Peruana de la Lengua. – 2012. – № 53. – P. 13–26.
210. Lutoslawski, W. La loi stylométrique / W.Lutoslawski // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. – 1897a. – Vol. 41. – № 3. – P. 311–314.
211. Lutoslawski, W. Nachtrag zu der vorhergehenden Abhandlung / W.Lutoslawski // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. – 1897b. – № 110. – P. 217–219.
212. Lutoslawski, W. On Stylometry. (Abstract of a paper read at the Oxford philological Soc.) / W.Lutoslawski // Classical Review. – 1897c. – № 6. – P. 284–286.
213. Lutoslawski, W. Principes de stylométrie appliqués a la chronologie des œuvres de Platon / W.Lutoslawski // Revue Des Études Grecques. – 1898a. – № 11 (41). P. 61–81.
214. Lutoslawski, W. Stylometrisches / W.Lutoslawski // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. – 1898b. – №. 112. – P. 34–41.
215. Lutoslawski, W. The origin and growth of Plato's logic / W.Lutoslawski. London: Longmans, 1897d. – 606 p.
216. Malyutov, M. B., Wickramasinghe, Ch. I., Li, S. Conditional Complexity of Compression for Authorship Attribution / M.B. Malyutov, Ch.I.Wickramasinghe, S.Li // SFB 649 Discussion Paper [Электронный ресурс]. – № 2007-057. – 2007. – URL: <https://edoc.hu-berlin.de/server/api/core/bitstreams/35c784ef-6fe6-4da7-9da6-1d80e21f603b/content> (дата обращения: 10.12.2024). – Режим доступа: свободный.
217. Martín, J.L. La narrativa de Vargas Llosa: acercamiento estilístico / J.L.Martín. – Madrid: Cremos, 1979. – 224 p.
218. Martos, M. Piura en la narrativa de Mario Vargas Llosa / M. Martos // Revista Letral. – 2019. – № 21. – P. 204–223.
219. Mendenhall, T.C. A mechanical solution of a literary problem / T.C.Mendenhall // Popular Science Monthly. – 1901. – № 9. – P. 97–105.

220. Mendenhall, T.C. The characteristic curves of composition / T.C.Mendenhall // Science. – 1887. – № 9 (214) (Supplement). – P. 237–249.
221. Meyer, P. W. Lutoslawski's Théorie der Stylometrie auf die platonische Frage angewendet. Auszug aus dem Werke / P.W.Meyer // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. – 1897. – № 110. – P. 171–217.
222. Michéa, R. Mots fréquents et mots disponibles. Un aspect nouveau de la statistique du langage / R.Michéa // Les langues modernes. – 1953. – № 47. – P. 338–344.
223. Morán Rodríguez, C. Borges y Bioy Casares: sus colaboraciones literarias a la luz de la estilometría / C.Morán Rodríguez // Cultura, Lenguaje y Representación. – 2023. – Vol. XXXII. – P. 167–184.
224. Morin Flores, A., Canizales, R.R. “La fiesta del Chivo”: entre el poder, el derecho, el miedo y la complicidad / A.Morin Flores, R.R.Canizales // Revista oficial del poder judicial. – 2021. – Vol. 13. – № 16. – P. 319–343.
225. Mosteller, F., Wallace, D.L. Inference and disputed authorship: The Federalist/ F.Mosteller, D.L.Wallace. – Stanford, CA: CSLI Publications, 2007. – 304 p.
226. Mosteller, F., Wallace, D.L. Inference in an Authorship Problem / F. Mosteller, D.L.Wallace // Journal of the American Statistical Association. – 1963. – Vol. 58. – № 302. – P. 275–309.
227. Mudrovcic, M.E. “La tía Julia y el Escribidor”: algunas lecciones prácticas en torno a la estética de lo huachafo / M.E.Mudrovcic // INTI. – 1996. – № 43/44. – P. 121–134.
228. Novoa, P. Desmontaje del artificio de la “novela total” en “Conversación en la Catedral” de Mario Vargas Llosa / P.Novoa // Tonos digital. – 2020. – Vol. 38. – № 1. – P. 1–21.
229. Omaña, B. Ideología y Texto En Vargas Llosa: Sus Diferentes Etapas / B.Omaña // Revista de Crítica Literaria Latinoamericana. – 1987. – Vol. 13. – № 26. – P. 137–154.
230. Oviedo, J.M. Mario Vargas Llosa: estudios críticos / J.M.Oviedo. – Madrid: Alhambra, 1983. – P. 200–208.
231. Oviedo, J.M. Mario Vargas Llosa: la invención de una realidad / J.M.Oviedo. – Barcelona: Barral Editores, 1970. – 272 p.

232. Paul, H. Principles of the History of Language / H.Paul. – London: Longmans, 1891. – 511 p.
233. Pereira, A. Reseña de J. L. Martín, La narrativa de Vargas Llosa. Acercamiento estilístico, Madrid, Cremos, 1974; 281 pp. (Biblioteca Románica Hispánica) / A.Pereira // Anuario de Letras. Lingüística y Filología. – 1975. – Vol. 13. – P. 352–363.
234. Pernet, N. La memoria del boom latinoamericano / N.Pernet // La Razon pública [Электронный ресурс]. – 2013. – URL: <https://razonpublica.com/la-memoria-del-boom-latinoamericano/> (дата обращения: 30.10.2024). – Режим доступа: свободный.
235. Piñeyro, J.C. Alteridad y estrategia discursiva en “El hablador” de Mario Vargas Llosa / J.C.Piñeyro // Cartaphilus: revista de investigación y crítica estética. – 2008. – Vol. 4. – P. 122–135.
236. Prieto, R. The Two Narrative Voices in Mario Vargas Llosa’s “Aunt Julia and the Scriptwriter” / R.Prieto // Latin American Literary Review. – 1983. – Vol. 11. – № 22. – P. 15–25.
237. Ritter, C. Die Sprachstatistik in Anwendung auf Platon und Göthe / C.Ritter // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. – 1903. – Vol. XI. – S. 241–261.
238. Rojas Castro, A. ¿Cuántos “Góngoras” podemos leer? Un análisis contrastivo de la poesía de Luis de Góngora / A.Rojas Castro // e-Spania: Revue interdisciplinaire d’études hispaniques médiévales et modernes [Электронный ресурс]. – 2018. – № 29. – URL: <https://journals.openedition.org/e-spania/27448>. (дата обращения: 20.09.2024). – Режим доступа: свободный.
239. Rossoni, S. “A Sinful Passion”: Mario Vargas Llosa’s Readings of Borges from 1964 to 2014 / S.Rossoni // Bulletin of Spanish Studies. – 2022. – № 99. – P. 477–505.
240. Rotari, G., Jander, M., Rybicki, J. The Grimm Brothers: A Stylometric Network Analysis / G.Rotari, M.Jander, J.Rybicki // Digital Scholarship in the Humanities. – 2021. – Vol. 36. – № 1. – P. 172–186.

241. Rybicki, J, Kestemont, M., Hoover, D. L. Collaborative Authorship: Conrad, Ford, and Rolling Delta / J.Rybicki. M.Kestemont, D.L.Hoover // *Literary and Linguistic Computing*. – 2014. – Vol. 29. – № 3. – P. 422–431.
242. Rybicki, J. The Great Mystery of the (Almost) Invisible Translator / J.Rybicki // *Quantitative Methods in Corpus-Based Translation Studies: A Practical Guide to Descriptive Translation Research*. – 2012. – Vol. 231. – P. 231–248.
243. Rybicki, J. Vive La Différence: Tracing the (Authorial) Gender Signal by Multivariate Analysis of Word Frequencies / J.Rybicki // *Digital Scholarship in the Humanities*. – 2016. – Vol. 31. – № 4. – P. 746–761.
244. Rybicki, J., Eder, M. Deeper Delta across Genres and Languages: Do We Really Need the Most Frequent Words? / J.Rybicki, M.Eder // *Literary and Linguistic Computing*. – 2011. – Vol. 26. – № 3. – P. 315–321.
245. Salazar, B. La violencia como temática en La ciudad y los perros de Mario Vargas Llosa: seminario para optar al grado de Licenciado en Lengua y Literatura Hispánica con mención en Literatura / B.Salazar. – Santiago, 2005. – 42 p.
246. Salinas, A. Vargas Llosa, Lector de Borges / A.Salinas // *Variaciones Borges*. – 2021. – № 51. – P. 147–166.
247. Sánchez, P. La emancipación engañosa. Una crónica transatlántica del boom (1963-1972) / P.Sánchez. – Alicante: Universidad de Alicante, 2009. – 238 p.
248. Sandoval, J.E.N. Yo autobiográfico y figura(s) de autor en “La tía Julia y el Escribidor” y “El pez en el agua” de Mario Vargas Llosa / J.E.N.Sandoval // *Nueva Revista de Filología Hispánica*. – 2019. – № 2. – P. 545–578.
249. Schanz, M. Zur Entwicklung des platonischen Stils / M.Schanz // *Hermes*. – 1886. – Vol. XXVI. – S. 437–459.
250. Schlickers, S. Conversacion En La Catedral y La Guerra Del Fin Del Mundo de Mario Vargas Llosa: Novela Totalizadora y Novela Total / S.Schlickers // *Revista de Crítica Literaria Latinoamericana*. – 1998. – Vol. 24. – № 48. – P. 185–211.
251. Schöch, Ch., Schlör, D., Zehe, A., Gebhard, H., Becker, M., Hotho, A. ‘Burrows’ Zeta: Exploring and Evaluating Variants and Parameters / Ch.Schöch, D.Schlör, A.Zehe, H.Gebhard, M.Becker, A.Hotho // *Book of Abstracts of the Digital*

- Humanities Conference (presented at the Digital Humanities Conference (DH2018)) [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: <https://dh2018.adho.org/burrows-zeta-exploring-and-evaluating-variants-and-parameters/> (дата обращения: 02.11.2024). – Режим доступа: свободный.
252. Schöch, Ch. Corneille, Molière et les autres. Stilometrische Analysen zu Autorschaft und Gattungszugehörigkeit im französischen Theater der Klassik / Ch. Schöch // Literaturwissenschaft im digitalen Medienwandel / Ch Schöch, L. Schneider (eds). Beihefte von Philologie im Netz. – 2014. – P. 130–157.
253. Schöch, Ch. Fine-tuning Our Stylometric Tools: Investigating Authorship and Genre in French Classical Theater / Ch. Schöch // DH2013. Lincoln [Электронный ресурс]. – 2013. – URL: <http://dh2013.unl.edu/abstracts/ab-270.html> (дата обращения: 02.11.2024). – Режим доступа: свободный.
254. Schöch, Ch. Zeta für die kontrastive Analyse literarischer Texte. Theorie, Implementierung, Fallstudie / Ch. Schöch // Quantitative Ansätze in den Literatur- und Geisteswissenschaften. Systematische und historische Perspektiven / T. Bernhart, S. Richter, M. Lepper, M. Willand, A. Albrecht (eds). – De Gruyter, 2018. – P. 77–94.
255. Shumilin, M.V., Nikolaev, D.S. Identifying Latin Authors through Maximum-Likelihood Dirichlet Inference: A Contribution to Model-Based Stylometry / M.V.Shumilin, D.S.Nikolaev // Shagi/Steps. – 2021. – Vol. 7. – № 1. – P. 183–198.
256. Siebeck, H. Untersuchungen zur Philosophie der Griechen / H.Siebeck. –Freiburg in B., 1888. – 304 s.
257. Simunovic Díaz, H. Semántica en la fase de inicio de Conversación en la catedral de Mario Vargas Llosa / H.Simunovic Díaz // Universidad de Antioquia: Lingüística y literatura. – 2013. – Vol. 63. – P. 195–220.
258. Skorinkin, D., Orekhov, B. “Reis melhor do que eu”: los heterónimos de Pessoa desde una perspectiva estilométrica / D.Skorinkin, B.Orekhov // Literatura: teoría, historia, crítica. – 2023a. – Vol. 25. – № 2. – P. 155–179.
259. Skorinkin, D., Orekhov, B. Hacking stylometry with multiple voices: Imaginary writers can override authorial signal in Delta / D.Skorinkin, B.Orekhov // Digital Scholarship in the Humanities. – 2023b. – Vol. 38. – №3. – P. 1246–1266.

260. Storey, G., Mimno, D. Like Two Pis in a Pod: Author Similarity Across Time in the Ancient Greek Corpus / G.Storey, D.Mimno // Journal of Cultural Analytics. – 2020. – Vol. 5. – № 2. – P. 1–35.
261. Tannery, P. La stylométrie ses origines et son présent / P.Tannery // Revue Philosophique de La France et de l'Étranger. – 1899. – № 47. – P. 159–169.
262. Ternicier, C. El boom latinoamericano y la movilidad de los polisistemas: una discusión a la propuesta de Pascale Casanova / C.Ternicier // Mitologías hoy: Revista de pensamiento, crítica y estudios literarios latinoamericanos. – 2014. – № 9. – P. 184–200.
263. Tuldava, J. Stylistics, Author Identification // Handbooks of Linguistics and Communication Science / J.Tuldava // R.Köhler, G.Altmann, R.Piotrowski (eds). – Berlin – New York: De Gruyter, 2005. – P. 368–387.
264. Valencia Sala, G. La fiesta del Chivo: Trujillo entre la autoridad patriarcal y la imagen salvaje de la nación / G.Valencia Sala // Kipus: revista andina de letras. – 2013. – № 33. – P. 79-89.
265. Vapnik, V.N. Statistical Learning Theory / V.N.Vapnik. – New York: John Wiley, 1998. – 334 p.
266. Vargas Llosa, M. A Writer's Reality / M.Vargas Llosa; intr. by M.Lichtblau. – Syracuse: SUP, 1991. – 165 p.
267. Williams, R.L., Carrasquilla, T. Mario Vargas Llosa y el regionalismo del siglo XXI / R.L.Williams, T.Carrasquilla // University of Columbia, Riverside. Lingüística y literatura. – 2012. – № 61. – P. 19–26
268. Williams, C.B. Style and Vocabulary: Numerical Studies / C.B.Williams. – London: Griffin, 1970. – 161 p.
269. Williams, R.L. Mario Vargas Llosa. A Life of Writing / R.L.Williams. – Austin: University of Texas, 2014. – 248 p.
270. Wood, T. A. Fast Stylometry [Computer software] (1.0.4). Data Science Ltd. // Fast Data Science [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: <https://fastdatascience.com/natural-language-processing/fast-stylometry-python-library/> (дата обращения: 15.08.2024). – Режим доступа: свободный.

271. Yule, G.U. The Statistical Study of Literary Vocabulary / G.U.Yule. – Cambridge: MIT Press, 1944. – 318 p.
272. Zavala Cisneros, V. El castellano de la sierra del Perú / V.Zavala Cisneros // La tradición andina en tiempos modernos / L.Millones, H.Tomoeda (eds). –Osaka: National Museum of Ethnology, 1996. – P. 81–131.
273. Ziemacki, J. Wincenty Lutoslawski – droga myśli: praca doktorska / J.Ziemacki. – Warszawa, 2022. – 355 p.
274. Zipf, G.K. Selected studies of the principle of relative frequency in language / G.K.Zipf. – Cambridge: Harvard Univerity Press, 1932. – 51 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И БИБЛИОГРАФИЙ

1. Винокур, Т.Г., Братченко, С.Л. Диалог / Т.Г.Винокур, С.Л.Братченко // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/4046295> (дата обращения: 13.10.2024). – Режим доступа: свободный.
2. Diccionario de la lengua española [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://dle.rae.es> (дата обращения: 11.10.2024). – Режим доступа: свободный.
3. Dictionnaire de français Larousse [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/stylométrie/188735> (дата обращения: 11.10.2024). – Режим доступа: свободный.
4. Diezmann, J.A. Nouveau dictionnaire de poche des quatre langues principales de l'Europe / J.A.Diezmann. – Vol. 2. – Leipzig: Baumgärtners Buchhandlung, 1836. – 1084 p.
5. Käding, F. Häufigkeitswörterbuch der deutsche Sprachen / F.Käding. – Berlin: Steiglitz, 1898. – 674 s.
6. Kaltschmidt, J.H. Neues und vollständiges Fremdwörterbuch zur Erklärung alles aus fremden Sprachen entlehnten Wörter und Ausdrücke / J.H.Kaltschmidt. –Frankfurt: Salzwasser-Verlag, 1870. – 982 s.
7. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=stylometry> (дата обращения: 11.10.2024). – Режим доступа: свободный.
8. Ruelle, Ch.-Em. Bibliographie annuelle des études grecques (1891-92) / Ch.-Em. Ruelle // Revue des études grecques. – 1893. – 6–24. – P. 410–478.
9. Ruelle, Ch.-Em. Bibliographie annuelle des études grecques (1892-93-94) / Ch.-Em. Ruelle. // Revue des études grecques. – 1894. – 7–27–28. – P. 402–456.
10. Ruelle, Ch.-Em. Bibliographie annuelle des études grecques (1894-94-95) / Ch.-Em. Ruelle // Revue des études grecques. – 1896. – 9–33. – P. 110–167.

11. Ruelle, Ch.-Em. Bibliographie annuelle des études grecques (1894-95) / Ch.-Em. Ruelle // Revue des études grecques. – 1897. – 10–38. – P. 193–220.
12. Ruelle, Ch.-Em. Bibliographie annuelle des études grecques (1895-96-97) / Ch.-Em. Ruelle // Revue des études grecques. – 1898. – 11–44. – P. 439–517.
13. Ruelle, Ch.-Em. Bibliographie annuelle des études grecques (1897-98-99) / Ch.-Em. Ruelle // Revue des études grecques. – 1900. – 13–51. – P. 45–121.
14. Ruelle, Ch.-Em. Bibliographie annuelle des études grecques (1898-99-1900) / Ch.-Em. Ruelle // Revue des études grecques. – 1901. – 14–57. – P. 206–263.
15. Sommer, J.G. Neues wort- und sacherklärendes Versteuchungs-Wörterbuch aller jener aus fremden Sprachen entlehnten Wörter, Ausdrücke und Redensarten, welche die Teutschen bis jetzt, in Schriften und Büchern sowohl als in der Umgangssprache, noch immer für unentbehrlich und unersetzlich gehalten haben. Ein Handbuch für Geschäftsmänner, Zeitungsleser und alle gebildete Menschen überhaupt / J.G.Sommer. – Prag: J. G. Calve'sche Buchhandlung, 1814. – 520 s.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варгас Льоса, М. Тетушка Хулия и писака / М.Варгас Льоса; пер. Л.Новиковой. – СПб.: Азбука-Классика, 2012. – 416 с.
2. Fuentes, C. La muerte de Artemio Cruz / C.Fuentes. – London: Penguin Books, 1996. – 272 p.
3. Fuentes, C. Terra nostra / C.Fuentes. – Barcelona: Seix Barral, 1975. – 783 p.
4. García Márquez, G. Cien años de soledad / G.García Márquez. – Madrid: RAE y ASALE, 2007. – 752 p.
5. García Márquez, G. El otoño del patriarca / G.García Márquez. Barcelona: Debolsillo, 2003. – 304 p.
6. Vargas Llosa, M. Cinco esquinas / M.Vargas Llosa. – Madrid: Alfaguara, 2016a. – 246 p.
7. Vargas Llosa, M. Conversación en la Catedral / M.Vargas Llosa. – Madrid, Alfaguara, 1999a. – 736 p.
8. Vargas Llosa, M. El hablador / M.Vargas Llosa. – Barcelona: Debolsillo, 2021a. – 270 p.
9. Vargas Llosa, M. El héroe discreto / M.Vargas Llosa. – Madrid: Alfaguara, 2013. – 392 p.
10. Vargas Llosa, M. El Paraíso en la otra esquina / M.Vargas Llosa. – Madrid: Alfaguara, 2003. – 440 p.
11. Vargas Llosa, M. Elogio de la madrastra / M.Vargas Llosa. – Barcelona: Tusquets, 1988. – 204 p.
12. Vargas Llosa, M. Historia de Mayta / M.Vargas Llosa. – Madrid: Alfaguara, 2018. – 376 p.
13. Vargas Llosa, M. La casa verde / M.Vargas Llosa. – Barcelona: Seix Barral, 1983. – 304 p.
14. Vargas Llosa, M. La ciudad y los perros / M.Vargas Llosa. – Madrid: RAE y ASALE, 2012. – 784 p.

15. Vargas Llosa, M. La Fiesta del Chivo / M.Vargas Llosa. – Madrid: Alfaguara, 2000. – 520 p.
16. Vargas Llosa, M. La guerra del fin del mundo / M.Vargas Llosa. – Barcelona: Debolsillo, 2015. – 928 p.
17. Vargas Llosa, M. La tía Julia y el escribidor / M.Vargas Llosa. – Madrid: Alfaguara, 2016b. – 480 p.
18. Vargas Llosa, M. Le dedico mi silencio / M.Vargas Llosa. – Madrid, Alfaguara, 2023. – 312 p.
19. Vargas Llosa, M. Lituma en los Andes / M.Vargas Llosa. – Barcelona: Debolsillo, 2021b. – 320 p.
20. Vargas Llosa, M. Los cuadernos de Don Rigoberto / M.Vargas Llosa. – Madrid: Alfaguara, 1997. – 392 p.
21. Vargas Llosa, M. Pantaleón y las visitadoras / M.Vargas Llosa. – Madrid: Alfaguara, 1999b. – 328 p.
22. Vargas Llosa, M. Sueño del Celta / M.Vargas Llosa. – Madrid: Alfaguara, 2010. – 456 p.
23. Vargas Llosa, M. Tiempos recios / M.Vargas Llosa. – Madrid: Alfaguara, 2019. – 360 p.
24. Vargas Llosa, M. Travesuras de la niña mala / M.Vargas Llosa. – Madrid: Alfaguara, 2006. – 384 p.